

János Kornai

Gondolatok a kapitalizmusról

2011

Янош Корнай

Размышления о капитализме

Перевод с венгерского

Оксаны Якименко

под научной редакцией

Даниила Раскова

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Smolny

Смольнинский институт
политических исследований
и истории

МОСКВА · САНКТ-ПЕТЕРБУРГ · 2012

УДК 339.7
ББК 65.018
К67

Перевод с венгерского *Оксаны Якименко*
Научный редактор *Данила Расков*
Литературный редактор перевода *Ольга Кувакина*

КОРНАИ Я.
К67 Размышления о капитализме / пер. с венг. О. Якименко;
науч. ред. Д. Расков. – М.: Издательство Института Гайдара, 2012. –
352 с.

ISBN 978-5-93255-344-2

В своей последней книге известный венгерский экономист и критик социалистической экономики – Янош Корнаи – делится с читателями мыслями о характере современного капитализма. В книгу вошли четыре эссе о различных аспектах и проблемах современного капитализма: формах функционирования рынка, инновациях, занятости и безработице, распределении благ и общественной солидарности. Автор – хорошо знакомый с постсоциалистическими реалиями – останавливается на положительных и отрицательных сторонах капиталистической системы, обращаясь как к специалистам, так и ко всем, кто интересуется современной экономикой.

© János Kornai, 2011

© Оксана Якименко, перевод, 2012

© Издательство Института Гайдара, 2012

ISBN 978-5-93255-344-2

Содержание

Предисловие к русскому изданию · 9

Введение · 15

Одной ногой внутри, другой — снаружи: мои отношения с мейнстримной экономикой · 17; Критический взгляд — в защиту капитализма · 28; Бесконечная работа · 31

ЧАСТЬ I. ИННОВАЦИИ И ДИНАМИЗМ

Введение · 37

I–1. Капитализм, социализм и технический прогресс · 40

1.1. Революционно новые продукты · 40; 1.2. Следом за первопроходцами — распространение обновлений · 46; 1.3. Инновационное предпринимательство при капитализме · 49; 1.4. Невозможность инновационного предпринимательства при социализме · 57; 1.5. Политические факторы и технический прогресс · 63; 1.6. Первые итоги: системы и технический прогресс · 64

I–2. Преобразование (трансформация) и ускорение технического прогресса · 67

2.1. Предприниматели-новаторы · 68; 2.2. Ускорение распространения инноваций и гонки за лидером · 69; 2.3. Созидательное разрушение · 74

I–3. Отражение исторической действительности в сознании людей · 81

3.1. Базовое явление — отсутствие понимания · 81; 3.2. Ответственность экономистов · 85; 3.3. Ответственность поли-

тиков · 88; 3.4. Взаимосвязанность (interconnectivity) и демократия · 90

Заключение · 96

ЧАСТЬ II. ЭКОНОМИКА ДЕФИЦИТА — ЭКОНОМИКА ИЗБЫТКА

Введение · 101

Общие впечатления · 101; Прояснение понятий в первом приближении · 104; Подход, используемый в работе: место в экономическом дискурсе · 105; Предварительный обзор границ предмета исследования и структуры · 107

**II–1. Рынок товаров и услуг: механизм
воспроизведения избытка · 109**

1.1. Пример из истории экономики: американская система телефонных коммуникаций · 109; 1.2. Процессы, связанные с предложением · 113; 1.3. Процессы, связанные со спросом · 124; 1.4. Процесс ценообразования · 126

**II–2. Рынок товаров и услуг: понятийный аппарат
и методика измерения · 129**

2.1. «Чистые», простые случаи · 129; 2.2. Первая сложность: постоянное взаиморегулирование спроса и предложения · 138; 2.3. Вторая сложность: параллельное наличие избыточного предложения и избыточного спроса · 141; 2.4. Отклонения: обзор препятствий для производства и микроограничения по производству · 142; 2.5. Третья сложность: как разграничить «необходимые» и «избыточные» запасы · 145; 2.6. Четвертая сложность: неоправданное агрегирование (aggregation) · 149; 2.7. Практические предложения в отношении измерений и понятийного аппарата · 152; 2.8. Формирование синтетических, композитных показателей · 154

**II–3. Рынок рабочей силы: механизм
воспроизведения избытка · 156**

3.1. Прояснение понятий и измерений · 156; 3.2. Потрясение на рынке труда, вызванное сменой системы · 161; 3.3. Кейнсианская безработица · 167; 3.4. Структурная безработица · 171; 3.5. Несогласованное регулирование, фрикционная безработица и поиск · 173; 3.6. Сдельная оплата труда · 177

II-4. Позитивное описание и причинно-следственный анализ · 181

4.1. «Равновесие» как понятие — можно ли его использовать · 181; 4.2. Асимметрия · 188; 4.3. Общая характеристика двух новых режимов рынка · 191; 4.4. Капиталистическая система генерирует экономику избытка: причинно-следственная цепочка · 197; 4.5. Генетические тенденции · 203

II-5. Экономика избытка: влияние и оценка · 208

5.1. Последствия и оценки · 208; 5.2. Инновация · 209; 5.3. Суверенитет потребителя и манипуляции · 210; 5.4. Производительность и координация · 212; 5.5. Адаптация · 214; 5.6. Равенство · 214; 5.7. «Материализм» и «духовные ценности» · 216; 5.8. Направление коррупции · 217; 5.9. Преимущества и недостатки капиталистической конкуренции на примере автомобильной промышленности · 218; 5.10. В защиту капитализма и экономики избытка · 222; 5.11. Возможности и границы теоретического синтеза · 226; 5.12. Потребность в математических моделях, обладающих объяснительной силой · 232

II-6. Отклонения от общей схемы · 235

6.1. Колебания экономического цикла · 235; 6.2. Военная экономика · 243; 6.3. Исторические перемены, устойчивые тенденции в современном капитализме · 244; 6.4. Рыночно ориентированные реформы при социализме и постсоциалистический переход · 256

Заключение · 267

ЧАСТЬ III. LIBERTÉ, ÉGALITÉ, FRATERNITÉ

Введение · 271

III-1. Liberté · 273

1.1. Политические права, права человека · 273; 1.2. Право свободы предпринимательства, свободного вхождения на рынок, защиты частной собственности · 276; 1.3. Свобода выбора товаров и услуг · 276

III-2. Égalité · 281

III-3. Fraternité · 288

III-4. Прогноз? · 297

**ЧАСТЬ IV. МАРКС ГЛАЗАМИ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА**

Введение · 303

IV-1. Почему я увлекся Марксом... · 306

**IV-2. ...и почему разочаровался в марксистских
идеях · 310**

**IV-3. Интеллектуальная ответственность
за социалистическую систему · 314**

IV-4. Что из учения Маркса продолжает жить · 322

Библиография · 328

Указатель имен · 343

Предисловие к русскому изданию

Надеюсь, моя новая книга вызовет резонанс не только в умах, но и в сердцах российских читателей.

В сборник вошли четыре работы. Предмет первого исследования — *инновация*. Важнейшее свойство капиталистической системы в сфере экономики — это сильнейший стимул, который она создает для развития инновационных процессов. Во времена социализма в Советском Союзе тоже было немало выдающихся изобретателей и ученых, блестящих умов, но результаты их интеллектуальных достижений не находили массового практического применения и широкого коммерческого использования.

Я не раз пересматривал шедевр Тарковского — фильм «Андрей Рублев»; каждая сцена этого фильма вызывает у зрителя самые разнообразные мысли. Как-то раз во время просмотра во мне разыгрался экономист. В первой сцене русский крестьянин Ефим сооружает примитивный воздушный шар и взлетает. «Лечу, лечу!» — кричит он с восхищением. Через несколько минут полета Ефим падает вниз. Этот эпизод мог бы служить символом выдающейся русской творческой энергии, новаторской смелости и трагического провала.

В эпизоде «Колокол» великий князь хочет отлить колокол, но все, кто владел этим непростым мастерством, умерли. Бориска, сын знаменитого литейщика, утверждает, будто отец раскрыл ему секрет колокольной меди, получает разрешение и принимается за работу. Если к художественному произведению, изображающему сюжет

из средневековой истории, можно применить современную экономическую терминологию и это не будет воспринято как богохульство: Бориска – истинный инноватор, он соединяет и заставляет работать материальные ресурсы, людей и интеллектуальный потенциал – профессиональное знание. Он истинный гений организации. И одновременно с этим – технический гений, ведь в финале выясняется, что отец никакого секрета ему не передавал и юноша сам почувствовал, как надо выполнить это невероятно сложное задание. Колокол издает звон, князь и двор уезжают праздновать, а Бориска остается один и начинает биться в истерике. Конечно, речь не об эпохе Билла Гейтса и Стива Джобса, когда гениального инноватора защищают слава и почет и он становится очень богатым человеком.

Сегодня в России функционирует капиталистическая система. Я с нетерпением жду работ российских коллег о том, что происходит в стране сейчас. Повторяют ли русские инноваторы судьбу Ефима и Бориски, или уже стали появляться Биллы Гейтсы и Стивы Джобсы?

Второе исследование – самая объемная часть книги и, по моему внутреннему рейтингу, – самая важная. В ней я противопоставляю социалистическую экономику (характерные черты: экономика дефицита, преобладание явлений избыточного спроса) и капиталистическую (ключевые характеристики: экономика избытка, преобладание явлений избыточного предложения). Когда я представляю эту пару оппозиций экономистам, живущим в западных странах, многие реагируют словами: «Да, при социализме был хронический дефицит. Первая часть утверждения соответствует действительности. Но зачем называть состояние рынка в капиталистической системе экономикой избытка? У нас, если исключить колебания большей или меньшей амплитуды, между спросом и предложением наблюдается равновесие». Они настолько привыкли к избытку, который присутствует в капиталистической рыночной экономике повсюду, что ощущают это состояние как «равновесие».

Я в большей степени рассчитываю на понимание со стороны российских экономистов, по крайней мере тех, кому за сорок, — они на собственном опыте успели почувствовать, что такое экономика дефицита, и в период смены системы пережили момент, когда до этого пустые полки чуть ли не по мановению волшебной палочки заполнились товарами и с тех пор предложение только продолжает расти.

Вспоминаю, как во время последней моей поездки в Ленинград, незадолго до возвращения городу исторического имени, мы жили в прекрасной гостинице для иностранцев. Икру там можно было купить в любом количестве. Мы купили порцию и отнесли в номер, а затем отправились в город купить белого хлеба; заходили из булочной в булочную, но хлеба так нигде и не нашли.

И эта история не представляется чем-то исключительным. Советский Союз на пороге реформ являл собой яркий пример экономики дефицита: зияющие пустотой полки в гастрономах, скудный ассортимент в магазинах промтоваров. Людям часто приходилось стоять в очередях, если в магазин вдруг привозили что-нибудь посимпатичнее. Дефицит на жилье был ужасающий, чужие друг другу семьи были вынуждены вместе прозябать в коммуналках. Покупателям приходилось годами ждать возможности купить автомобиль или разрешения провести в квартиру телефон.

Когда я вновь приехал в Россию спустя несколько лет, то меня ждала совершенно иная картина. В универмагах и небольших магазинах все было совершенно таким же, как в условиях любой другой рыночной экономики — изобилие ассортимента, товаров намного больше, чем покупателей. Желающему купить автомобиль уже не надо годами ждать очереди. Конкурирующие между собой телефонные компании наперебой уговаривают людей воспользоваться их услугами. Квартиру можно легко купить или снять — были бы деньги.

За довольно короткий с исторической точки зрения период российская экономика перескочила из состояния дефицитной экономики в экономику избытка. Причин и последствиям этого недавнего и поддающегося

непосредственному наблюдению радикального сдвига посвящена вторая часть исследования. Каким образом все это повлияло не только на жизнь потребителей, но и на производство, как доходы воздействуют на имущество и право им распоряжаться? Самое важное последствие — тот факт, что в производстве присутствуют избыточные мощности и обширные запасы, а производители и продавцы борются за покупателей, — сразу дает сильнейший стимул для развития инновационных процессов. Здесь круг тем во второй части расширяется и делается попытка проанализировать преимущества и недостатки социализма и капитализма.

В названии третьей части процитирован лозунг Великой французской революции: *Свобода, Равенство, Братство*. Насколько мы, жители бывшего социалистического пространства, приблизились к этим великим целям, и все же насколько по-прежнему далеко мы от них находимся? В книге я попытался подвести некоторые итоги, но, главным образом, с точки зрения стран Центральной и Восточной Европы. Задача российских коллег — основательно и бесстрашно переосмыслить непростые дилеммы, обозначенные в работе, применительно к собственной стране; необходимо вновь поразмышлять о политической и экономической свободе, о равенстве или неравенстве при распределении доходов и имущества, об общественной справедливости и солидарности.

Четвертая часть обращена к теоретическому наследию Карла Маркса. В начале своей научной карьеры я был приверженцем марксизма, но впоследствии отошел от этой системы взглядов. Что подтолкнуло меня к глубокой идейной трансформации? Несет ли Маркс идеологическую и интеллектуальную «ответственность» за социалистические режимы, созданные под руководством коммунистических партий? Что в его учении не выдержало проверку временем, а что из теоретических выкладок Маркса может с успехом использовать современный экономист, исследователь общества? На эти вопросы я старался ответить в заключительной части книги (между прочим, в третьей части я тоже не раз обращаюсь к идеям Маркса).

Все, без исключения, представители старшего поколения российских экономистов так или иначе прошли «фазу марксизма», ведь марксистская политэкономия была обязательна к изучению. У меня этот период начался в 1945 году, а в 1956-м я открыто заявил, что не считаю себя марксистом. Смею предположить, что у многих российских коллег эта фаза длилась куда дольше; наверняка остались те, кто и сегодня называет себя марксистами. Руководствуясь принципом свободы мысли, никто не может оспорить их право самим выбирать мировоззрение и интеллектуальное направление, с которым согласуются их собственные взгляды. Тем не менее для старшего поколения, сталкивающегося с необходимостью пересмотреть свое отношение к Марксу и марксизму, может пригодиться знакомство с критическими замечаниями одного венгерского экономиста.

Не только старшим коллегам, но и молодым имеет смысл переосмыслить идеи Маркса. Многие уже учатся в западных университетах или знакомились с теорией экономики по учебникам, написанным с позиций так называемой мейнстримной экономики. В глазах многих проповедников этого направления Маркс остается «нечеловеком», давно почившим экономистом, который неверно понимал мир, чьи труды не имеют никакого отношения к современному человеку. Огромное заблуждение! Надеюсь, заключительная часть сумеет пошатнуть скептицизм и самоуверенность молодежи и сподвигнет кого-нибудь из читателей вновь обратиться к теоретическим воззрениям Маркса. Уверен: у Маркса и сегодня есть чему поучиться; у него немало мыслей, совершенно зрелых новаторских теоретических идей, которые не потеряли актуальности и сегодня.

* * *

Выражаю благодарность Институту экономической политики им. Е. Т. Гайдара за готовность издать русский перевод моей книги. Я очень уважал Егора Гайдара. Хорошо помню нашу первую личную встречу, задолго до краха советской империи. Он пришел ко мне в гостиницу, где

я остановился в качестве участника международной конференции. В начале разговора Гайдар дал мне понять, что в гостинице не стоит обсуждать серьезные вопросы — он явно опасался прослушки. Прогуливаясь по парку, мы беседовали — очень искренне — о перспективах социализма. Он хорошо знал мои работы и не раз отмечал, что они существенно повлияли на его образ мыслей. Впоследствии мы не раз встречались — то в Москве, то в Гарвардском университете, где я преподавал, а Гайдар выступал в качестве приглашенного лектора. Он неустанно работал над тем, чтобы в России утвердились демократические и политические свободы, эффективно заработала капиталистическая рыночная экономика. Увы, его уже нет с нами, и это большая потеря; для меня было бы большой честью и радостью, если бы мою новую книгу мог представить Егор Гайдар.

Я благодарен факультету свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета и лично Даниле Раскову. Без его инициативы и деятельной поддержки эта книга не состоялась бы.

И наконец, хочу сказать спасибо Оксане Якименко, которая ранее уже перевела мою автобиографию «Силой мысли» (по мнению моих друзей, перевод получился очень удачный), а теперь выполнила перевод и этой книги. За годы знакомства отношения автор — переводчик успели перерасти в настоящую интеллектуальную дружбу. Приятно осознавать, что у меня в России есть такие друзья, как Оксана.

С волнением жду, как отнесутся к этой небольшой книге российские читатели.

*2012 год, апрель
Венгрия, Будапешт
Янош Корнай*

Введение

Самые разнообразные чувства и мысли подтолкнули меня к тому, чтобы посвятить эту книгу прежним, нынешним и будущим студентам и преподавателям Коллегиума (колледжа) имени Ласло Райка¹. Десятилетия совместной работы связали нас множеством нитей. Я с удовольствием «репетировал» свои лекции в Коллегиуме — анализ того, как реагировали на мои выступления слушатели Коллегиума, помогал мыслям обрести более зрелую форму. Среди тех, кто сотрудничал со мной в качестве научных ассистентов, почти все, за небольшим исключением, были слушателями Коллегиума². По

-
1. Коллегиум имени Ласло Райка — колледж при Университете Корвина в Будапеште, с одной стороны, и автономное учебное заведение, демократическое сообщество студентов — с другой. Основан в 1970 году в рамках Экономического университета им. Карла Маркса (прежнее название университета Корвина). Старейшее учебное заведение подобного типа в Венгрии, образец для создания аналогичных колледжей при других университетах страны. В 1970–1980-е годы Коллегиум играл важную роль в политической жизни Венгрии, выступая в качестве организатора различных политических форумов, где могла выступать оппозиция. Коллегиум носит имя Ласло Райка — видного коммунистического деятеля, одного из организаторов венгерского сопротивления во время Второй мировой войны, а впоследствии — члена коммунистического правительства, министра внутренних, а затем иностранных дел. В октябре 1949 года Райк был казнен по обвинению в шпионаже после показательного процесса; реабилитирован в 1956 году. — *Прим. пер.*
 2. Среди тех, кто долгие годы самоотверженно помогал мне, хочу, в первую очередь, выделить Марию Ковач и Агнеш Бенедикт.

мимо непосредственных рабочих связей, я не раз получал ценные консультации от преподавателей и выпускников этого учебного заведения, которые впоследствии заняли различные посты в политической, экономической и научной сфере. «Семинар по дефициту», организованный Атилиой Чиканом для слушателей Коллегиума в 1980-е годы дал серьезный толчок для распространения моих идей, связанных с критикой социалистической системы.

Но не только личные привязанности побудили меня посвятить книгу именно этому учебному заведению. В кадаровские годы в Коллегиуме имени Райка студентов приучали к интеллектуальной независимости, критическому восприятию «официальных» учений, открытости в отношении новых идей. И этот дух не умер, он продолжает царить в сообществе людей, которые, к счастью, ни в прошлом, ни в настоящем не были и не будут одиноки. Упоминание Коллегиума в самом начале несет символический смысл: мне бы хотелось обратить внимание молодого поколения на этот пример. Сборник составлен, в первую очередь, для тех, кто изучает экономику, и среди них — для тех, кто готов критически оценить учебные материалы, предлагаемые для обязательного изучения, и, помимо основательного анализа обязательной литературы, ознакомиться с альтернативными воззрениями.

Кроме того: было бы недурно, если бы эту книгу взяли в руки не только любопытствующие студенты, но и их преподаватели, независимо от того, согласны они или нет с моими мыслями, изложенными в других моих работах. И уж если расширять круг потенциальных читателей, неплохо бы добавить к нему специалистов по другим общественным наукам, в первую очередь социологов, политологов и тех, кто занимается современной историей. Я старался формулировать мысли

В разное время со мной работали Цецилия Хорнок, Юдит Хюркец, Габор Иван, Моника Лукач, Балаж Муракези, Ласло Муракези, Эстер Надь, Йожеф Палфи, Ноэми Петер, Дердь Зух, Каталин Сечи и Янош Иштван Тот. Все эти молодые люди имели характер, но всех их отличала интеллигентность, жажда знаний, совесть. Обо всех я вспоминаю с теплом и любовью.

так, чтобы тексты были понятны и тем «продвинутым» читателям, которые не обладают специальной экономической подготовкой, но интересуются экономикой и общественными процессами. Если какая-то часть текста более специального характера покажется им сложной для понимания, ход рассуждений и выводы можно понять, даже выпустив такую часть.

одной ногой внутри, другой — снаружи:
мои отношения с мейнстримной экономикой

После смены режима в венгерской высшей школе студентам экономических специальностей стали преподавать теоретические дисциплины (экономическую теорию, микро- и макроэкономiku) на основе теоретической системы и метода, которые принято называть мейнстримом³. Нам известны ученые и образовательные центры, работающие исключительно в рамках этой школы, в иных местах речь о конкурирующих направлениях заходит, но их влияние задавлено мейнстримом.

Мейнстримной экономике удалось так быстро распространиться по нескольким причинам, из которых упомяну лишь несколько — не по порядку и не по степени важности. Ключевыми факторами стали: высокая объяснительная способность элементов традиционной теории, строгая логика, элегантность и «красота» математических моделей, убедительное эмпирическое подтверждение многочисленных положений посредством современных математических и статистических методов; словом,

3. В задачи введения не входит описание основных характеристик мейнстримной экономики. Но даже если бы я попытался это сделать, то ступил бы на крайне зыбкую почву, ведь даже среди тех, кто находится внутри профессии, нет единого мнения относительно границ между «ортодоксами» и «еретиками». В процессе ознакомления с частями I и II читатель сможет получить ориентиры, которые помогут ему разобраться в концепции мейнстрима. Ранее для обозначения этой школы использовали термин «неоклассическая теория», однако теперь чаще встречается термин «мейнстрим», который охватывает более широкий спектр экономических воззрений.

интеллектуальная привлекательность. Сильное впечатление произвел пример кафедр экономики в крупных западных, в первую очередь американских университетах. Молодое, хорошо подготовленное, талантливое поколение студентов, которые получили свои докторские степени в этих университетах, уже не нуждалось в «перепрограммировании» экономического сознания, им не надо было «переходить» с Маркса на Самуэльсона и Фридмана, ведь в их головах уже изначально были заложены основы и аналитические методы мейнстримного учения.

Эта школа сумела завоевать искренних сторонников не только в молодежных кругах, но и среди представителей старшего поколения, многие из которых начали пересмотр собственных идей до 1989–1990 годов. Еще до смены системы эти экономисты — ученые и преподаватели — глубоко разочаровались в пустых, неопределенных и недоказуемых умозаключениях, в догматизме, который исключал любое соотнесение убедительной аргументации и теоретических положений с реальностью. В их представлении преподавание марксистско-ленинской политэкономии ассоциировалось с «востоком», а мейнстримная экономическая наука — с «западом», поэтому они и были готовы всем сердцем воспринять последнюю. Многие уже заранее основательно ознакомились с корпусом современного мейнстрима, и лишь политические обстоятельства не давали им широко и открыто преподавать экономику в данном ключе.

У многих преподавателей искреннее убеждение подогревается интеллектуальным высокомерием. Они презирают всех, кто находится вне основного направления, объясняя маргинальность остальных (и, признаемся, нередко делают это с полным правом) тем, что не мейнстримные экономисты не сумели овладеть современными знаниями и аналитическими методами и прикрывают свое невежество «альтернативными» умствованиями. Новоиспеченные приверженцы мейнстрима с энтузиазмом неофитов изгоняют всех, кто думает иначе, и даже внутри самого течения возникают все новые и новые направления.

Как соотносятся мои работы, включая данную книгу, с мейнстримом? Обычно я говорю, что одной ногой

стою в мейнстриме, а второй — за его пределами. Я с уважением отношусь к объяснительной силе традиционных теорий и считаю работоспособными предлагаемые ими аналитические методы. В то же время я не считаю, что этот теоретический подход позволяет объяснить *любое* важное явление в экономике, а утверждения о его *универсальности* далеки от истины. Работы, выполненные в духе мейнстрима, проливают свет на важнейшие взаимосвязи, однако полученные результаты лишь частично соответствуют истине.

В своих исследованиях я многое заимствую из идей мейнстримной экономики и в то же время расхожусь с ней по ряду существенных вопросов. Читатель найдет в книге примеры и того, и другого. Я ни на минуту не хотел бы заставить кого-то думать, будто собираюсь, говоря языком картежников, — «kozyрять» перед экономическим мейнстримом. Я всего лишь пытаюсь заменить одну частичную истину другой (по моему мнению, более убедительной) или дать новые ответы на вопросы, оставленные традиционной теорией без ответа.

В конце части II я привожу красивую индийскую притчу о господине, который призвал к себе слепцов и приказал им описать слона. Один слепец пощупал ноги животного и сказал, что слон похож на толстую колонну, второй схватил слона за хобот и сравнил с мягкой, тонкой и гибкой трубой.

«Ортодоксальные» представители мейнстрима и «еретики» от экономики ощупывают разные участки гигантского туловища — сложной конструкции современной экономики. Во введении мне хотелось бы суммировать результаты того, что удалось «нащупать» мне лично.

1. Социализм и капитализм в сравнении. Анализ социалистической системы стал для меня не просто темой исследования, каковой он является для западного советолога или китайского специалиста. Я жил в ней, будучи гражданином социалистической страны: сначала как восторженный сторонник, а затем в роли разочаровавшегося критика, интеллектуального бунтаря. Я на себе испытал, как работает система, и это пополнило те сведения,

которые мне удалось накопить в качестве исследователя. Начиная с 1960-х годов я проводил немало времени в капиталистических странах, причем ездил туда не в кратковременные турпоездки, а надолго — как преподаватель и ученый. Так я получил возможность познакомиться изнутри и с другой системой. Постоянное сравнение социализма с капитализмом по самым разнообразным параметрам стало для меня привычной мыслительной рутинной. Подобная практика раскрыла мне глаза на такие сходства и различия, симметричные и асимметричные характеристики, которые ускользают от внимания тех, кто живет в условиях лишь одной системы. Для мейнстримного экономиста капитализм — главная экономическая система, а не одна из исторически возможных систем. Такой специалист может с интересом читать в газетах новости о мире за железным занавесом или о холодной войне, но как пища для исследовательского ума эта часть мира не представляет интереса. Притом что в кульминационный период существования социалистической системы треть населения Земли жила при социализме, типичный западный экономист не видел в социализме ничего, кроме выродившейся формации, уродца, который не заслуживает внимания со стороны ученого, занятого изучением «нормального» мира. Уверен, что последовательное сравнение социалистической и капиталистической систем послужит убедительным уроком и в наши дни, когда первая система уже отошла в прошлое, а будущее есть только у второй — надеюсь, данный сборник сумеет это продемонстрировать. Выводы и уроки дополняют материал, который уже удалось собрать экономистам, работающим внутри капиталистической системы.

2. Анализ уроков, полученных в процессе постсоциалистического перехода. Считаю, что мне повезло дожить до развала советской империи и перехода от социалистической системы к капиталистической. Среди великих трансформаций (по определению Карла Полани) мировой истории это была одна из самых важных и захватывающих. Мы, восточноевропейские экономисты, сумели не только стать объектами (выигравшими или проиг-

равшими) неповторимого исторического эксперимента, но одновременно наблюдать и исследовать его. Эксперимент этот проводился не в лаборатории, в искусственно созданной среде, но *in vivo*—на живых людях, живом общественном организме. Теоретиков мейнстрима этот эксперимент не слишком заинтересовал; у них почти нет работ, в которых они ссылались бы на личный опыт. Я же со своей стороны стремился держать ухо востро: следить, как меняется соотношение сил на рынке, как трансформируются интересы и поведение людей, системы связей между ними, как трансформируются явные и тайные стимулы. Мы могли исходя из непосредственных наблюдений, эмпирическим путем анализировать такие изменения, которые типичные мейнстримные экономисты-теоретики изучают с помощью теоретических моделей, симуляционных вычислений или искусственных экспериментов. По моему убеждению, анализ этого уникального и захватывающего эксперимента обогатит новыми данными не только экономику, но и все сферы общественного знания.

3. Системная парадигма. Как и в прежних работах, на первый план моего исследования здесь выходят «большие» системы. Ранее я уже назвал этот подход системной парадигмой (Kogut, 2007, глава 8). Прочитую название одной из книг выдающегося историка теоретической мысли Чарльза Тилли, где лаконично изложены основные предметы его исследований: «Большие структуры, значительные процессы, гигантские сравнения» (Tilly, 1984). Такие структуры, процессы огромной силы и всеобъемлющие сравнения интересуют и меня. Именно эти «большие» картины, мощные контуры растворяются, теряют насыщенность в работах мейнстримных экономистов, особенно в их бледных учебных вариантах; вместо этого на головы учащихся вываливаются тонны тщательно выписанных деталей.

4. Пересмотр описания рынка. Особое внимание в сборнике уделяется связям между производителем и потребителем, продавцом и покупателем. Картина, которая остается в голове у студента после изучения

курса микроэкономики, представляется мне излишне упрощенной. Проблема не в том, что проектор преподавателя высвечивает на экране абстрактные модели — любая теория заставляет сводить все к абстракции. Беда в том, что стандартные модели игнорируют важные характеристики, и в результате в голове остается искаженная картина. Я стремился обрисовать более достоверную картину рынка, дополняя представления мейнстримной экономики и нередко вступая с ними в спор. Я могу этим заниматься, имея за спиной совершенно иной опыт. Мне довелось испытать дефицитную экономику социализма, поэтому я иначе воспринимаю изобилие, принесенное капитализмом. Мне известно, что означают с точки зрения функционирования рынка частная собственность и конкуренция производителей и продавцов, ведь мне известен механизм распределения, при котором блага раздает бюрократия.

5. Позитивный и нормативный подходы. Насколько это возможно, я стараюсь разделять *позитивное* описание ситуации, анализ ее структуры и фиксацию причинно-следственных связей и *нормативный* подход. Это, между прочим, не противоречит главной теоретической отправной точке мейнстрима. Тем не менее многие экономисты магистрального направления не склонны системно чередовать в своих работах позитивный и нормативный подходы. Они приводят самые разные отговорки: например, утверждают, будто «научным» может считаться только позитивный анализ, а нормативный подход следует оставить политикам или философам. Другие открыто признают, что необходимость представлять свои воззрения в рамках подобной оппозиции кажется им скучной, поэтому они предпочитают ее игнорировать. Попадаются экономисты, которым не хватает духу признать, к каким этическим последствиям ведут их идеи. Или же, прояснив собственную нормативную позицию в тиши рабочего кабинета, не могут набраться храбрости изложить ее на бумаге. Я определил себе за правило до конца продумывать последствия позитивного анализа с точки зрения осуществления ценностей более высоко-

го порядка. Во времена тоталитарной диктатуры приходилось основательно обдумывать, что написать можно, а что – целесообразно (см. размышления о самооценке в моей автобиографии: Когнаі, 2005). Свобода слова сняла эти рамки. Ничто не удерживает ни меня, ни других авторов от «раскрытия наших карт». Используя позитивный метод, мы описываем не только то, что есть, но и оцениваем, *хорошо* это или *плохо*, с наших собственных позиций. Одновременно мы показываем, исходя из какой *системы ценностей* мы отделяем хорошее от плохого. Со своей стороны, я стремлюсь строго разграничивать позитивный и нормативный подходы и стараюсь, чтобы читателю было ясно, на какую систему ценностей я опираюсь в своих суждениях. Естественно, ни от кого нельзя требовать, чтобы подобные признания рефреном повторялись в каждой работе или в каждой главе. Однако надеюсь, что после прочтения всех четырех статей сборника читателю станет ясно, на какой ценностной системе автор строит свои нормативные оценки.

6. ТРЕБОВАНИЕ СТРОГОСТИ. В ходе первых десятилетий моей научной карьеры во главе угла для меня стояли теоретические математические модели и вычисления, использующие большие объемы данных. Впоследствии для моих работ стали более характерны вербальные рассуждения, хотя и сейчас я периодически обращаюсь к математическим моделям и эконометрическим вычислениям. Подчеркиваю, я ничуть не утратил уважения к математическим моделям и эконометрическим инструментам и к той важной роли, которую они играют в познании реальности. Я решительно не согласен с тем, кто призывает «отказаться от математики» и чересчур легкомысленно рассуждает об этих необходимых методах экономического исследования.

Важные новые идеи, как правило, начинаются с признания того, что проблема существует: исследователь-новатор видит *вопрос* там, где по мнению большинства ответ уже хорошо известен. Данный этап исследования обычно оформляется в голове ученого и на бумаге в «прозаической» форме.

Признание проблемы и первые теоретические утверждения часто бывают неточными и в обратной перспективе могут быть названы предположениями. Однако даже при наличии неточностей в первой формулировке важного, прогрессивного открытия, главное — то, что оно состоялось! Пусть теперь другие ученые (выдающиеся и не очень), основные силы «армии научных работников» ломают копья и исследуют дальше. На втором этапе особенно важно соотнести математическую модель и высказанное положение с опытными данными, пользуясь в том числе и методами математической статистики. Подобные инструменты позволяют более точно и четко сформулировать первые предположения и лучше понять связи между явлениями.

Третий этап — расшифровка результатов, полученных в ходе теоретических разработок, — иногда сопровождается выводами для практической экономической политики. Здесь вновь необходимо выйти за пределы абстрактного мира математических моделей. Чем больше мы хотим приблизиться к реальности, тем интенсивнее следует встраивать в картину, нарисованную исследователем, те элементы, которые мы прежде намеренно игнорировали⁴.

Моя нынешняя склонность к вербальному изложению собственных мыслей объясняется, в первую очередь, тем, о чем шла речь выше: меня все чаще интересуют «большие» системы, «масштабные» взаимосвязи и «грандиозные» процессы. Не считаю себя способным сформулировать свои нынешние идеи с помощью инструментов математического моделирования. Но буду искренне рад, если другие экономисты сумеют изобразить описанные в сборнике структуры и процессы посредством математических моделей — хотя бы частично, укрупняя отдельные черты.

Было бы ошибкой полагать, будто математический язык — необходимый и достаточный инструмент, позво-

4. Три описанных здесь процесса не всегда следуют один за другим и часто сосуществуют параллельно. Я отдаю себе отчет в том, что история науки содержит немало противоположных примеров: бывали случаи, когда выдающиеся озарения сразу возникали в мозгу ученого в полноценной математической форме.

ляющий точно сформулировать идею. Начав заниматься экономикой, математический гений Янош (Джон) Нейман писал: «Особенно сложным в экономике представляется определение категорий <...> отсутствие точности всегда есть продукт понятийной сферы» (Neumann, 1955 [1965]). Многие математические модели в экономике лишь на первый взгляд кажутся точными — достаточно копнуть чуть глубже, и выясняется, что понятия, фигурирующие в этих моделях, довольно размыты. В своих работах (включая и данный сборник) я снова и снова «вытаскиваю» привычные экономические термины и пробую истолковать их как можно глубже, прояснить смысл понятий. Некоторым читателям такое постоянное прояснение понятий может показаться скучным, но для меня это неотъемлемая составляющая стремления к точности высказывания.

Еще одно обязательное требование — логическая строгость аргументации: направление причинно-следственных связей, где наблюдается взаимное влияние, какие элементы можно поставить в один ряд и т. д. Математические модели нередко помогают выстроить мысли в логическом порядке, но иногда и мешают это сделать. И математика, и «проза» лишь языки, с помощью которых можно описать некоторые связи, но ни тот ни другой язык не гарантирует логичности аргументации. В какие бы формы мы ни облекали наши мысли, их последовательность может быть как логичной, так и спутанной.

Читатель может проверить, соответствуют ли приведенные в сборнике исследования перечисленным критериям. Надеюсь, он как минимум признает, что я искренне старался им следовать.

7. **Связь с историей экономических учений.** Демонстрируя результаты исследований, я стараюсь представить их в контексте истории экономических учений. Я ссылаюсь не только на работы, опубликованные за последние несколько лет в крупнейших журналах — это делают все в обязательном порядке. Я стараюсь заглянуть в более глубокое прошлое, порой даже на 100–150 лет назад, чтобы обнаружить те идейные направления, тради-

ции которых я продолжаю или с которыми спорю. Сегодня подобные экскурсы уже не в моде. Многие в своих исследованиях довольствуются отсылкой ко всеми цитируемым работам, тем, что все время на слуху. Не раз приходилось слышать шокирующую фразу: «Чего нет в Интернете, то и читать не стоит». Я безо всякого стыда принимаю на себя роль «вымирающего вида». Меня по-прежнему интересует, с чем я могу согласиться в работах отцов-основателей нашей науки; в своем воображении я спорю с Адамом Смитом, Марксом, Вальрасом, Хайеком и другими, давно почившими экономистами. В части II книги я, наверное, активнее всего пытаюсь установить внутренние связи между различными школами и направлениями и собственными теоретическими выкладками. Часть IV же я целиком посвятил рассказу о том, какой мне видится роль Маркса в истории экономической теории и политической практики. Выбор темы определило то огромное влияние, которое оказали идеи Маркса на коммунистические партии, десятилетиями удерживавшие власть, и на формирование официальной идеологии социалистического режима.

8. От первого лица. В некоторых местах сборника я позволяю себе выступать от первого лица. Мои тексты отличаются от стандартных экономических исследований не только содержанием и специфической методикой, но тональностью и стилем. Редакторы, корректоры и авторы ведущих журналов требуют, чтобы статьи были бесстрастными, похожими на математические или химические исследования. Чем суше, тем научнее. Если работа не достаточно свободна от эмоций и личных замечаний, она не считается в должной степени академической, но рассматривается как «эссе», и — что уж тут отрицать — употребляющие слово «эссе» в данном контексте произносят его с пренебрежительной интонацией.

Мне бы не хотелось пускаться в рассуждения о том, что делает текст «научным»⁵. Тут мы имеем дело с одной из

5. См., например, работы Макклоски (McCloskey, 1998, 2002).

сложнейших проблем философии науки, особенно это касается общественных наук, которые с трудом справляются с концептуальной четкостью и эмпирическими доказательствами. Я же, пусть и без должной скромности, рассматриваю эту книгу как научный, «академический» труд, где автор оперирует (в рамках исследования) четкими понятиями и стремится подкрепить свои положения, рассуждая последовательно, приводя логичную аргументацию и опираясь на эмпирические наблюдения.

Я сопоставил характерные черты своих работ с характерными особенностями исследований в русле мейнстримной экономики. Если посмотреть на каждую характеристику в отдельности, ни одну из них нельзя отнести исключительно на мой счет. К счастью, во всех этих проявлениях я не одинок. Однако если взять все эти восемь характеристик в совокупности, мне вряд ли удастся найти товарищей — мало кто разделяет со мной весь «набор свойств». Я мог бы этим гордиться: мои работы сложно поместить в конкретный ящик какого-нибудь экономического учения; характерные для меня мыслительный процесс, методология исследования и стиль не соотносятся ни с одним из известных направлений. Но есть в моем положении и невеселая сторона. Среди мейнстримных экономистов существует некое интеллектуальное «братство». Даже когда они спорят друг с другом, основные столпы их научного инструментария остаются одними и теми же. Они говорят на одном языке. В мире «неортодоксальной» экономики существуют разрозненные группы: представители одних не следят за тем, что производят другие. Иногда они объединяются, но по-прежнему остаются одиночками (см. работы Коландера и Россера: Colander et al., 2004; Rosser et al., 2010).

Надеюсь, преподаватели основ экономической теории сумеют проявить широту мысли и, наряду с обязательными для изучения работами и учебниками по мейнстримной экономике, предложат (хотя бы и в разделе рекомендуемой литературы, в качестве вечернего самостоятельного чтения) этот небольшой сборник или ка-

кую-нибудь из опубликованных в нем статей и, конечно, другие, не совсем «ортодоксальные» или совершенно «еретические» тексты.

Беседа о преподавании экономики в современных венгерских вузах, я не раз сталкивался с такой точкой зрения: студенты *сначала* должны как следует ознакомиться с материалами, которые предлагает им магистральная экономика, а уж *потом*, вызубрив ее положения наизусть, браться за других авторов. Мне подобный порядок представляется ошибочным. Я и сам многие годы призываю студентов основательно изучать мейнстримную экономику. Нельзя критиковать то, с чем не знаком; нельзя примыкать к «неортодоксальной» школе, не имея за плечами стандартной подготовки. Но основательное изучение — это одно, а некритическое принятие — совсем другое. Преподаватель, приучающий молодежь к интеллектуальному холопству, причиняет огромный вред. Посвящая книгу Коллегиуму имени Райка, я ставлю его в пример молодым, ведь в стенах этого учебного заведения царит если не идейное бунтарство, то, по крайней мере, критический настрой и, в хорошем смысле, интеллектуальное «безумие». Предлагая эту книгу студентам и преподавателям Коллегиума, я хотел донести до молодых экономистов следующую мысль: никогда нельзя принимать на веру то, чему учат преподаватели и учебники.

КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД — В ЗАЩИТУ КАПИТАЛИЗМА

Пришла пора прокомментировать название сборника. Сегодня многие не осмеливаются признать себя приверженцами капиталистической системы — пытаются ловчить, придумывают другие названия. Иным кажется, будто словосочетание «рыночная экономика» не так оскорбляет слух. Еще лучше звучит введенное в Германии после войны выражение «социальная рыночная экономика». Все это создает ложную иллюзию, будто вместо социализма и капитализма был выбран некий третий путь. На самом деле в Германии и других экономически развитых странах функционирует современная капита-

листическая система, для которой, кроме всего прочего, характерны насильственное перераспределение и широкий спектр государственных услуг.

В экономической науке присутствует целый ряд довольно влиятельных течений, которые стараются дать капитализму не только более «приемлемое» название, но и всерьез намереваются направить общество по третьему пути. Их цель — построить такую систему, которая могла бы успешно сочетать в себе положительные черты социализма и капитализма и отсеять негативные свойства обеих систем.

Существуют (хотя и не оказывают сильного влияния) «радикальные левые» течения, выступающие резко против капитализма и жаждущие установить вместо него социалистический режим. Странники подобных течений, как правило, оговаривают, что хотели бы создать социалистическую систему, свободную от тяжелого наследия предыдущих попыток, связанных с именами Сталина или Мао Цзэдуна.

Я со своей стороны не боюсь заявить, что не принадлежу ни к одной из вышеперечисленных группировок, но *однозначно* поддерживаю капиталистическую систему. Меня нельзя отнести к бездумным приверженцам, способным видеть лишь преимущества системы. Не считаю капиталистическое общество «хорошим», и даже нахожу его «дурным» по многим параметрам, но — следуя за Черчиллем и его высказыванием о демократии — продолжаю считать капитализм наименьшим злом из возможных вариантов. Самое главное: в моих глазах он явно выигрывает по сравнению с единственной *воплощенной в жизнь* альтернативой — социалистической системой.

Ключевая задача вошедших в сборник работ — показать *истинные* преимущества капитализма. Учебники, написанные в русле традиционных представлений, рисуют лишь приблизительную картину, делая центром анализа координирующую и уравнивающую роль рынка. Это, безусловно, тоже важно, но куда важнее то, что стало темой первой части книги: капитализм стимулирует инновации, служит двигателем технического прогресса и модернизации. Почти все изобретения, ставшие не-

отъемлемой частью нашей повседневной жизни, были созданы в условиях капитализма.

Демонстрация преимуществ системы сочетается и с ее критикой. Двадцать пять лет назад, когда сборник моих исследований «Противоречия и дилеммы» (Kognai, 1983) был издан в Америке (Kognai, 1986), один из лидеров современной макроэкономики, профессор Массачусетского технологического института Роберт Солоу написал отзыв для обложки: «Янош Корнай — это своего рода Джонатан Свифт: тихий гуманист, знаток западной экономической теории, живущий в условиях восточной экономики внимательный наблюдатель. Смотрите: скоро он и о нас напишет!» Этого «скоро» пришлось ждать довольно долго, но дошла очередь и до западной экономики. Я взялся за работу над темой, предложенной Робертом Солоу, и на протяжении многих лет продолжаю критиковать капиталистическую систему — пусть не в сатирических романах, как Свифт, но хотя бы в научных трудах.

Представители мейнстримной экономики тоже подвергают анализу отрицательные стороны капитализма. Многие в процессе критики испытывают наивный оптимизм, считая, будто проблемы, характерные для этой системы, это всего лишь «ошибки», которые можно устранить и даже предотвратить с помощью должного государственного регулирования или случайных вмешательств. Это справедливо в отношении ряда недостатков, но меня занимают не эти проблемы. Я уверен: у каждой системы — и капитализм не исключение — есть *врожденные* пороки. Они закодированы в ее клетках. Подобные недостатки можно смягчить посредством надлежащих мер, но избавиться от них невозможно. Рефреном моих работ служит тема *системно обусловленных характеристик*, а именно — демонстрация постоянных, имманентных свойств, как положительных, так и отрицательных, а затем — разбор механизмов, которые обуславливают возникновение системных характеристик. Переходя от статьи к статье, читатель еще лучше поймет, чем отличается наивно-оптимистический подход к проблемам (*ошибка? давайте разберемся и исправим ее!*) от трезвого, зачастую нерадостного осознания того, что существуют неразре-

шимые, неустрашимые проблемы (максимум — их можно «приглушить»), и надо учиться жить с ними.

В данной книге я не обращаюсь к вопросам политической или экономической жизни современной Венгрии. Актуальным проблемам венгерской жизни посвящены другие мои работы, но здесь нет ни одной статьи на «венгерскую тему». Речь идет либо о капиталистической системе вообще, либо о постсоциалистической трансформации (но в самом общем ключе). Хотя отдельные ссылки на венгерскую полемику все же встречаются.

Приведу лишь один актуальный вопрос.

В Венгрии, как и в других странах, не первый год на повестке дня стоит вопрос о трансформации социального государства и связанных с этим так называемых структурных реформах. Из уст политиков, правительственных чиновников и ученых звучат непродуманные, наспех составленные предложения. Я в своей книге никаких программ не предлагаю, однако почти в каждой из частей обращаю внимание на достоинства, недостатки и риски того или иного пути. Как повлияет расширение или сужение различных сегментов государства всеобщего благосостояния на инновационные процессы и дух предпринимательства? Какую пользу и какой вред принесет сокращение конкуренции и рост централизации? (Части I и II) Как связаны практические изменения в сфере отношений собственности и формах координации с такими вечными ценностями, как свобода, равенство и братство? (Часть III).

Я привел лишь некоторые из целого набора злободневных тем. Читатель, чувствительный к подобным вещам, сумеет сделать и другие практические выводы из теоретических рассуждений, приведенных в сборнике.

БЕСКОНЕЧНАЯ РАБОТА

Я сдал книгу в печать с тяжелым сердцем. Лучше было издать не сборник из четырех статей на двести с лишним страниц, а серьезную монографию, страниц на семьсот, под названием «Капиталистическая система», которая могла бы стать парой для книги «Социалистическая

система», вышедшей в 1993 году (в ней, кстати, было 670 страниц).

Четыре статьи — плод работы последних нескольких лет, однако изложенные в них мысли вызревали у меня давно. Началось все с моей кандидатской диссертации «Сверхцентрализация управления экономикой» (1957), рукопись которой была закончена более пятидесяти лет тому назад. В нынешнем сборнике, особенно в части II, я упрямо возвращаюсь к вопросам, ставшим центральной темой моих исследований в книгах «Антиравновесие» (1970) и «Дефицит» (1980): ревизии базовой концепции микроэкономики, критике концепции рыночного равновесия, описанию асимметричного состояния рынка и т.д. Анализируя социализм, я никогда не забывал о его главном антиподе — капитализме. Об этом я не раз упоминал в своих работах, но теперь пришло время написать книгу, в которой капитализм упоминался бы не во вторую очередь, но послужил бы центральной темой исследования. Получается, что я совершил полный круг и вернулся в отправную точку.

Уверен, что сложившаяся в моих работах парадигма, научная позиция, манера ставить вопросы, понятийная система и методология позволяют описывать и анализировать не только социализм и постсоциалистический переход, но годятся и для описания и анализа капитализма, служа дополнением к уже имеющимся парадигмам, понятийным системам и методикам.

Перед читателем предстает лишь «торс» — скульптура, лишь наполовину высеченная из каменной глыбы. Мир потряс тяжелейший экономический кризис, но теории кризиса читатель в этой книге не найдет. В последние годы внимание экономистов было приковано к валютной и денежно-кредитной политике, работе банков и других финансовых институтов, но статей о финансовой системе в сборнике тоже нет. Я мог бы продолжить перечень — будь в книге 670 страниц, их было бы чем заполнить.

Для меня (и, скорее всего, для читателя) проблема состоит не только в том, что в книгу не вошли важные темы, необходимые для комплексного понимания капиталистической системы, но и отсутствие в сборнике единой

конструкции. В него вошли четыре отдельные статьи. Я не стал называть их главами — это явствует и из содержания; речь идет о четырех самостоятельных исследованиях. Их связывает общая позиция, которую я попытался изложить во введении; ссылки указывают на связь между частями. В жанровом отношении части неоднородны, не удалось полностью избежать и повторов⁶.

Но на большее меня уже не хватает. На момент выхода книги мне исполнилось 83 года. Было бы самонадеянно обещать себе, будто я напишу «большую» книгу на 670 страниц. Это я и попытался объяснить читателю во введении. По той же причине я не стал называть сборник «Капиталистическая система», но назвал его скромнее: «*Размышления о капитализме*».

Надеюсь, что эта книга, в своей незаконченности, заставит читателя задуматься. Вдруг да найдется тот, кому захочется найти ответы на поставленные мною вопросы, создать модели для идей, изложенных вербально и проверить их на практике. Могу лишь пообещать, что добавлю еще пару глав к ненаписанной пока «большой» книге.

Все изложенное выше задумывалось мной как вступление, однако я бы порекомендовал читателю вернуться к этому тексту после прочтения самой книги. Многое из сказанного здесь станет понятнее, если ознакомиться непосредственно с четырьмя статьями сборника.

* * *

В сносках к каждой из частей я выражаю благодарность тем, кто оказал мне помощь в написании конкретной статьи. Во введении хотел бы перечислить тех, кто участвовал в подготовке сборника в целом.

В последние годы я не раз падал духом и был готов оставить научную деятельность. В том, что я все-таки продолжил работу и добрался до публикации этого сбор-

6. Это объясняется еще и тем, что при использовании сборника в учебных целях статьи можно рекомендовать при изучении той или иной темы по отдельности. С этой точки зрения важно, чтобы каждая часть была понятна сама по себе, в отрыве от остальных.

ника, главная заслуга принадлежит моей жене, Жуже Даниэл. Без ее помощи и поддержки, без ее мудрых советов ни одно из этих исследований не было бы опубликовано.

Благодарю за огромную помощь, которую оказали мне Каталин Дешэ, Хеди Эрдэш, Рита Фанчовиц, Илдико Мадяри, Илдико Пете, Андреа Ремени и Каталин Сечи. Спасибо им за внимание и самоотверженную работу. Хотелось бы выразить отдельную благодарность Анне Паткош — на протяжении двадцати лет она редактирует почти все мои тексты, будь то статья в журнале или книга. Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с таким ответственным и знающим редактором, как Анна.

Я чувствую себя счастливым человеком, ведь мне довелось работать в Коллегиум Будапешт — уникальном центре научной мысли. Здесь, в центре Будайской крепости, даже стены, исторические памятники и восхитительная панорама столицы, открывающаяся из окон, дают силы и вдохновение для умственного труда, а свобода исследований и споров по-настоящему подстегивает, заставляет активнее мыслить.

Благодарю издательство Академии наук и, прежде всего, главного редактора, Каталин Фехер, за готовность оперативно издать мою книгу.

*2011 год, февраль
Венгрия, Будапешт
Янош Корнаи*

Часть I

Инновации и динамизм

*Как влияют друг на друга
системы и технический прогресс*

Введение

Суть постсоциалистического перехода можно легко сформулировать в нескольких словах: в большинстве бывших соцстран на смену социализму пришел капитализм — тем самым история предлагает самое убедительное подтверждение предположению, будто капитализм — явление более высокого порядка, нежели социализм. Однако наша обязанность состоит в том, чтобы продолжить непредвзятое и беспристрастное сравнение двух систем. Сейчас это особенно важно, поскольку мы переживаем непростые времена, и в значительной части общества чувствуется ностальгия по старой системе, потерпевшей крах. Наша задача — убедить сограждан в том, что мы движемся в верном направлении. Подобное оптимистичное убеждение поддерживается рядом доводов, из которых

Текст доклада, прочитанного на конференции Всемирного университета развития и экономики ООН (UNU – WIDER) «Отражения переходного периода: спустя двадцать лет после падения Берлинской стены» (2009 год. 18–19 сентября. Хельсинки).

Выражаю благодарность за ценные замечания, сбор данных и прочих материалов своим коллегам: Джулиану Куперу, Жуже Даниэл, Жолту Фекете, Томашу Годецки, Филипу Хэнсону, Ежи Хауснеру, Юдит Хюркец, Ласло З. Карваличу, Зденеку Кудрне, Михаю Лаки, Лукасу Мамице, Тибору Месманну, Даниэлю Роне, Андрашу Шимоновичу, Каталин Сабо и Чен Гуан Сюй. Благодарю также Коллегиум Будапешт и Центрально-Европейский университет за постоянную помощь и создание атмосферы, стимулирующей исследовательскую деятельность. Большую работу по редакции текста проделали Хеди Эрдеши, Рита Фанчовиц, Каталин Левайне Дешэ, Андреа Ремени и Ласло Тот.

хотелось бы выделить одно преимущество капитализма — его инновационную и динамичную природу. В первой части исследования я развиваю мысль о том, что скорость инноваций и динамизм — не случайные явления, которых может и не быть, напротив — это системные свойства, глубоко укорененные в капиталистической системе; в свою очередь, неспособность социализма создавать революционно новые продукты и замедление технического прогресса в других измерениях являются не следствием каких-то ошибок в экономической политике, а составляют неотъемлемую часть системы.

К сожалению, об этом очевидном преимуществе капитализма обычно «забывают» как исследователи, так и обыватели вообще. Наблюдая это, я негожую, ощущая себя обманутым, что и заставило меня избрать данную тему для своего исследования.

Вхождение в мир капитализма создает условия для развития инноваций и ускорения технического прогресса и одновременно увеличивает шансы для использования этой возможности в конкретной стране. Последнее, однако, не гарантирует полный и немедленный успех. Во второй и третьей части работы я демонстрирую проблемы переходного периода.

Грандиозное преобразование — совокупность многих процессов.

Сначала изменения произошли в области *политики*: переход от однопартийной диктатуры к многопартийной демократии, что означало окончание поддержания государством марксистско-ленинской идеологии и начало пути для конкуренции между различными идейными направлениями. Одновременно с этим произошли изменения и в области экономики: государственную собственность как доминирующую сменила частная собственность. Наряду с преобразованием форм собственности радикально изменилось относительное воздействие различных координационных механизмов. Влияние централизованного бюрократического управления существенно сократилось, в то же время возросла роль рыночной координации и других децентрализованных процессов. Подобные политические

и экономические трансформации вместе с другими изменениями означали *смену систем*, или переход от социализма к капитализму.

Наряду с описанными процессами на постсоциалистическом пространстве произошла трансформация иного типа – в сфере *технического прогресса*. В данной работе я использую именно такую формулировку, поскольку она уже стала привычной для всех. Но на самом деле явление, о котором идет речь, куда шире. Оно базируется на притоке новых продуктов и технологий, однако техническими моментами его воздействие вовсе не ограничивается. Само это явление – органическая часть модернизации, ведущей к глубинным преобразованиям в нашей жизни. В каком значении мной употребляется словосочетание «*технический прогресс*», станет более понятным, когда читатель ознакомится с дискуссией по теме. Естественно, технический прогресс существовал всегда, и до 1989 года, но после 1989 года его темп заметно ускорился.

Специалисты, изучающие явления постсоциалистического перехода, сосредоточили внимание на изменениях в политике, экономике и обществе и обычно рассматривают эти процессы как часть «грандиозной трансформации». Не стану грешить против истины, технический прогресс иногда удостаивается короткого упоминания, однако отсутствуют серьезные исследования взаимного влияния друг на друга смены систем и изменений, происходящих в создании и использовании новых продуктов и технологий.

Ранее я и сам упустил возможность подробно изучить данное взаимодействие: написал две работы, в которых обобщил основные последствия перемен, имевших место после 1989 года, но остановился лишь на политических и экономических изменениях, а также на анализе их взаимного влияния (Корнаи, 2000, 2005b). Попробую восполнить это упущение. Таким образом, тема второй и третьей части работы – взаимное влияние смены системы после 1989 года и ускорения технического прогресса.

I—1

Капитализм, социализм и технический прогресс

1.1. РЕВОЛЮЦИОННО НОВЫЕ ПРОДУКТЫ

Процесс общего технического прогресса состоит из множества подпроцессов. Начнем с крупнейших, революционных, прорывов, перечисленных в табл. I—1 (список из 89 примеров)².

ТАБЛИЦА I—1.
Революционные инновации

Инновация	Год, страна	Компания
ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА, ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, КОММУНИКАЦИИ		
Интегральная микросхема	1961, США	Fairchild
Телефон с кнопчным набором	1963, США	AT&T
Аппарат факсимильной связи	1966, США	Xerox
Оптоволоконный кабель	1970, США	Corning
Карманный электронный калькулятор	1971, США	Bowmar
Программа обработки текстов	1972, США	Wang
Микропроцессор	1974, США	Intel
Лазерный принтер	1976, США	IBM
Модем	1978, США	Hayes
Операционная система MS-DOS	1980, США	Microsoft

2. Авторы, пишущие о техническом прогрессе и инновациях, различают новые *продукты* и новые *технологии*. Появление новых объектов и явлений в этих двух категориях зачастую взаимосвязано. Например, копировальный аппарат — это одновременно и новый продукт, и новая технология печати. В табл. I—1 перечислены новые продукты, поскольку, по моим представлениям, они более заметны в повседневной жизни.

Инновация	Год, страна	Компания
Винчестер (жесткий диск)	1980, США	Hard disk drive
Графический пользовательский интерфейс	1981, США	Xerox
Ноутбук	1981, США	Epson
Сенсорная панель	1983, США	Hewlett Packard
Мобильный телефон	1983, США	Motorola
Компьютерная мышь	1984, США	Apple
Сетевая информационно-поисковая система	1994, США	Web-Crawler
Переносной USB-накопитель («флэшка»)	2000, США	IBM
Скайп (голосовая и видеосвязь между компьютерами)	2003, Эстония	Skype
Социальная сеть «Facebook»	2004, США	Facebook
Сайт «YouTube» по обмену видео	2005, США	YouTube
«Умный телефон» iPhone, совмещающий функции мобильного телефона и КПК	2007, США	Apple
ПРЕДМЕТЫ БЫТА, ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ, ОДЕЖДА		
Чайный пакетик	1920, США	Joseph Krieger
Ручной электрический фен для сушки волос	1920, США	Hamilton Beach
Штепсельная вилка	1920, США	Rawlplug Co.
Сушильная центрифуга	1924, США	Savage
Автоматический тостер	1925, США	Waters Genter Co.
Пароэлектрический утюг	1926, США	Eldec
Электрический холодильный шкаф	1927, США	General Electric
Система кондиционирования воздуха в домашних условиях	1928, США	Carrier Engineering Co.
Неоновое освещение	1938, США	General Electric
Растворимый кофе	1938, Швейцария	Nestle
Электрическая сушилка для одежды	1938, США	Hamilton Manufacturing Co.

Иновация	Год, страна	Компания
Нейлон	1939, США	DuPont
Кофеварка эспрессо	1946, Италия	Gaggia
Микроволновая печь	1947, США	Raytheon
Ресторан быстрого питания со сквозным проездом (драйв-ин)	1948, США	In-n-Out Burger
Пищевая пленка из поливинилхлорида (Saran)	1949, США	Dow Chemical
Полиэстер	1953, США	DuPont
Тефлоновое покрытие	1956, Франция	Tefal
Застежка-липучка (крепление Велькро)	1957, США	Velcro
Кроссовки	1958, Великобритания	Reebok
Галогеновая лампа	1959, США	General Electric
Домашний комбайн (многофункциональный)	1960, США	Robot-Coupe
Упаковка для жидкостей (Тетра Пак)	1961, Швеция	Tetra Pak
Алюминиевая упаковка для пива	1963, США	Pittsburg Brewing Co.
ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, УХОД ЗА ЛИЦОМ И ТЕЛОМ		
Лейкопластырь	1921, США	Johnson&Johnson
Бумажный платок	1924, США	Kimberley-Clark
Бумажное полотенце	1931, США	Scott Paper Co.
Электробритва	1931, США	Schick
Аэрозольный баллончик	1947, США	Airosol Co.
Одноразовый подгузник	1949, США	Johnson&Johnson
Транзисторный слуховой аппарат	1952, США	Sonotone
Шариковый дезодорант	1955, США	Mum
Одноразовая бритва	1975, США	ВІС
Жидкое моющее средство	1982, США	Procter&Gamble
ОФИСНАЯ ТЕХНИКА И КАНЦЕЛЯРИЯ		
Клейкая лента (скотч)	1930, США	3М
Шариковая ручка	1943, Аргентина	Biro Pen

Инновация	Год, страна	Компания
Корректирующая жидкость	1951, США	Mistake Out
Светокопировальный аппарат	1959, США	Haloid Xerox
Стикер	1980, США	3M
ТРАНСПОРТ		
Эскалатор	1921, США	Otis
Счетчик платы за парковку	1935, Великобритания	Dual Parking Meter Co.
Скутер	1946, Италия	Piaggio
Пассажирский самолет с реактивным двигателем	1952, США	Comet
Черный ящик (для самолетов)	1958, Великобритания	S. Davall&Son
ДОСУГ		
Кинотеатр для автомобилистов	1933, США	Hollingshead
Полароид	1948, США	Polaroid
Пульт дистанционного управления (для телевизора)	1956, США	Zenith
Конструктор из пластмассы	1958, Дания	Lego
Кукла Барби	1959, США	Mattel
Кварцевые часы	1969, Япония	Seiko
Видеомагнитофон	1971, Нидерланды	Philips
Плеер (кассетный магнитофон с наушниками)	1979, Япония	Sony
Кубик Рубика	1980, США	Ideal Toys
Компакт-диск (CD)	1982, Нидерланды, Япония	Sony, Philips
Переносная видеоигра	1989, Япония	Nintendo
Цифровой фотоаппарат	1991, США	Kodak
Продажа книг через Интернет	1995, США	Amazon
DVD	1996, Япония	Philips, Sony, Toshiba

Инновация	Год, страна	Компания
ТОРГОВЛЯ, БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ		
Универсальный магазин (супермаркет)	1930, США	King Kullen
Тележка для покупок	1937, США	Humpty Dumpty Supermarket
Торговый центр	1950, США	Northgate Mall
Платежная карточка	1950, США	Diners Club
Кредитная карта	1958, США	Bank of America
Банкомат	1967, Великобритания	Barclays Bank
Экспресс-почта	1973, США	Federal Express
Штрихкод	1974, США	IBM
Заключение сделок (торговля) по Интернету	1998, США	eBay

ПРИМЕЧАНИЯ. Мы отобрали перечисленные изобретения, изучив целый ряд различных списков и баз данных. Основным *критерием включения* в данную таблицу была актуальность объектов и технологий для широких масс населения; речь шла о предметах, хорошо знакомых большинству людей, а не только ограниченному кругу специалистов. Отдельные критерии *исключения* рассматриваются в тексте: 1) среди изобретений присутствуют лишь инновации, подпадающие под определение Шумпетера; следовательно, в списке отсутствуют разработки, созданные по заказу военно-промышленного комплекса и им профинансированные; 2) мы не стали включать новые продукты и услуги, разработанные в сфере медицины (лекарства, диагностическое оборудование и т. д.), по той простой причине, что нам сложно было бы отобрать самые важные из сотен и тысяч новаторских препаратов и медицинских инструментов (возможно, на дальнейшей стадии исследования можно включить и такой раздел).

ИСТОЧНИКИ. Для ряда позиций источником послужили работы Черуцци (Ceruzzi, 2000) и Харрисона (Harrison, 2003, 2004). Автор располагает информацией по любому из пунктов таблицы и готов предоставить ее интересующимся.

Раз уж мы пытаемся понять роль социалистических стран в создании революционно новых продуктов, нам придется вернуться во времени к моменту рождения первого социалистического государства, то есть к 1917 году.

С указанного времени было внедрено немало новшеств. Можно спорить, почему именно эти 89 изобретений фигурируют в таблице, можно было добавить еще 20 или 50 не менее важных пунктов. Выбор произволен, однако список демонстрирует, что все перечисленные инновации, в большей или меньшей степени, изменили повседневную жизнь, работу, способы потребления, проведения досуга и отношения между людьми³. Революционные изменения коснулись всех сфер человеческого существования. Изменилась обстановка в офисах и на заводах, мы пользуемся новыми видами транспорта, иначе совершаем покупки, поддерживаем порядок в доме, получаем образование, лечим больных, путешествуем, наши дом и работа связаны между собой теперь совсем по-другому — и можно еще долго говорить о том, как инновации перевернули и реорганизовали нашу жизнь. Непрерывный поток инноваций делает современный мир мобильным. Сравнивая современность с предыдущими эпохами, мы считаем наше время более динамичным, благодаря большому количеству изобретений, вызывающих значительно более глубокие изменения.

Из 89 инноваций примерно 25–30 связаны с компьютерами, цифровыми технологиями и обменом информацией. Эта подгруппа привлекает особое внимание общественности и научного мира. Постоянно растет количество работ, посвященных влиянию информации на социум (одно из самых авторитетных исследований в данной области, наверное, принадлежит Мануэлю Кастеллсу (Castells, 1996–1998; см. также: Fuchs, 2008)). Мне же, в рамках данной работы, хотелось пойти не столько *вглубь* этой интереснейшей темы, сколько проанализировать *максимально широкий* спектр инноваций.

Примерно 60 изобретений из списка либо вообще не связаны с революцией в информационно-коммуникационной сфере, либо имеют к ней отдаленное отношение. Я целиком и полностью признаю исключительную важ-

3. В таблицу не вошли отдельные классы инноваций. Критерии невключения я частично изложил в примечаниях после таблицы, частично — пояснил в последующих разделах.

ность данной области, однако нововведения происходили и будут происходить и в других областях. Появление холодильника или открытие супермаркета могут изменить стиль жизни в нищей албанской деревне или в глухом сибирском поселке, а до пользования компьютером дело может дойти и позже. Мне бы хотелось обсудить некоторые аспекты технического прогресса в целом, ведь технические изменения могут быть как связаны, так и не связаны с информационно-коммуникационной революцией.

Нововведению, инновации предшествует изобретение. Первый шаг делает изобретатель: *новая идея* может прийти в голову профессиональному научному работнику, университетскому профессору, инженеру компании или изобретателю-любителю. Однако одной только оригинальности и новизны еще не достаточно. Второй шаг — превратить изобретение в инновацию: здесь начинается процесс внедрения, организация производства, распространение нового продукта или формы организации.

Обратим внимание на вторую фазу — практическое осуществление изменения. В табл. I–1 указаны страны, где базируются компании, внедрившие те или иные нововведения. *Во всех случаях это капиталистические страны.* Несмотря на то что период, рассмотренный в таблице, включает все время существования социалистической системы, *мы не найдем в ней ни одной революционной инновации, которая была бы внедрена в социалистической стране⁴.*

1.2. СЛЕДОМ ЗА ПЕРВОПРОХОДЦАМИ — РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОБНОВЛЕНИЙ

Революционные инновации — важнейшая, но не единственная составляющая технического прогресса. У первопроходца есть последователи. Возле новаторов с небольшим опозданием появляются различные организации и начинают понемногу совершенствовать изобретения, вносить мелкие

4. В табл. I–1 отсутствуют нововведения, инициированные военно-промышленным комплексом (ВПК). В данном секторе мы можем обнаружить ряд инноваций, впервые разработанных в социалистических странах. К этому вопросу я еще вернусь далее.

качественные изменения (хотя и не такие уж незначительные) и участвовать в процессе распространения. Впервые инновация возникает в какой-то одной стране, но последователи, развивающие ее, появляются и в других странах.

Во многих областях социалистическая система следовала за нововведениями капиталистических стран, и это принимало разнообразные формы. Порой следование сводилось к точному или кустарному копированию оригинала. Раскрыть секрет инновации куда сложнее. Изобретение «заново» какого-нибудь прибора, защищенного патентом или коммерческой тайной, превратилось в целое искусство. Еще один вариант — промышленный шпионаж, кража интеллектуальной собственности⁵. Но, несмотря на разнообразные попытки, социалистическая экономика продолжала вяло тащиться в хвосте экономики капиталистической.

Позволю себе обратить внимание читателя на две детали. Во-первых, в социалистических странах отставание последователей от первопроходцев было значительно заметнее, нежели в странах капитализма (ср., например, данные в табл. I-2 и I-3). При рассмотрении более длительных периодов наблюдается рост, а не сокращение периода отставания. Во-вторых, распространение новых продуктов и технологий в капиталистических экономиках происходило гораздо быстрее, чем в социалистических (см., к примеру, табл. I-4 и рис. I-1).

Таблицы и график приведены здесь исключительно для иллюстрации. Многочисленные эмпирические данные в литературе по сравнительной экономике подтверждают отставание социалистической системы в следовании за пионерами инноваций⁶.

5. Для предупреждения краж западной интеллектуальной собственности в области высоких технологий создавалась масса препятствий. Так, например, был строго запрещен экспорт в коммунистические страны товаров из списка Координационного комитета по контролю за экспортом стратегических товаров (*COCOM*). Несмотря на строжайшие запреты, искусным шпионам и техническим специалистам, эти препятствия удавалось обходить.

6. Важнейшие эмпирические исследования в данной области: Amann, Cooper, Davis, 1977; Amann, Cooper, 1982. См. также: Berliner, 1976; Hanson, 1981; Hanson, Pavitt, 1987.

ТАБЛИЦА 1-2.
Отставание во времени от лидеров инноваций: пластики

Продукт	Первое внедрение	Первый последователь	Второй последователь	СССР. Год внедрения/лет с момента первого внедрения
Целлофан	Франция, 1917	США, 1924	Германия, 1925	1936/19
Полистирол	Германия, 1930	США, 1933	Италия, 1943	1955-1959/25-29
ПВХ	Германия, 1931	США, 1933	Япония, 1939	1940/9
Полисилоксан	Германия, 1941	Германия, 1950	Япония, 1951	1947/6*
Эпоксидные смолы	Швейцария, 1936	США, 1947	Германия, 1955; Великобритания, 1955	1957-1959/21-23
Полипропилен	США, 1957; Германия, 1957; Италия, 1957	Великобритания, 1959	Франция, 1960	1970/13

*В данном случае Советский Союз последовал за страной-новатором быстрее, чем страны с капиталистической экономикой.

ИСТОЧНИК: Amann, Cooper, Davies, 1977.

ТАБЛИЦА 1-3.
Отставание при следовании за лидерами инноваций: станки с ЧПУ

Этапы инновации	СССР	СССР в сравнении с др. странами (+ опережение; - отставание)			
		США	Великобритания	Япония	ФРГ
Начало исследований	1949	-2	-1	+ 4	+ 6
Первый прототип	1958	-6	-2	-	-
Начало промышленного выпуска*	1965	-8	-2	+1	-1
Первый многоцелевой станок	1971	-12	(-10)**	-5	-10
Первая система управления третьего поколения	1973	-7	(-5)	(-5)	(-5)
Внедрение компьютерного управления	1973	-6	(-4)	-5	(-4)

*Как минимум 50 штук в год.

**В скобках — оценочные предположения.

ТАБЛИЦА 1-4.
Внедрение современных технологий:
сталелитейная промышленность, непрерывная
разливка в отношении к общему объему
производства, %

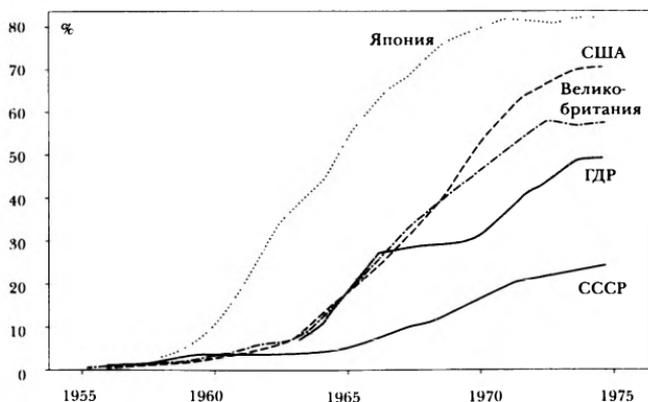
	1970	1980	1987
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ			
Болгария	0	0	10
Чехословакия	0	2	8
Польша	0	4	11
Венгрия	0	36	56
ГДР	0	14	38
Румыния	0	18	32*
СССР	4	11	16
КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ			
США	4	20	58
Великобритания	2	27	65
Франция	1	41	93
Япония	6	59	93
ФРГ	8	46	88
Италия	4	50	90
Испания	12	49	67

*На 1986 год.

ИСТОЧНИК: Финансы и статистика. 1988.

1.3. ИННОВАЦИОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Таким образом, при капитализме возникали радикальные технические новинки, а технический прогресс шел намного быстрее — неопровержимым доказательством чему служит исторический опыт. И все же мне бы хотелось объяснить причины столь важного системного различия.

Источник: Amann, Cooper, Davies, 1977.

РИСУНОК 1-1.

Внедрение современной технологии: сталелитейная промышленность, кислородно-конвертерный процесс (кислородно-конвертерное производство стали в отношении к общему объему сталелитейного производства, %)

В условиях капитализма особая роль отводится предпринимателю⁷. Я использую данный термин в трактовке Йозефа Шумпетера (Schumpeter, 1980 [1912]), но, помимо терминологии, на мои изыскания наложили отпечаток и теории Шумпетера об экономическом развитии и природе капитализма⁸ (см. также работу Баумоля, одно название которой: «Инновационный механизм свободного рынка – анализ чуда капиталистического роста» (Baumol, 2002) – аккумулирует суть моих рассуждений).

Предпринимательство – это некая функция, роль, которую может выполнять личность, сама по себе, или же

7. Новаторами являются отнюдь не все предприниматели (Baumol, Schilling, 2008). В рамках данного исследования главным образом рассматривается класс предпринимателей, занятых в процессе создания и внедрения инноваций.

8. О вкладе Шумпетера в общественные науки см.: Heertje, 2006; McCraw, 2007.

объединившись с одним или несколькими партнерами, или при поддержке небольшого предприятия. Однако предпринимательскую функцию может выполнить и крупная компания. Важно то, что предприниматель связывает воедино материальные и личные условия, необходимые для внедрения инноваций, иначе говоря, объединяет кадровые и финансовые ресурсы с производственными мощностями: находит место применения и управляет внедрением нововведения. Порой проходит немало времени, прежде чем многообещающее изобретение попадает в руки настоящего предпринимателя (множество примеров подобного «запаздывания» описывает в своей книге Роджерс (Rogers, 1995; см. также: Freeman, 1982)). Нередко изобретение или открытие и предприниматель-новатор так и не находят друг друга. К счастью, чаще бывает наоборот.

Из табл. I–1 видно, насколько разнообразными могут быть инновации: речь идет не только о новых продуктах или способах производства, но и о новых формах организации. В большинстве случаев шумпетеровский предприниматель руководит процессом внедрения радикальной инновации *на первом этапе*. При капитализме дальнейшим *продвижением и распространением* новаторского опыта также занимаются предприниматели.

Цепь событий раскручивается от инициативы. Так, в 1996 году стэнфордский аспирант Ларри Пейдж ищет тему для диссертации; обращает внимание на определенные особенности поиска и отбора информации в сети Интернет; объединяется с другим студентом, Сергеем Брином; вместе они разрабатывают поисковую систему; на сайте Стэнфордского университета эта система получает название `google.stanford.net`. Герои этой истории одновременно играют две разграниченные роли: оба являются изобретателями и они же – новаторы, те, кто внедряет изобретение. Пропустим все промежуточные стадии и переместимся в наши дни: на данный момент компания Google – одна из крупнейших и богатейших в мире⁹. Сеть

9. С краткой историей компании можно ознакомиться на сайте Google (Google, 2009) и в статье Википедии (Wikipedia, 2009a).

компания задействует 450 тысяч серверов по всему миру. Не хотелось бы показаться голословным, но влияние корпорации Google можно считать по-настоящему революционным¹⁰. К истории компании я еще вернусь, чтобы проиллюстрировать основные характеристики инновационного процесса при капитализме.

Далее я суммирую характерные черты капиталистической экономики, которые не только делают возможным инновационный процесс, но и инициируют его, постоянно развивают и двигают вперед.

А. Децентрализованная инициатива. Ларри Пейдж и Сергей Брин не получали *указаний сверху* решить определенную инновационную задачу. Им не требовалось *разрешение* на ведение разработок в определенном направлении. Отдельно взятые люди и руководители предприятий малого бизнеса, иначе говоря – единицы, работающие внутри всей системы, сами определяют, что хотят делать.

Б. Огромное вознаграждение. На сегодняшний день Пейдж и Брин – одни из богатейших людей планеты¹¹. В задачи данного исследования не входит анализ этической дилеммы распределения доходов. Каким должно быть «пропорциональное» вознаграждение за достижения? Очевидно одно: результатом самых успешных инноваций (не всегда, но с большой долей вероятности) бывает огромное вознаграждение¹². Распределяется оно

10. Исходя из личного опыта должен признать, что и мои собственные исследовательские привычки изменились. В этом плане эпоха Google сильно отличается от эпохи Гутенберга.

11. Согласно данным журнала Forbes они занимают пятое место в США.

12. История Google может рассматриваться, скорее, как исключение, поскольку изобретением и внедрением инновации занимались одни и те же люди. В ситуации, когда эти функции разнесены (что бывает чаще), изобретатель либо получает часть гигантской прибыли, либо не извлекает никакой материальной выгоды из своего открытия. Так произошло в случае с компьютерной «мышью». Разработавший ее Дуглас Энгельбарт не получил никакого вознаграждения за свое гениальное изобретение. Компа

неравномерно. На одном конце шкалы распределения — владельцы колоссальных состояний, люди вроде Билла Гейтса или новые поколения старых кланов типа Фордов или Дюпонов. Предприниматель, находящийся на острие технического прогресса, может заполучить гигантскую монополистическую ренту. Быть первым выгодно, ведь первенство позволяет занять позицию монополиста, хотя бы и на время. Огромное материальное вознаграждение, как правило, поднимает престиж личности, приносит славу и репутацию.

В. Конкуренция неразрывно связана с предыдущим пунктом. За рынок, за привлечение покупателей идет жесткая, а зачастую и жестокая борьба. Более успешная и быстрее внедренная инновация не обязательно становится единственным инструментом для победы в этой гонке, однако служит серьезным преимуществом¹³.

Г. Масштабные эксперименты. Сотни, тысячи, а то и десятки тысяч предпринимателей хотели найти подходящие инструменты для интернет-поиска. Мало кому удалось совершить прорыв, сравнимый с созданием системы Google. Тем не менее многие сумели реализовать инновации с разной степенью успешности — от значительной до средней и совсем небольшой. Немало было и тех, кто попытался, но потерпел неудачу. Если отвлечься от конкретного примера, никто еще пока не оценил объем попыток внедрения инноваций во всех сферах капиталистической экономики и то, в какой пропорции распределяются успешные и провальные попытки. Опираясь на собственные впечатления, можно лишь интуитивно предположить, что эксперименты подобного рода не поддаются исчислению, и поразительный успех (и по степени влияния, и по объему вознаграждения), достигнутый

ния Apple наладила массовое производство устройства и получила от нововведения невероятную прибыль.

13. Более подробно на этой связи я остановлюсь во второй части исследования.

такими гигантами, как Google, Microsoft, Tetra Pak, Nokia или Nintendo — исключительная редкость. Мотивацией к запуску инноваций для огромного числа способнейших людей служит именно обещание феноменального успеха, пусть и с незначительной долей вероятности; куда больше вероятность достичь меньшего, но вполне ощутимого успеха, поэтому имеет смысл пойти на риск (подробнее о важности экспериментирования см.: Thomke, 2003).

Д. Наличие резервного (свободного) капитала: гибкость финансирования. Создатели Google получили доступ к финансовым ресурсам, которые позволили им вести инновационную деятельность и начать распространять свое нововведение. Коллега по университету и, одновременно, успешный предприниматель Энди Бехтольшайм выписал новаторам чек на \$100 тысяч из собственного кармана на довольно ранней стадии внедрения.

Инновационное предприятие сравнительно редко реализуется исключительно за счет собственных ресурсов новатора. Такое, конечно, случается, хотя чаще речь идет о привлечении средств извне¹⁴. Доступ к ресурсам можно получить разными способами: взять кредит в банке, привлечь инвесторов, желающих принять участие в бизнесе. Существуют венчурные фонды, специализирующиеся на проектах с высокой степенью риска и высокой долей прибыли, в случае успеха (Bygrave, Timmons, 1992). В принципе для запуска и реализации инновационного проекта, а также для его быстрого распространения (что требует масштабных экспериментов, часть которых обречена на провал) необходим свободный капитал, ориентированный на непредвиденные расходы.

Не стану утверждать, будто предпринимательство по шумпетеровскому типу — единственный способ сгене-

14. Существует несомненная связь между экономическим подъемом великих инновационных эпох и ростом доступных кредитов. Легкодоступные деньги способствуют техническому прогрессу, но таят опасность образования пузырярей. Анализируя события, предшествовавшие нынешнему кризису, полезно перечитать Шумпетера (Schumpeter, 1939; в особенности главу IV). Рамки книги ограничивают соблазн рассуждений о данном аспекте.

рировать инновационный процесс в капиталистической системе. Существует множество альтернативных схем. Остановимся лишь на трех.

1. Во многих случаях важные нововведения возникают по инициативе военных, ими же финансируются и осуществляются. Так, например, в 1960-е годы у Пентагона возникла необходимость в создании абсолютно децентрализованной почтовой службы при условии, что отсутствие центра почтовой системы не приведет к нарушению традиционной (письменной) связи. Военный заказ и щедрое финансирование исследований в этом направлении привели к появлению революционного нововведения — электронной почты — совершенно децентрализованного способа коммуникации, управляемого «невидимой рукой». Хотя на более поздней стадии бесплатная, некоммерческая система электронной почты переплелась с более коммерческой, ориентированной на прибыль деятельностью, электронная почта остается классическим примером не-шумпетеровской инновации.

При социализме, в централизованной, бюрократически управляемой гражданской экономике с конкуренцией было покончено, однако СССР и его союзники вели отчаянную гонку вооружений с Западом, главным образом с США. Конкуренция не на жизнь, а на смерть оказала действенное влияние на инновации и способствовала появлению грандиозных нововведений. В СССР был создан первый космический спутник. Заметное отставание в гражданском секторе компенсировалось главной правительственной целью — не отстать от темпов развития вооруженных сил Запада, а то и перегнать их. Однако когда дело доходило до гражданского использования военных инноваций, вновь давала о себе знать слабость социалистической системы. В США за запуском первых военных спутников последовала их эксплуатация в мирных целях, что привело к быстрому росту качества и эффективности услуг в сфере телекоммуникаций. В странах социалистического блока использовать спутники в гражданской жизни начали с большим опозданием. Этот

пример демонстрирует, что в крайне централизованной бюрократической системе направленные усилия могут приводить к поразительным результатам, но они лишены сопутствующего эффекта, характерного для децентрализованного предпринимательского капитализма.

2. Иногда важные исследования, а затем и распространение изобретений инициирует и финансирует гражданский, невоенный государственный сектор, к примеру ведомства, отвечающие за здравоохранение. Разумная государственная политика с ориентацией на конкуренцию может поддерживать адресные инновации в сфере защиты окружающей среды.

3. В ряде случаев запуск и реализация важных инноваций происходят по инициативе специально созданной для этого группы исследователей или неправительственной, некоммерческой организации или ассоциации. Так, к примеру, возникло одно из самых важных, поистине революционных нововведений – всемирная компьютерная сеть Интернет (см. воспоминания пионера этих исследований Тима Бернерса-Ли; Berners-Lee, 1999). Сходным образом, то есть путем создания не-шумпетеровских, некоммерческих гражданских объединений, зародились многие другие важные инновации в сфере компьютеров, информации и коммуникаций (SMS – система передачи коротких сообщений, операционная система Linux).

Говоря о роли процессов, протекающих не по шумпетеровскому сценарию, следует признать: большинство радикальных инноваций осуществляется в рамках схемы Шумпетера. Это особенно справедливо в отношении нововведений в бытовой сфере, ориентированных на рынок потребительских товаров и услуг. Но даже изначально не-шумпетеровские проекты, как правило, влекут за собой попытки извлечь прибыль из их применения, а их распространением занимаются рыночно мыслящие новаторы.

1.4. НЕВОЗМОЖНОСТЬ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Переходя к социализму, остановимся на этапе, предшествующем инновации, а именно — на самом *изобретении*. В соцстранах тоже жили творческие умы, работали выдающиеся ученые, инженеры, рационализаторы, которые совершали важные, революционные открытия, применимые и на производстве. Первый пример — советский физик Абрам Иоффе. В истории науки он считается одним из основателей физики полупроводников, играющих сегодня фундаментальную роль в электронной промышленности. Свое открытие Иоффе сделал еще в 1930-е годы, но экономическая среда попросту не предусматривала его промышленного внедрения. Годы позже лидерами по производству полупроводников стали США, Япония, Тайвань и Южная Корея; Советский Союз лишь едва поспевал за не слишком активными последователями¹⁵.

В период с 1971 по 1973 годы польский инженер и ученый Яцек Карпинский разработал первую миниатюрную электронно-вычислительную машину. Карпинского относят к пионерам вычислительной техники. Однако пока ученый жил в Польше, его изобретение не получило массового распространения как инновация. Позднее Карпинский эмигрировал, и в капиталистическом мире изобретенное им устройство, в конкуренции с аналогичными открытиями, получило массовое распространение.

Самый известный венгерский пример — история кубика Рубика. Я внес эту интеллектуальную игрушку в список революционных нововведений и уверен, что сделал это по праву. Математик Эрнё Рубик, увидев, с каким энтузиазмом люди реагируют на его гениальное изобре-

15. Поначалу Абрама Иоффе осыпали высшими правительственными наградами и академическими почестями, но в последние годы сталинского террора его лишили высоких постов как «сиониста». Однако вне зависимости от положения открытия академика так и не стали полноценными инновациями.

тение, попытался распространить его по всему миру, но достиг лишь относительно скромных результатов. Настоящий большой успех пришел лишь когда по-настоящему деловая известная американская компания по производству игрушек приобрела патент и запустила маркетинговую кампанию «волшебного кубика» в мировом масштабе.

Даже в самой Венгрии мало кто знает, что дискета, или гибкий диск, — простейший портативный носитель информации для персональных компьютеров, которым пользовались миллионы, — изобретение венгерского инженера Марцелла Яноши. В 1974 году изобретатель напрасно предлагал венгерским производителям и экспортерам качественно работающий прототип; руководители социалистической промышленности не увидели, какие коммерческие возможности таит в себе эта разработка, — побоялись начать ее массовое производство и распространить по всему миру и даже не поддержали продление патента. Самому изобретателю заняться маркетингом собственного интеллектуального продукта не разрешили. В итоге японская промышленность «заново изобрела» гибкий диск и там же, в Японии, он был запущен в массовое производство¹⁶.

Перейдем к следующей фазе — инновации. Даже при социализме склонность к предпринимательству у многих людей сохранялась, пусть и в «дремлющем» состоянии. Возможно, отдельные руководители могли реализовать свои таланты, но при условии, что попадали на соответствующие должности благодаря способностям, а не партийным связям. Тем не менее врожденные характеристики системы не оставляли возможностей для развития шумпетеровского предпринимательства¹⁷.

16. Венгерский изобретатель дискеты до сих пор живет на скромную пенсию (см. историю создания гибкого диска: Kovács, 1999; Drávucz, 2004).

17. Эмпирический анализ см.: Amann, Cooper, Davis, 1977; Amann, Cooper, 1982; Berliner, 1976; Hanson, 1981; Hanson, Pavitt, 1987. Теоретическое обоснование: Berliner, 1976; Gomulka, 1983, Kornai, 1980, 1993.

Рассмотрим поочередно условия, проанализированные применительно к капитализму, и сравним с ситуацией в социалистической системе.

А. Централизованные бюрократические команды и распоряжения. План технического развития — один из разделов единого государственного плана. Плановики в «центре» решают, какие ключевые изменения следует внести в состав и качество продукции, а также в технологию ее производства. Затем начинается распределение центрального плана по отраслям, подотраслям, в конечном итоге — по предприятиям. Командно-административный метод в экономике, помимо всего прочего, подразумевает, что предприятия получают подробные указания относительно того, когда следует заменить старую продукцию на новую, когда заменить старые станки и технологии на новые. До окончательного принятия плана руководители предприятий могут вносить свои предложения, тем самым иницилируя выпуск новой продукции или применение новой технологии, иными словами, могут поучаствовать в процессе распространения инновации. Однако для внедрения любой значительной инициативы нужно просить разрешение. К примеру, если речь шла о масштабных действиях, начальники «на местах» не могли принимать решений самостоятельно и вынуждены были обращаться за одобрением к вышестоящим чиновникам. Чем масштабней инициатива, тем выше уровень принятия окончательного решения и длительней бюрократический процесс, предшествующий внедрению в производство (подробный теоретический анализ связи между централизацией и инновациями содержится в работе китайских экономистов И. Цяня и Ч. Сюя: Qian and Xu, 1998).

При капитализме все наоборот: если первая компания, куда обращается изобретатель, не захочет заняться внедрением многообещающего устройства или продукта, следующая фирма может и согласиться. Это возможно благодаря децентрализованной частной собственности и рыночным условиям. В централизованной социалистической экономике новаторская идея должна пройти

официальный путь, и в случае отрицательного решения апеллировать не к кому.

Б. Вознаграждение равно нулю или очень невелико. Если высшие власти признают техническое нововведение, внедренное на предприятии, успешным, то начальник и, возможно, его непосредственные подчиненные получают премию, размер которой в лучшем случае равен зарработку за один-два месяца.

В. Отсутствует конкуренция между производителями и продавцами¹⁸. Концентрация производства очень высока. Многие предприятия обладают монополией или как минимум региональной (географической) монополией на производство целой группы продуктов. Хронический дефицит товаров провоцирует монополистическое поведение даже там, где параллельно работают несколько производителей. Экономика дефицита, одна из самых характерных черт социалистической системы, парализует мощный двигатель обновления — стремление бороться за удовлетворение требований покупателя (Копай, 1971, 1980, 1993а, главы 11–12). У производителя нет нужды заманивать покупателя и предлагать ему более совершенный и новый товар, ведь потребитель рад, если ему вообще удалось что-то купить в магазине, независимо от качества и обновления товара.

Существуют примеры инновационной деятельности, вызванной хроническим дефицитом, — оригинальные замены для недостающих материалов или запчастей (Laki, 1984, 1985). Увы, эти плоды творческой мысли не получили широкого распространения и не стали коммерчески успешными инновациями в шumpетеровском смысле¹⁹.

18. Как уже отмечалось, исключением в плане инноваций была военная промышленность, ведь в этой сфере Советский Союз жестко конкурировал с Западом.

19. От хронического дефицита может страдать не только социалистическая система. В периоды войн длительный дефицит может возникнуть и в капиталистической экономике. В ходе Второй мировой войны нехватка сырья также спровоцировала инновационную деятельность в области создания эрзац-материалов (взамен привычного сырья).

Г. Жесткие границы для экспериментирования. Капитализм допускает сотни, тысячи бесплодных или малорезультативных попыток с тем, чтобы один из этих сотен и тысяч опытов оказался удачным и принес грандиозный успех. Плановая социалистическая экономика стремится свести риски к минимуму. Тем самым она исключает внедрение инноваций радикального характера, ведь они всегда означают прыжок в пустоту, и предсказать успех невозможно.

Что касается последователей, одни страны подхватывают идеи быстро, другие – медленно. Социалистические страны принадлежат к той группе, для которой характерен самый медленный темп. Они предпочитают придерживаться старых, знакомых методов и производить привычные товары, ведь новые технологии и новая продукция обладают слишком большим количеством непонятных характеристик, что может усложнить планирование и разработку директив.

Д. Отсутствие свободного капитала и жесткие рамки выделения инвестиций. Централизованное планирование не жалеет ресурсов, предназначенных для накопления капитала. Доля, выделяемая на инвестиции из общего объема продукции, как правило, выше, чем в капиталистических странах. Тем не менее этот невероятный запас расходуется раньше времени и до последней копейки. Еще хуже то, что обычно случается перерасход; иными словами, в совокупности все проектные планы предусматривают расходование большего объема ресурсов, нежели требуется для выполнения этих планов. И речи не может быть о том, чтобы свободный капитал «подждал», пока не появится кто-нибудь с интересной идеей или инновацией для дальнейшего внедрения. Рынка свободного капитала просто не существует. Вместо этого имеет место неповоротливое и заторможенное бюрократическое регулирование. Невозможно представить, что кто-то выделит капитальные ресурсы на дело, исход которого заранее непредсказуем. Нет такого безумного министра промышленности или директора завода, который бы сказал: «Дайте нам денег на рискованные

инвестиции, но предупреждаю: деньги могут пропасть и ничего с этим нововведением не получится»²⁰.

Здесь имеет смысл еще раз взглянуть на пункты А–Д применительно к описанию механизма инноваций, ведь все это – продукт основных характеристик капиталистической и социалистической систем. Описанные явления – прямое следствие наличия частной собственности и рыночной координации в одной системе и общественной собственности и бюрократической координации – в другой.

Не стану утверждать, будто темпы технического прогресса в стране зависят исключительно от того, какая в ней действует система – капиталистическая или социалистическая. Важную роль играет масса других факторов: уровень развития экономики, уровень образования (включая подготовку научных кадров), уровень и устройство исследовательской и проектно-конструкторской деятельности на производстве, а также ее финансирование, ассигнование средств на науку со стороны военно-промышленного комплекса и т.д. Свою роль, безусловно, играет и удача. Так, например, компания Nokia возникла и достигла невероятного успеха в сфере мобильной телефонии именно в Финляндии, а не в Дании или Норвегии. Немало работ посвящено проблемам распространения инноваций, их лидерам и последователям (см.: Davila, Epstein, Shelton, 2006; Freeman, 1982; Rogers, 1995)²¹. Признавая важность прочих факторов, я продолжаю настаивать на системной обусловленности²².

20. Анализ гибкости финансирования, связи централизации и инноваций см.: Huang and Xu, 1998.

21. В литературе для руководителей предприятий и людей бизнеса, интересующихся практическими вопросами инноваций, возможно чаще всего цитируют работу Роджера (Roger, 1995). В этой замечательной и подробной во всех отношениях книге имя Шумпетера даже не упоминается, не говоря уже о прочих *экономических* теориях инноваций.

22. Опыт разделенной Германии особенно поучителен. Восточная Германия, наряду с Чехословакией, была самой развитой стра-

1.5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Решающий фактор, объясняющий природу инновационного процесса, — влияние системно обусловленных особенностей экономики; их, в свою очередь, определяет политическая структура системы. При этом политическая структура и технический прогресс связаны между собой и напрямую. Остановлюсь на нескольких точках соприкосновения.

Коммунистическая диктатура агрессивно проталкивала инновации в информационно-коммуникационной сфере, если они обеспечивали эффективные технологии в сфере политической пропаганды и, в более общем смысле, распространение официальной идеологии. Ленин одним из первых политических лидеров понял, какую важную роль в пропаганде может сыграть кино. СССР также был среди тех стран, где быстрее всего внедрили телевизионное вещание, ведь на первых порах телевидение было крайне централизованным средством передачи информации, сосредоточенным в одной или нескольких студиях, объектом жесткого партийного контроля. Программы радиостанций также можно было легко контролировать и вести трансляцию через громкоговорители даже в самые удаленные деревни.

Коммунистический режим поддерживал радио и телевидение до тех пор, пока можно было обеспечить жесткий централизованный контроль. К счастью, по мере развития интегральных технологий, абсолютная централизация и цензура стали технически невозможны. Бер-

ной социалистического региона. На момент возникновения ГДР располагала отличной научно-исследовательской инфраструктурой и щедро выделяла средства на развитие высшего образования, академические исследования и промышленные разработки. Однако ни одной революционной инновации в стране так и не появилось. Несмотря на наличие первоклассных специалистов, темпы следования за радикальными нововведениями в большинстве секторов экономики были медленнее, чем в западной Германии (Bauer, 1999; Stokes, 2000).

линская стена действительно мешала людям пересекать границу между двумя мирами, но никакая стена не могла воспрепятствовать движению теле- и радиоволн сквозь железный занавес из западной Германии в восточную, из Мюнхена — по всей Восточной Европе, а «глушилок» не хватало на то, чтобы остановить дестабилизирующее воздействие западных каналов и телестанций. Одним из многочисленных факторов, приведших к краху социалистической системы, определенно стала техническая невозможность «герметически закрыть» эфирное пространство СССР и других соцстран и изолировать их от проникавших из остального мира радиоголосов.

Окончательная сумятица в странах социалистического блока началась тогда, когда множительные аппараты, электронная почта и Интернет стали доступны даже на их территории. Горбачев призвал к «гласности», и через открытые двери компьютерных сетей, по волнам радио и телевидения поток информации хлынул из-за границы, а потом — в еще большем объеме — от пробудившихся граждан в самих странах. Этот поток оказался губительным для старых догм, застывших убеждений, заведомо ложной партийной пропаганды, освободив многие умы (Shane, 1994; Kedzie, 1997a, b; Stolyarov, 2008). Позволю себе вернуться к вопросу об отношениях между политической структурой и техническим прогрессом несколько позже.

1.6. ПЕРВЫЕ ИТОГИ: СИСТЕМЫ И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Предположим на мгновение, будто мечта Маркса, Ленина и Троцкого воплотилась в реальность и мировая революция победила во всем мире, не оставив и островка капитализма. При таком раскладе у нас никогда не появились бы компьютер и транзисторный радиоприемник, холодильник и супермаркет, Интернет и эскалатор, CD и DVD, цифровая фотография, мобильный телефон и все прочие революционные нововведения. Наша жизнь (по крайней мере, в плане использования различных устройств и оборудования) оставалась бы на уровне

стандартов, заимствованных у последних сохранившихся оплотов капитализма.

Здесь мы подходим к фундаментальным вопросам понимания и толкования долгосрочных тенденций развития в человеческой истории. Технологии (инструменты, устройства, оборудование и т. д.), задействованные во *всех* сферах (не только в производстве товаров, но и в остальных областях личной и общественной деятельности), развиваются в рамках сложного общественного процесса. Этот сложный процесс мы условно называем техническим прогрессом. Скорость и прочие характеристики технического прогресса определяются рядом факторов. В основе данного исследования (и других моих работ) лежит следующая философия: один из мощнейших объяснительных факторов — это *система*. Существует сильная связь между типом системы (капитализм или социализм) как причиной и скоростью технического прогресса и его остальными характеристиками как следствием.

Я использую понятие «технический прогресс», принятое экономической наукой в целом. Следует помнить, что второе слово — «прогресс» имеет положительный, даже хвалебный оттенок, поскольку отражает субъективное суждение: лучше жить в мире, где есть посудомоечные машины, мобильные телефоны и CD, чем в мире, лишенном этих продуктов. Но лучше ли? Никто, даже самые горячие приверженцы современных технологий, не ограничатся простым ответом «да» без оговорок. С момента овладения огнем и изобретения ножа люди использовали все новые инструменты и технологии как во зло, так и во благо. Факт банальный, но по-прежнему важный: последние достижения технического прогресса, а именно — стремительно развивающиеся технологии в сфере компьютеров, электроники, цифровой техники, информации и коммуникаций могут использоваться уголовниками, преступниками, совершающими преступления на сексуальной почве, террористами и представителями экстремистских политических движений. Эти достижения открывают новые возможности для коварной рекламы, способной вводить людей

в заблуждение или попросту им мешать. Замена человеческого труда роботами может привести к «дегуманизации» различных действий и контактов. Бесконечное сидение перед экранами компьютеров или телевизоров может отвлекать детей и взрослых от более ценных занятий и развлечений. Технический прогресс всегда будет использоваться не только для мирной, но и для военной деятельности, причем не только для защиты родины, но и в целях агрессии. Но все же большинство людей (я не исключение) называют направление технических изменений «прогрессом», поскольку выгоды от него перевешивают недостатки или опасности (по результатам опроса, который будет приведен ниже, таково мнение большинства).

Опираясь на субъективную оценку, я расцениваю стимулирующее воздействие капитализма на технический прогресс как одно из величайших достоинств системы, а тормозящее влияние социализма — как один из главных недостатков последнего²³. Данное наблюдение само по себе может послужить достаточной причиной для радости по поводу краха социалистической системы.

23. Дальнейший анализ связи капиталистической системы и технического прогресса см. в части II.

Преобразование (трансформация) и ускорение технического прогресса

Войдя в мир капитализма, все постсоциалистические страны открыли двери для предпринимательства, радикальных инноваций, быстрого распространения новых продуктов и технологий. Изменение базовых характеристик экономики в этой части мира создало условия для ускорения технического прогресса.

Формулируя вышесказанное, я старался быть осторожным. Склонность к предпринимательству, к инновациям и динамизму — неотъемлемая составляющая капитализма. Но это лишь тенденция, предрасположенность — и не более. Это не физический закон, который *обязан* выполняться. Ранее, когда речь шла об инновациях при капитализме, подчеркивалось, что наряду с решающим воздействием системно обусловленных факторов свою роль играют и другие значимые обстоятельства. Разнообразие остальных факторов, не связанных с системой, объясняет несоответствие темпов инновационного процесса в разных переходных экономиках. Частное предпринимательство, инновации и динамизм реализуются посредством действий людей в социальной, политической и правовой среде, которая и влияет на то, с какой скоростью и до какой степени внедряется та или иная тенденция. Это зависит от конъюнктуры, делового климата и, в значительной степени, от смелости, энтузиазма и компетентности конкретных людей, могущих стать предпринимателями.

2.1. ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ-НОВАТОРЫ

Начнем с нововведений, ориентированных на производство радикально новых продуктов. Первый пример — программное обеспечение Skype, отмеченное в табл. I-1 среди крупных инноваций. Придумали идею швед Никлас Зеннстрем и датчанин Янус Фриис, однако программное обеспечение было разработано в Эстонии, там же продолжает функционировать группа по развитию. Компания, начавшая распространение изобретения по всему миру, была основана и зарегистрирована в Эстонии. Поэтому согласно критериям, которые мы используем в данном исследовании, инновация считается эстонской. Нововведение оказалось настолько успешным, что американская корпорация eBay купила компанию почти за два миллиарда евро и продолжила процесс внедрения инновации.

Второй, менее эффектный, но заслуживающий внимания пример — история венгерского предприятия в сфере высоких технологий Graphisoft. Новатор-изобретатель Габор Бояр, бывший старший научный сотрудник НИИ, создал программу для трехмерного пространственного дизайна, предназначенную в основном для архитекторов (Воjár, 2007). Не уникальные в своем роде, но элегантные и эффективные решения позволили этому программному обеспечению добиться коммерческого успеха в нескольких странах. Graphisoft вывела продукт на мировой рынок. Компания Бояра — классический пример шумпетеровского предпринимательства. Какая огромная разница между двумя венгерскими историями: изобретатель гибкого диска Яноши не добился успеха в период до 1989 года и прозябает в бедности и неизвестности, а создатель Graphisoft Бояр обрел славу, признание и состояние.

Третья история — о *восстановлении данных с поврежденных жестких дисков* — началась в кадаровской Венгрии, в период половинчатых рыночных реформ. Тогда уже использовались компьютеры, но для венгерских условий они еще были очень дороги. При поломке компьютера самую ценную его часть — жесткий диск — надо было сохранить; при этом имело смысл восстановление

жесткого диска и использование его в другом компьютере, собранном из старых запчастей. Два брата, Янош и Шандор Кюрти достигли в этом настоящего мастерства. Тут-то их и посетила творческая идея: использовать те же самые навыки в случае, если данные, хранившиеся на жестком диске, были утеряны. Всем известно, как неприятно терять большую часть информации, хранившуюся в компьютере. Братья Кюрти отшлифовали технику, точнее искусство возвращения с поврежденных дисков данных, считавшихся навсегда утерянными. Когда после 1989 года это крайне специфическое умение превратилось в услугу, пользующуюся спросом на рынке, братья Кюрти основали компанию и обучили еще несколько специалистов. Сейчас у них клиенты по всему миру (Kürti and Fabiányi, 2008; Laki, 2009). История братьев – еще один пример успешной инновации по Шумпетеру.

Два из трех примеров связаны с Венгрией, один – с Эстонией. Уверен, что подобные истории характерны и для многих других постсоциалистических стран.

2.2. УСКОРЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИННОВАЦИЙ И ГОНКИ ЗА ЛИДЕРОМ

По мере того как в экономике постсоциалистических стран расширялся частный сектор и возникали институты рыночной координации, технический прогресс ускорился во многих смыслах, включая и более быстрое восприятие инноваций из других стран.

В последние десятилетия в странах Запада доступ к телефонной линии считался чем-то само собой разумеющимся. Но для граждан соцстран дело обстояло совершенно иначе – там этой услугой могли пользоваться немногие, только избранные имели доступ к ней, а остальные могли «получить телефон» лишь спустя годы ожидания в очереди. Не хватало линий телефонной связи, поскольку планировщики не считали эту услугу важной и перераспределяли средства по другим секторам. Пока господствовал социализм, казалось, будто изменить соотношение спроса и предложения в сфере телефонии невозможно. Затем произошла смена системы, и ситуация в этом секторе

ТАБЛИЦА 1–5.
Телефонные линии: сравнительные данные
(количество линий на 1000 человек)

Страна	1979	1980	1985	1990	1995	2000	2005
Болгария	91	102	167	242	305	353	323
Польша	53	55	67	86	148	283	307
Венгрия	53	58	70	96	210	372	332
Румыния	67	73	88	102	131	174	203
СССР	67	70	103	140	169	218	280
Греция	226	235	314	384	494	536	567
Германия	308	332	416	441	514	610	661
Италия	216	231	305	387	434	474	431

ИСТОЧНИК: Статистический отдел ООН (United Nations Statistics Division, 2009b).

ТАБЛИЦА 1–6.
Распространение современных коммуникационных
технологий в странах ЕС: пятнадцать «старых» членов (EU-15)
в сравнении с десятью «новыми» членами – бывшими странами
социалистического блока (EU-10)

Показатель	Группа	1995	2001	2007
ВВП на душу населения, \$ на 2000 год	EU-15	19 706	23 747	26 781
	EU-10	3 489	4 425	6 295
ВВП на душу населения, паритет покупательской способности (ППС), \$ на 2005 год	EU-15	25 831	31 134	35 058
	EU-10	9 758	12 286	17 570
Персональные компьютеры на 100 человек	EU-15	16	35	37
	EU-10	3	12	33
Пользователи сети Интернет на 100 человек	EU-15	3	32	64
	EU-10	1	14	48
Абоненты широкополосного доступа в Интернет на 100 человек	EU-15	н/д	2	24
	EU-10		0	12
Пользователи мобильных телефонов на 100 человек	EU-15	7	77	116
	EU-10	1	40	118

ПРИМЕЧАНИЕ. Представленные данные являются средним арифметическим для каждой группы. Относительно отсутствия данных в графе «нет данных», см. источник.

ИСТОЧНИК: Всемирный банк (World Bank, 2008).

ТАБЛИЦА 1 – 7.

Распространение современных коммуникационных технологий в странах ЕС: страны Вишеградской пятёрки (V5) в сравнении с тремя странами Южной Европы (S3)

Показатель	Группа	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2007
ВВП на душу населения, \$ на 2000 год	S3	10 406	11 020	11 847	12 642	13 054	13 623	14 289
	V5	3 865	4 194	4 435	4 756	5 108	5 635	6 338
ВВП на душу населения, паритет покупательской способности (ППС), \$ на 2005 год	S3	18 620	19 721	21 200	22 618	23 345	24 357	25 545
	V5	11 550	12 535	13 228	14 176	15 237	16 821	18 956
Персональные компьютеры на 100 человек	S3	5	7	9	14	15	17	28
	V5	4	6	9	12	18	23	39
Пользователи сети Интернет на 100 человек	S3	1	3	10	16	26	33	41
	V5	1	2	6	13	29	39	50
Абоненты широкополосного доступа в Интернет на 100 человек	S3	н/д	н/д	0	1	3	8	14
	V5			0	0	1	5	11
Пользователи мобильных телефонов на 100 человек	S3	3	12	40	74	88	100	115
	V5	1	4	14	46	72	92	113

ПРИМЕЧАНИЕ. Представленные данные являются средним арифметическим для каждой группы. V5, Вишеградская пятёрка: Республика Чехия, Венгрия, Польша, Словакия, Словения; S3, страны Южной Европы: Греция, Испания и Португалия.

ИСТОЧНИК: Всемирный банк (World Bank, 2008)

развернулась на 180 градусов. В табл. 1–5 видно, как за сравнительно короткий промежуток времени устаревшая кабельная телефонная связь стала доступна всем. Ко всему прочему, на рынке появился новый революционный продукт – мобильный телефон, который завоевал рынок телефонии (см. табл. 1–6, 1–7 и 1–8)¹. Распространение этих услуг происходило с невероятной скоростью (Соорег, 2009).

1. В ряде стран, например в Венгрии, это привело не просто к прекращению строительства новых кабельных линий, но и к переходу на мобильные телефоны во многих домах.

ТАБЛИЦА 1–8.
Распространение современных коммуникационных технологий в России и некоторых других странах

Показатель	Страна	1995	2001	2007
ВВП на душу населения, \$ на 2000 год	Россия	1 618	1 870	2 858
	Бразилия	3 611	3 696	4 222
	Мексика	4 892	5 864	6543
ВВП на душу населения, паритет покупательской способности (ППС), \$ на 2005 год	Россия	7 853	9 076	13 873
	Бразилия	7 727	7 910	9 034
	Мексика	9 949	11 927	13 307
Персональные компьютеры на 100 человек	Россия	2	8	н/д
	Бразилия	2	67	
	Мексика	3		
Пользователи сети Интернет на 100 человек	Россия	0	3	21
	Бразилия	0	5	35
	Мексика	0	7	23
Абоненты широкополосного доступа в Интернет на 100 человек	Россия	н/д	0	3
	Бразилия		0	4
	Мексика		0	4
Пользователи мобильных телефонов на 100 человек	Россия	0	5	115
	Бразилия	1	16	63
	Мексика	1	22	63

ИСТОЧНИК: Всемирный банк (World Bank, 2008).

После того как пользование телефоном стало неограниченным с точки зрения предложения на сегодняшний день действует только ограничение спроса.

Явные причинно-следственные отношения между капитализмом и щедрым предложением на рынке услуг телефонии проявляются на нескольких уровнях. Переход к либеральной рыночной экономике, основанный на частной собственности, положил конец экономике дефицита. Предложение на рынке телефонии столь велико, потому что местным или иностранным предпринимателям этот бизнес приносит прибыль. Мобильные телефоны легко заменяют кабельные, следовательно, владельцы кабельных сетей не могут оставаться монополистами. Напротив, между теми, кто оказывает услуги телефонной связи, начинается бешеная конкуренция.

Тридцать лет назад в СССР или странах Восточной Европы потенциальный потребитель умолял чиновника о выделении телефонной линии как о великой милости. Сегодня телефонные компании борются за клиента.

Хорошо помню, какой проблемой для меня было отсутствие дома телефона, и потому благодарен постсоциалистическому переходу и капитализму за то, что теперь телефон есть и у меня дома, и у каждого члена семьи в отдельности. Я рад, что благодаря смене систем шансы технического прогресса возросли. Прекрасно понимаю: слово «благодарность» отсутствует в словаре экономики и политологии. И все же хочу употребить именно это слово, ведь оно ясно отражает не только *рациональное понимание* позитивных причинно-следственных отношений между капитализмом и инновациями в целом и связи между сменой системы и доступом к услугам телефонии в частности, но и те сильные эмоции, которые вызвали во мне изменения, произошедшие после 1989 года. Несмотря на все недостатки и поражения, я искренне праздную годовщину тех событий; и одна из важнейших причин радоваться приходу капитализма в том, что все плоды технического прогресса наконец-то стали доступны и для нас, жителей бывшего соцлагеря.

Таблицы I-6, I-7 и I-8 демонстрируют еще несколько результатов не менее важных диффузных процессов в области технологий, это пользование компьютерами и доступ к сети Интернет. Скорость следования за лидерами в этих сферах выросла на глазах.

Многие предприниматели берут пример с первоходцев, адаптируют идею к условиям на местах и добиваются серьезных успехов. Один из таких выдающихся шумпетеровских новаторов – китайский бизнесмен Ма Юнь, основатель Alibaba Group. Основной вид деятельности компаний, принадлежащих группе, – мелкооптовая интернет-торговля, поиск партнеров для фирм в основном малого и среднего бизнеса. На сегодняшний день Alibaba Group – крупнейшая компания подобного рода в Китае и одна из крупнейших в мире. Ее создатель и руководитель Ма Юнь начинал карьеру как преподаватель, а стал миллиардером (см. информацию о компании

на ее сайте: www.alibaba.com). История Alibaba заслуженно продолжает список уже упомянутых успешных инноваций, возникших в постсоциалистическую эпоху.

В целом зазор между самыми развитыми государствами и постсоциалистическими странами не исчез, но стал уже, чем в эпоху социализма, когда это расстояние имело тенденцию к увеличению с годами².

2.3. СОЗИДАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ

Процесс инноваций и динамика появления и исчезновения компаний на рынке взаимосвязаны. Шумпетер назвал это явление *созидательным разрушением*, подробно и точно описав обе стороны ускорения технического прогресса, не отделимые друг от друга. Проще всего превозносить удачливых новичков делового мира, особенно если они приходят с успешными инновациями. Однако быстрого движения вперед не бывает без банкротств, неудач, провалов и уходов с рынка и сопутствующих им неприятных последствий — увольнений и безработицы.

Переходным экономикам в этом отношении не повезло: им пришлось пережить две волны больших разрушений. В одной из своих предыдущих работ я назвал первую волну трансформационной рецессией (Kornai, 1993b). Она стала причиной потрясений во всех постсоциалистических странах; массовые уходы компаний с рынка (после десятилетий сверхзанятости и гарантированных рабочих мест) спровоцировали первый шок от массовой безработицы. Вторая волна сегодняшней рецессии еще не завершилась, однако, глядя в ближайшее будущее с некоторой долей оптимизма, можно предположить, что она приведет к меньшему сокращению

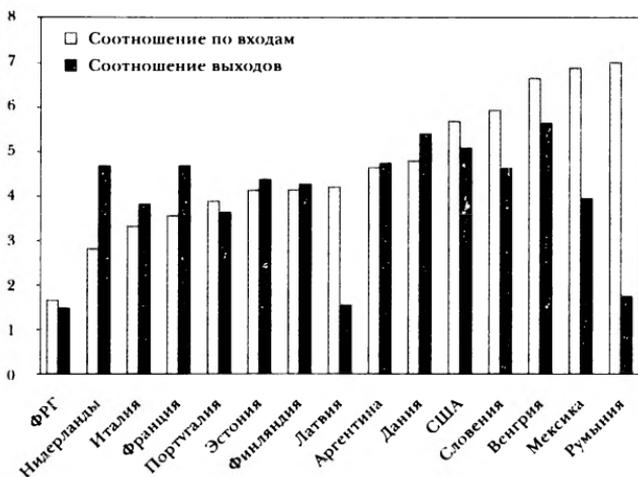
2. Согласно индексу развития информационного общества (Information Society Index), по совокупности различных аспектов развития информационного общества, некоторые постсоциалистические страны (Чехия, Венгрия, Словения) занимают достойное место в этом рейтинге (Karvalics, 2009). В целом вся группа движется вперед и с каждым годом поднимается все выше по шкале, хотя этим странам по-прежнему приходится прилагать серьезные усилия, чтобы удержаться на достигнутом уровне.

объемов производства, нежели спад производства в ходе трансформационной рецессии. Последняя была, возможно, одной из глубочайших рецессий в истории экономики, но мир обратил на нее меньше внимания, нежели на сегодняшний кризис, поскольку жертвами этой рецессии стали только мы, жители бывшего коммунистического региона, а остальные страны не разделили с нами этот болезненный опыт.

Трансформационная рецессия далась ценой немалых страданий, но принесла и определенную пользу. Она вынудила предпринимателей быстро адаптироваться к радикальным изменениям в устройстве внутреннего и внешнего рынка, освободила путь для более динамичного развития, ускорения инноваций и повышения производительности. Исчезли устаревшие производственные линии, грязные цеха с поржавевшим оборудованием и магазины с убогим ассортиментом. Вместо них в современных зданиях, оснащенных новейшими технологиями, расположились совершенно новые производственные мощности, открылись новые супермаркеты и торговые центры.

Хорошо структурированные данные позволяют проследить, как шли процессы выхода на рынок и ухода с него в постсоциалистических странах. Бартельсман, Халтивангер и Скарпетта в своей статье (Bartelsman, Haltiwanger, Scarpetta, 2004) предлагают подробный отчет и анализ, основываясь на данных, отражающих процесс созидательного разрушения, для компаний из 24 стран, включая ряд стран с переходной экономикой: Эстонию, Венгрию, Латвию, Румынию и Словению. В качестве иллюстрации приведу лишь одну диаграмму (рис. 1–2), на которой отражены данные по компаниям с минимальным числом сотрудников 20 человек в 1990-е годы.

В первые годы перехода количество компаний, выходящих на рынок, существенно превышало число выходов с рынка, и этот показатель отличался от ситуации в странах с более зрелой рыночной экономикой, где разница между этими двумя потоками намного меньше, а иногда приобретает и отрицательное значение. Многие круп-

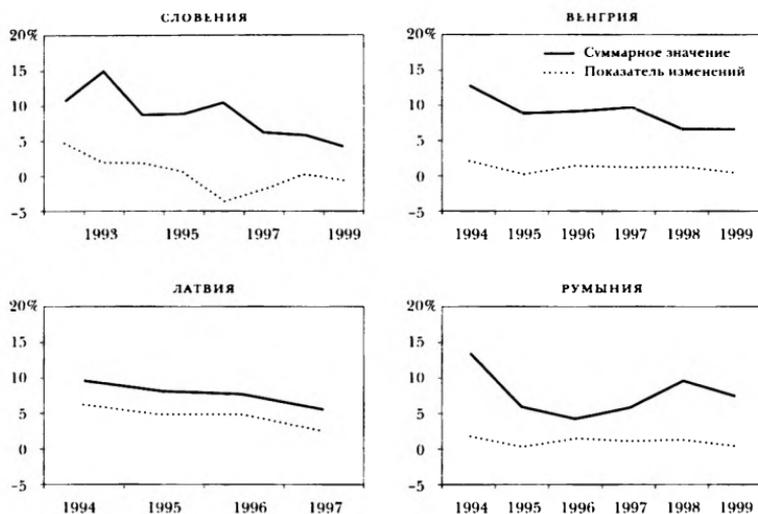
ПРИМЕЧАНИЕ. Соотношение по входам рассчитано как количество новых компаний, разделенное на общее число всех компаний, которые работали на рынке в отдельно взятом году. Соотношение выходов – количество компаний, вышедших с рынка, разделенное на изначальное количество, то есть число компаний на предшествующий год.

ИСТОЧНИК: Bartelsman, Haltiwanger, Scarpetta, 2004.

РИСУНОК 1–2.
Соотношение выхода компаний на рынок и ухода с него в 1990-е годы

ные предприятия (прежде находившиеся в государственной собственности) закрылись, и на рынок вышла масса небольших компаний. Процент смены компаний на рынке (соотношение входов и выходов) в 1990-е годы колебался между 3 и 8% для большинства промышленных стран, а в некоторых странах с переходной экономикой достигал 10%.

Турбулентность, вызванная быстрой сменой и коротким жизненным циклом новых компаний, вскоре сошла на нет. К концу девяностых данные по количеству компаний приблизились к показателям по другим странам. На рис. 1–3 отражены тенденции к установлению

ПРИМЕЧАНИЕ. Расчеты относятся к деловому сектору в целом. Суммарное значение рассчитано как отношение созданных и закрытых компаний к общему числу компаний на рынке. Показатель изменений – новые компании минус компании, ушедшие с рынка в отношении к общему числу компаний.

ИСТОЧНИК: Bartelsman, Haltiwanger, Scarpetta, 2004.

РИСУНОК 1 – 3.

Суммарное и чистое соотношение между открытием и закрытием компаний в экономических системах переходного характера

более сбалансированного соотношения между выходами на рынок и уходами с него. Пунктирные линии стремятся к нулевой отметке, то есть взвешенные по числу работников показатели рыночного входа и выхода уравновешивают друг друга.

Потребовалось несколько лет, чтобы преодолеть худший период деструктивной стороны шумпетеровского процесса. Экономике постсоциалистических стран начали расти с большей эффективностью, да и структура производства стала куда более современной. Но тут экономику ждало новое потрясение извне – влияние глобальной рецессии. Население Восточной Европы пере-

живает сейчас вторую болезненную рецессию. Нетрудно понять, почему сегодня слово «капитализм» не вызывает у жителей постсоциалистических стран положительной реакции.

Сейчас еще слишком рано задавать вопрос, принесет ли нынешняя рецессия, помимо потрясений и страданий, очистительное воздействие в шумпетеровском смысле. Расчистит ли разрушение путь к созиданию в постсоциалистическом регионе? Для ответа потребуется не менее десяти лет. Отдельное обширное исследование необходимо и для того, чтобы проанализировать влияние описанных выше позитивных процессов на экономическую политику. В рамках данной работы я лишь обозначаю возможные стратегии и дилеммы, связанные с выбором того или иного варианта.

1. Принятие базовой шумпетеровской теории созидательного разрушения не означает, будто мы автоматически одобряем все до одного проявления разрушения. Если слепые силы рынка ведут к уходу компании с рынка, некоторые организации (центральные или местные власти, финансовый сектор или другие учреждения) могут взять на себя спасение данной компании. Здесь мы оказываемся в центре огромного количества теоретических и практических проблем, рассматриваемых в литературе в контексте мягких бюджетных ограничений и моральных рисков. К этому вопросу я не раз обращался и в своих работах (Kornai, Maskin, Roland, 2004; Kornai, 2010b). На данном этапе добавлю лишь одно замечание: шумпетеровский инновационный процесс сопровождается явным ускорением роста именно в тех секторах и подсекторах, которые считаются самыми многообещающими и «модными» (вспомним массовый приход на рынок так называемых доткомов и их бурный рост). У этого процесса неизбежно возникают две стороны: для нескольких очень успешных предприятий требуется очень много проектов, и в то же время их запускается слишком много. Но затем происходит естественный отбор, и мы не можем бороться за выживание каждого отдельного вида, обреченного на исчезновение. Те, кто определяет

экономическую политику, могут предъявлять серьезные аргументы по спасению каких-либо компаний, ссылаясь, к примеру, на необходимость защиты экономики в целом, от серьезных долгосрочных макроэкономических потрясений, которые могут быть вызваны слишком большим количеством закрывающихся компаний и предприятий. Тем не менее следует тщательно рассматривать имеющиеся контраргументы.

2. Продолжаются споры о причинах современной рецессии. Известный ход мысли отсылает к беспечной политике со стороны финансового сектора в отношении выдачи кредитов и призывает к установлению более строгих, консервативных правил кредитования в будущем. Я не отрицаю подобных рассуждений, но обязан предупредить: инновационный процесс по Шумпетеру требует относительно свободного доступа к капиталам для осуществления рискованных проектов, которые могут потерпеть неудачу, но при удачном раскладе могут привести к фантастическим достижениям в сфере технического прогресса (см. условия Г и Д в обзоре условий, необходимых для обеспечения шумпетеровского инновационного процесса). Общее настроение момента требует осторожности, более продуманного ухода от рисков, нежели до рецессии. Согласен, мы должны стать осторожнее, но было бы роковой ошибкой слепо переходить к крайне консервативным методам. Следует тщательно дифференцировать критерии выдачи кредитов, чтобы оставить возможность для финансирования рискованных, но многообещающих проектов.

3. Мы слышим громкие призывы к регулированию и предостережения против слишком свободных рыночных сил. До определенной степени эти предупреждения обоснованны, но может случиться, что за ними последуют чрезмерное регулирование, возникновение бюрократических препятствий для создания новых предприятий, и это, в свою очередь, может привести к снижению предпринимательского энтузиазма. На бывшем социалистическом пространстве еще остается немало стран, где

создатель нового дела по-прежнему вынужден преодолевать целый ряд серьезных препятствий (см. Отчет Всемирного банка: *Doing Business*, 2009). Разработчики экономической стратегии должны избежать обеих ошибок: не заходить слишком далеко с либерализацией экономики и в то же время не вводить слишком жесткое (и/или неверно ориентированное) регулирование.

4. Общественное мнение недовольно непомерно растущими доходами многих предпринимателей и руководителей компаний. Раздаются призывы принять меры против этого явления на практике. Хотя гнев этот вполне обоснован с точки зрения морали и психологически понятен, требуется одно (непопулярное) замечание. Одно из условий шумпетеровского инновационного процесса (условие Б в нашем обзоре) – перспектива огромного вознаграждения для будущих новаторов. Речь идет не просто о большой, но о гигантской сумме. Только это может заставить авторов будущих инноваций идти на серьезный риск. Не будем забывать, что в данном контексте именоваться «новаторами» могут и должны не только первопроходцы-изобретатели, сумевшие представить революционные изобретения, но и предприниматели, достаточно быстро отследившие новые технологии (дома или за рубежом). Однако трудно представить себе честных и компетентных судей, которые могли бы провести черту между заслуженным и незаслуженным большим вознаграждением. Лично я не готов предложить подходящую процедуру, но хочу лишь обратить внимание на два (взаимно противоречащих) аспекта сверхвысоких доходов в сфере бизнеса.

Отражение исторической действительности в сознании людей

3.1. БАЗОВОЕ ЯВЛЕНИЕ — ОТСУТСТВИЕ ПОНИМАНИЯ

Немного ранее я обрисовал *историческую реальность* взаимного влияния грандиозной трансформации (то есть смены систем) и технического прогресса. Допуская наличие ошибок в моем изложении, уверен, что в целом оно вполне соответствует действительности, поскольку я опирался на достаточное количество объективных фактов.

Следует разделять описание исторической реальности и то, как эта реальность отражается в сознании людей. У разных людей процесс рефлексии происходит по-разному. Каждый конкретный человек по-своему видит, понимает и оценивает реальность, описанную в предыдущих разделах, исходя из собственного социального статуса, образования, личной истории и характера.

Первый вопрос, который мы должны рассмотреть, касается оценки технического прогресса. Действительно ли прошлые и будущие изобретения, инновации, новые продукты и технологии воспринимаются как движение вперед, или же люди считают их вредными или опасными? Данный вопрос фигурировал в ряде международных опросов; табл. 9 и 10 позволяют ознакомиться с любопытными результатами. В отношении пользы и вреда от технического прогресса две трети респондентов из Польши и Венгрии считают, что положительный эффект сильнее отрицательного. С этой точки зрения в упомянутых двух постсоциалистических странах идею технического прогресса поддерживает больший процент населения, нежели в Австрии, Финляндии, Италии, Испании и пост-

социалистической Чехии. Когда речь заходит о будущем, в поддержку технического развития высказывается еще больший процент респондентов (см. пятый столбец в табл. I–9 и первый столбец в табл. I–10).

Второй вопрос связан не с оценкой, а с причинно-следственными связями. Начну с рискованного утверждения. Большинство жителей в странах бывшего социалистического лагеря не понимают фундаментальных причинно-следственных отношений между капитализмом и техническим прогрессом. Несмотря на то что нововведения последних 50–100 лет – революционные изменения в сфере информационных и коммуникационных технологий, бесповоротно изменившие жизнь каждого человека в отдельности, и люди в большинстве своем наслаждаются преимуществами быстрых технологических перемен, мало кто относит эти перемены на счет капитализма¹. Напротив, значительная часть людей настроена против капитализма с умеренной, а то и с изрядной долей агрессии, и при этом продолжает пользоваться мобильными телефонами, Интернетом, штрихкодами в супермаркетах, пластмассами и синтетическими волокнами, современными бытовыми приборами, копировальными аппаратами и т. д., не признавая, что все эти предметы и технологии – продукт деятельности ненавистной капиталистической системы.

Утверждение мое – лишь *предположение*, гипотеза. К сожалению, я не могу привести результатов ни одного опроса общественного мнения или ценностного опроса, который поддерживал, уточнял или опровергал бы мои догадки. С помощью моего ассистента Даниэля Роны мы попытались тщательно изучить самые известные международные опросы². Выяснилось, что при наличии сотен

-
1. Излагая историю о дефиците телефонных линий при социализме и сверхпредложении в этом секторе после 1989 года, я подчеркнул, что *благодарен* капитализму за это изменение, коснувшееся моей частной жизни. Возможно, подобные чувства испытываю не я один, но боюсь, нас таких меньшинство.
 2. Мы обратились к самым известным международным социологическим опросам в поисках близкого по смыслу вопроса, но не

ТАБЛИЦА 1–9.
Оценка технического прогресса

	Австрия	Финляндия	Италия	Испания	Чехия	Польша	Венгрия
Прогресс в науке и технике позволит лечить такие болезни, как СПИД, рак и т. д.	82	89	82	79	85	89	94
Благодаря науке и технике перед будущими поколениями откроются более широкие перспективы	71	77	73	66	74	93	81
Благодаря науке и технике наша жизнь станет более здоровой, легкой и удобной	71	77	76	73	70	83	79
Наука и техника помогут избавиться от бедности и голода во всем мире	33	21	50	37	35	45	34
Польза от науки перевешивает возможные негативные последствия ее развития	48	50	57	57	44	65	63

ПРИМЕЧАНИЕ. Участникам задавали вопрос: «Согласны ли вы со следующими утверждениями?» В таблице отражен процент положительных ответов в процентах к числу всех респондентов.

ИСТОЧНИК: Eurobarometer, 2005.

более или менее связанных с нашей темой вопросов никто ни разу не спросил респондентов: «Что вы думаете о и как оцениваете взаимодействие системы в целом (капитализма, социализма, перехода от социализма к капитализму) и технического прогресса?»

До тех пор пока мы не получим убедительных данных, позволяющих понять, что происходит в людских умах в связи с данной проблемой, я буду придерживаться своей гипотезы. Если будущие опросы опровергнут мои предположения, я, естественно, готов пересмотреть

нашли ничего. Автор готов предоставить результаты данных опросов, источники и библиографию.

ТАБЛИЦА 1–10.
Ожидания, связанные с новыми технологиями, %

Ожидания	Е U-15	Е U-10	Великобритания	Германия	Польша	Венгрия	Румыния
Качество жизни будущих поколений улучшится	47	72	82	75	91	82	83
Солнечная энергия	90	84	91	95	89	87	78
Компьютеры и вычислительная техника	85	87	92	89	92	87	86
Биотехнологии и генные технологии	63	64	65	65	63	74	65
Интернет	77	81	81	75	86	78	82
Мобильная телефония	67	70	61	57	80	67	75
Альтернативные источники энергии на транспорте	90	86	90	92	88	81	84
Воздушное сообщение	79	79	80	72	88	75	85

ПРИМЕЧАНИЕ. Респонденты отвечали на вопрос: «Как вам кажется, влияние перечисленных технологий будет положительным, отрицательным или нейтральным?» В таблице отражен процент только положительных ответов.

ИСТОЧНИК: Eurobarometer, 2005.

их или отказаться от них. Но отсутствие подобных исследований странным образом, опосредованно подкрепляет мои догадки. Если профессиональные социологи абсолютно игнорируют данный круг вопросов, изучая изменения в обществе и взгляды людей в контексте этих изменений, чего же мы можем ожидать от обычных граждан? Подобная ситуация — однозначное доказательство интеллектуального равнодушия к попытке разобраться в связях между политической и экономической сферами и ускорением технического прогресса.

Процессы в обществе в совокупности формируют общественное мнение. В этом участвуют все: родители,

воспитатели в детском саду, учителя в начальной школе, соседи дома и коллеги на работе. Поделюсь своими соображениями насчет профессиональных групп, которые несут особую ответственность за формирование общественного мнения.

3.2. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЭКОНОМИСТОВ

Чему мы учим студентов? Большинство представителей нашей профессии признают увлекательное и важное новое течение в теории роста, инспирированное в значительной степени идеями Шумпетера (Grossman, Helpman, 1991; Aghion, Howitt, 1998). Как правило, признание сводится к вежливой сноске, без попытки глубже понять доминирующую тенденцию современной экономической мысли. Объясняя достоинства капитализма, выдающиеся экономисты (Baumol, Litan, Schramm, 2007; Phelps, 2008) придают большое значение предпринимательству. Представители австрийской школы (см., к примеру: Kirzner, 1985) никогда не упускают шанс обратить внимание на инновационную природу спонтанных рыночных сил. Экономисты, специализирующиеся на изучении социалистических и постсоциалистических экономических систем, указывают на тесную причинно-следственную связь между особыми свойствами системы и характеристиками технического развития (отличный пример: Balcerowicz, 1995). Вопреки всему эти ценные идеи не находят должного отражения в учебных материалах курсов по микроэкономике и не становятся органической частью мировоззрения для молодых экономистов.

Существует простой, но убедительный тест: проверим самые авторитетные вводные учебники. Возьмем, к примеру, учебник Грегори Мэнкью (Mankiw, 2001) — одно из самых популярных пособий в США, переведенное на многие языки мира. В Венгрии его также используют в качестве учебника. Это настоящий шедевр дидактики, где все изложено понятно; основные темы интересно проиллюстрированы. И при этом — ни одного слова о шумпетеровском инновационном процессе! В именном указателе — несколько десятков авторов, но Шумпе-

тера там тоже нет. Факторам роста производительности и ускорению технического прогресса посвящено лишь несколько сухих абзацев, что отнюдь не компенсирует отсутствие яркого описания инновационного процесса и основательного объяснения динамики развития капитализма³.

Добавлю еще несколько оговорок. Уверен, существуют и приятные исключения. Выше я перечислил имена замечательных экономистов, которые прекрасно осведомлены о роли частного предпринимательства и шумпетеровском подходе. Когда эти ученые (и многие другие специалисты, разделяющие аналогичные взгляды на капиталистическую экономику) преподают микроэкономику, они явно не оставляют без внимания объяснение инновационных процессов и роль капиталистической системы в возникновении революционных инноваций.

Набор из двенадцати учебников, конечно, не является репрезентативным. Анализ достаточного для полноценных выводов количества пособий выходит за рамки данного исследования. Но до тех пор пока не увижу убедительных контрдоводов, продолжаю придерживаться гипотезы, согласно которой большая (возможно, доминирующая) часть высшего экономического образования недостаточно полно представляет студентам эту важнейшую системную характеристику капитализма.

Так называемую мейнстримную экономику часто обвиняют в том, что она рекламирует приятные стороны капитализма. Если это действительно так, то она плохо справляется со своей задачей в деле обучения студентов, ведь одно из самых важных достоинств системы — склонность к неуправляемым инновациям — не удостоивается даже упоминания.

Главным показателем при разговоре об измерении роста все считают ВВП. Замечательно, что экономистам

3. Моя ассистентка Юдит Херкец помогла мне проверить еще одиннадцать популярных учебников, по которым преподают экономику в США и Европе, а также в Венгрии и других постсоциалистических странах. Все сказанное о книге Мэнкью можно отнести и к данным пособиям. Со списком книг можно ознакомиться у автора.

и специалистам в области статистики удалось вывести рабочее определение и универсальную методологию измерения ВВП, принятые во всем мире. Однако это важное достижение порождает определенную небрежность, когда дело доходит до оценки успехов и неудач в процессе развития. Слишком большая доля внимания сосредоточена на показателях роста ВВП. Иногда рассматриваются и некоторые другие показатели: инфляция, бюджетные расходы, текущий баланс, индикаторы неравенства. При этом не существует показателей для измерения успехов и провалов в сфере технического прогресса (в том смысле, как мы рассматриваем это явление в данной работе) или для оценки ускорения либо замедления прогресса, которые были бы приняты в широких кругах и регулярно отслеживались. Постсоциалистические государства Центральной и Восточной Европы достигли уровня ВВП, равного уровню до 1990 года, примерно в 1994–2000 годах, страны – правопреемницы СССР добрались до него еще позже, а некоторые – до сих пор находятся на подступах. Это так, но для большей части населения жизнь тем временем совершенно изменилась. В рамках данного исследования я не упомянул, как эти изменения сказались на политических режимах, распределении собственности и социальной мобильности, зато подчеркнул, к каким важным переменам в жизни людей привело ускоренное внедрение в жизнь новых продуктов и технологий, созданных в процессе инноваций. Мы жалуемся на серьезные проблемы, объяснимые по-прежнему низким уровнем ВВП, но значительная часть населения уже связана с остальным обществом посредством телефона и Интернета, куда большее число людей владеет автомобилями, пользуется современной бытовой техникой и такими новыми продуктами, которые прежде были доступны лишь жителям Запада. Следует разработать соответствующие индикаторы и методы измерения, чтобы получить более точные представления о влиянии технического прогресса на повседневную жизнь.

Экономисты и те, кто занимается экономической статистикой, хорошо знают о необходимости дополнить ВВП другими показателями, способными отразить и дру-

гие аспекты благосостояния и развития. Возникают новые важные инициативы по совершенствованию измерения роста, они дополняют данные по валовому объему продукции различными показателями в области здравоохранения, образования, распределения доходов и т. д.⁴. Меня беспокоит, что аспект, на важность которого я пытаюсь указать в своей работе, а именно — влияние технического прогресса на образ жизни, вновь может остаться за пределами реформ в области статистики и ему не будет уделено должного внимания.

3.3. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИКОВ

Все, сказанное выше в связи с экономической политикой, очевидно можно отнести и к политике как таковой. Однако я бы хотел сейчас остановиться на другой стороне политической деятельности. Политические лидеры, помимо всего прочего, выступают как просветители своего народа, их слова служат ориентиром для граждан.

Вместе с Тибором Месманном и благодаря помощи коллег, живущих за пределами Венгрии, мы ознакомились с текстами публичных речей глав следующих государств: Болгарии, Хорватии, Чехии, Венгрии, Польши, Сербии, Словакии и Словении. Для каждой страны мы отбирали выступления или письменные заявления, составленные от имени главы государства или премьер-министра и лидера (лидеров) самых влиятельных оппозиционных партий. Мы старались отбирать тексты, в которых содержались бы общие обзоры успехов и неудач эти стран (по образцу докладов о положении дел в стране, которые президент США представляет конгрессу). Как правило, такие речи зачитываются по случаю национальных праздников или иных важных событий. Большинство

4. Президент Франции пригласил группу экономистов и статистиков под председательством Джозефа Стиглица, Амартии Сена и Жана-Поля Фитусси для разработки новых предложений по совершенствованию методики измерения роста и развития. На данном этапе группа распространила первый вариант отчета (Stiglitz, Sen, Fitoussi, 2009).

проанализированных текстов были обнародованы в течение первых восьми месяцев 2009 года. В отдельных случаях нам удалось отыскать речи с празднований двадцатилетия событий 1989 года с общей оценкой постсоциалистического перехода⁵. Резюмировать полученные результаты оказалось несложно. Ни в одном из 53 выступлений и политических заявлений авторы не указывали на причинно-следственную связь между капитализмом и научно-техническим прогрессом и не говорили о том, какое влияние оказывает этот прогресс на жизнь людей. Никто не сослался на это положительное свойство капитализма, чтобы убедить народ в том, что переход от социализма к капитализму приближает их к миру инноваций, модернизации и динамизма.

Отдельные политические лидеры упомянули таки о техническом прогрессе. Большинство положительно отзывалось о капиталистической системе, однако и в этих речах мы не обнаружили убедительной аргументации по заявленной теме. Выборки из 53 выступлений достаточно, чтобы заявить: полученный результат огорчил и разочаровал нас. Ведь мы обратились к высказываниям представителей политической элиты, восточноевропейского истеблишмента, а не к выступлениям радикальных противников капитализма, выразителям крайне левых или крайне правых идей. Лидеры, о которых шла речь, либо являются членами правительства, либо состоят в оппозиции, но явно сочувствуют идеям капитализма — и при всем этом упускают ценнейший довод в пользу капиталистической системы.

Следует добавить, что мало кто из этих политиков готов отстаивать капиталистические принципы. Стало привычным (среди представителей как левых, так и правых партий) подчеркивать темные стороны системы и выступать против нее.

Безусловно, стоило бы проанализировать еще больше политический речей и письменных заявлений. Я с радо-

5. Автор готов предоставить проанализированные материалы заинтересованным читателям.

стью приму любые сведения в качестве контраргументов; например, такие тексты, где бы политики подчеркивали роль капитализма в стимулировании инноваций и указывали на ускорение технического прогресса как на одно из достижений переходного периода. Но до тех пор пока меня не опровергли, я продолжаю придерживаться прежнего утверждения: все политики, независимо от того, какое место они занимают в политической иерархии, несут серьезную ответственность за нежелание объяснять причинно-следственную цепочку: капитализм → инновации → изменение образа жизни. Понимание этой жизненно важной связи могло бы стать действенным противоядием в борьбе с антикапиталистическими умонастроениями — и наши политические лидеры не готовы снабдить нас этим противоядием.

Пренебрежение доводами, конечно, не такой уж великий грех. Куда больше меня возмущает популистская антикапиталистическая риторика; при этом сами демагоги со спокойной душой пользуются изобретениями и инновациями, внедренными при капитализме. Отвратительно наблюдать, как политические активисты собирают людей на масштабные акции с антикапиталистическим уклоном, задействуя для этого компьютеры, мобильные телефоны, каналы связи, обеспечиваемые спутниками и оптоволоконным кабелем. Это происходит в постсоциалистическом регионе: политические деятели, отрицающие сам факт смены систем, выкладывают свои популистские, антикапиталистические лозунги в интернет-блогах, произносят пламенные речи на мобильные устройства и общаются между собой по мобильным телефонам, без зазрения совести пользуясь техническими достижениями ненавистного капитализма.

3.4. ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ (INTERCONNECTIVITY) И ДЕМОКРАТИЯ

Нам практически ничего не известно о том, как люди *понимают* и *оценивают* причинно-следственную цепочку: капитализм → инновации → изменение образа жизни. Мы можем составить некоторое представление о дей-

ствии этой связи в обратном направлении, то есть о том, каким образом технический прогресс (точнее, прогресс в секторе информационно-коммуникационных технологий) влияет на политические взгляды жителей постсоциалистического пространства. В табл. I–II представлены обобщенные результаты опросов респондентов из стран Центральной и Восточной Европы на предмет отношения к демократии, капитализму и прежней социалистической системе. Участники опроса разделены на две группы: интернет-пользователи и те, кто Интернетом не пользуется. Разброс ответов впечатляет⁶. Люди, связанные с миром современных информационных технологий, с большей симпатией отзываются о демократии и капитализме и критически относятся к прежнему режиму, и это вселяет надежду. Пользователи сети меньше подвержены ностальгии по старым социалистическим порядкам – на фоне общего усиления подобных настроений, особенно с наступлением последнего экономического кризиса.

Приведенные эмпирические данные совершенно согласуются с результатами, полученными в ходе исследований взаимосвязанности (*interconnectivity*). Смысл этого термина интуитивно понятен: люди связаны друг с другом посредством различных технических инструментов и процессов. Особенно важную роль с этой точки зрения играет электронная почта. Чем больше людей могут посылать электронные письма другим людям, тем плотнее сеть связей. Данное явление однозначно поддается наблюдениям и измерениям.

Здесь я опираюсь на увлекательное исследование Кристофера Кедзи (Kedzie, 1997a), где автор измеряет «взаимосвязанность» при помощи метрического аппарата. Не будучи экспертом в данной области, я не могу оценить, является ли метрическая мера, использованная Кедзи оптимальной для этих целей. Принимая его

6. Здесь мы сталкиваемся с вопросом, который непосредственно связан с нашей темой: влияет ли появление высокотехнологичных средств коммуникации на дальнейшее расслоение общества? Ответ на этот вопрос лежит за рамками данного исследования.

ТАБЛИЦА 1-11

Страна	Интернет-пользователи		Те, кто не пользуется Интернетом	
	Среднее арифметическое	Процент	Среднее арифметическое	Процент
УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ДЕМОКРАТИЕЙ^а				
Центральная и Восточная Европа	2,6	30	2,8	70
Чехия	2,5	42	2,8	57
Польша	2,7	34	2,9	66
Венгрия*	2,2	23	2,4	77
Россия	3,0	14	3,1	86
Словения	2,2	57	2,1	43
ОЦЕНКА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ^б				
Центральная и Восточная Европа	1,9	30	0,4	70
Чехия	2,5	42	0,7	58
Польша	1,1	34	- 0,9	66
Венгрия*	0,7	23	- 0,5	77
Россия	0,9	14	- 0,8	86
Словения	1,6	57	0,7	43
ОЦЕНКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ^с				
Центральная и Восточная Европа	1,1	30	3,7	70
Чехия	- 2,6	42	0,6	58
Польша	- 0,4	34	3,4	66
Венгрия*	0,2	23	3,0	77
Россия	1,6	14	4,4	86
Словения	3,0	57	4,0	43

ПРИМЕЧАНИЕ. Респонденты отвечали на вопросы: ^а «Насколько вы удовлетворены тем, как работает демократия?» Ответы давались по шкале в 4 балла: 1 = полностью удовлетворен(а); 2 = удовлетворен(а) до некоторой степени; 3 = не очень удовлетворен(а); 4 = совершенно не удо-

выбор с оговорками, считаю достойными упоминания главные выводы исследования. Кедзи проанализировал корреляцию между «демократией» и «взаимосвязанностью». Выяснилось, что данная корреляция составляет 0,73, что выше корреляции между демократией и ВВП на душу населения (0,57). Более свежая работа по аналогичной теме (Frisch, 2003) поддерживает выводы Кедзи. Надеюсь, работы в этом многообещающем направлении будут продолжены.

Позволю себе вернуться к собственному замечанию относительно роли современных информационно-коммуникационных технологий в разрушении монолита, которым казалась нам власть коммунистической партии и официальной марксистско-ленинской идеологии. Я рассматривал события, которые произошли двадцать лет назад в Советском Союзе и социалистических странах Центральной и Восточной Европы. Однако проблема отнюдь не утратила своей актуальности. Есть две маленькие страны — Куба и Северная Корея, где мало что изменилось в экономике, а власть по-прежнему находится в железных руках коммунистических диктаторов. Помимо этого, есть две большие страны, где были проведены серьезные реформы и экономике было позволено сдвинуться в сторону капитализма — притом, что политическая структура практически не изменилась, сохранив диктатуру одной партии. Как повлияют на эти страны современные информационные технологии? Китай и Вьетнам активно пользуются всеми революционными

влетворен(а). ^b «Насколько вас устраивает капиталистическая система?» Ответы давались по шкале в 21 балл: от -10 = совершенно не устраивает; 2 = нейтральное отношение; +10 = полностью устраивает. ^c «Насколько вас устраивает социалистическая система?» Ответы давались по шкале в 21 балл: от -10 = совершенно не устраивает; 2 = нейтральное отношение; +10 = полностью устраивает. В таблице отражено среднее арифметическое (невзвешенное).

* У меня есть сомнения относительно данных по интернет-пользователям в Венгрии. По сравнению с остальными статистическими данными, они кажутся слишком низкими. — Я. К.

ИСТОЧНИК: Rose, 2004.

достижениями в области науки и техники и в то же время страшатся последствий. Руководство этих стран пытается решить две взаимоисключающие задачи: извлечь максимальную пользу из технического прогресса и максимально защитить свою монополию на власть, что в результате ведет к колебаниям, движению вперед-назад, раздвоению.

Еще одна проблема, требующая анализа, — перспективы: как будут соотноситься в будущем взрывы инноваций и уровень жизни? Когда я пребываю в пессимистическом настроении, перед глазами разыгрываются мрачные сценарии. Даже не обладая особым даром прорицания, легко предвидеть, каким образом технические достижения могут быть обращены во зло. Я прочел немало отчетов о попытках китайского правительства применить политическую цензуру в Интернете, блокировать трансляцию отдельных телеканалов или закрыть откровенно критические блоги⁷. Учитывая тот факт, что все большая часть компьютеров, которыми пользуются в Китае, там же и производится, не так уж сложно встроить в операционную систему программное обеспечение с цензурными функциями, а управлять такими системами можно будет централизованно. К сожалению, крупные западные корпорации готовы сотрудничать с властями в их стремлении ввести политическую цензуру, боясь упустить гигантский китайский рынок.

Шестьдесят лет назад, когда Оруэлл писал роман «1984» (Orwell, 1989), Большой Брат еще не располагал оборудованием, которое придумал автор романа. Сегодня не возникло бы никаких технических препятствий при установке камер и прослушивающих устройств в каждой квартире и каждом офисе. Представим себе будущего Сталина с новейшими гаджетами, приборами наблюдения и средствами телекоммуникации, разработанными для тотальной слежки за гражданами!

7. См. статьи Чао и Тиммера (Chao, 2009; Timmer, 2009) о политической цензуре в Китае. См. также статьи о цензуре в Интернете в Википедии (2009b).

В те дни, когда я настроен более оптимистично, кошмары будущего оставляют меня и я начинаю надеяться, что современные технологии снова и снова будут вести к децентрализации — какие бы усилия не прилагали диктаторские режимы для поддержания или усиления централизации. Если они изобретут новый способ блокировать информацию, найдутся сотни и тысячи скорых на выдумку компьютерных пользователей, способных преодолеть блокады и барьеры⁸.

8. В предыдущей сноске я сослался на статью Тиммера (2009), опубликованную в Интернете. Редактор просил читателей прокомментировать ее; вот первый комментарий: «И что может помешать китайцам переформатировать свои жесткие диски и установить пиратские версии Windows?»

Заключение

В своей работе я охватил целый ряд тем и не собирался ограничиваться одним или двумя вопросами. На разноцветной карте исследований в области сравнительной экономики и постсоциалистической «транзитологии» зияет огромное белое пространство. Моя задача состояла в том, чтобы представить общий обзор этого пространства.

Из многочисленных ценных источников я упомянул здесь лишь несколько. По каждой из затронутых мною тем можно подобрать обширный круг литературы, но, увы, все эти исследования мало связаны между собой. Ключевое понятие и технический инструмент современных коммуникаций — гиперссылка (выделенный синим цветом фрагмент HTML-документа, указывающий на другой файл и содержащий путь (URL) к нему). Именно таких гиперссылок здесь и не хватает: в литературе об изменениях, происходящих в постсоциалистическом регионе, нет связи между работами, посвященными политике, экономике, настроениям в обществе, технологиям или сфере коммуникаций. Я бы рекомендовал создать такую сеть гиперссылок — тогда исследователь каждой из этих областей в отдельности смог бы обрести новые важные знания, посмотреть на них под неожиданным углом. По объективным причинам, я не мог расставить рабочие ссылки в тексте, но по крайней мере попытался простимулировать воображение читателя и подсказать, куда бы можно было их вставить. Моя цель — не подробно описать и проанализировать ту или иную связь, но обратить внимание на совокупность взаимосвязей.

Наберется с десятков тем, заслуживающих глубокой работы, эмпирических наблюдений и теоретического

анализа, а я лишь упомянул о них либо вовсе проигнорировал. Исследование связи технического прогресса и общества ведется в многомерном пространстве. Темы, на которых я остановился в данной работе, располагаются в подпространстве, и я отдаю себе отчет в том, что существуют измерения и за пределами этого подпространства¹.

Был бы я помоложе, у меня достало бы сил и энергии на подробное исследование этого белого пространства. Это же настоящий интеллектуальный вызов для ученого — увлекательная и захватывающая тема! Надеюсь, мой труд вдохновит тех, кто осмелится вступить на эту не распаханную территорию. Как бы то ни было, я лично собираюсь продолжить работу по изучению взаимодействия между изменениями в политической и экономической сфере и техническим прогрессом.

-
1. Перечислю ряд направлений, не нашедших отражения в данной работе. 1) Как влияют новые технологии в сфере информации и коммуникаций на отношения между личностями, социальными группами, городами, странами и государствами? Чего можно ожидать от взаимодействия высоких технологий в информационно-коммуникационной сфере, с одной стороны, и национального государства и глобализации — с другой? (Castells, 1996–1998; Nyíri, 2004; Webster et al., 2004). 2) Будущее капитализма. Приведет ли новая эпоха в области информационных технологий к радикальным изменениям базовых характеристик капитализма? Или же возникнет новая система, которую уже нельзя будет назвать капитализмом? (Двое венгерских экономистов, Каталин Сабо и Балаж Хамори написали любопытную книгу с подзаголовком «Цифровой капитализм, или Новая экономическая система (Szabó, Hámosi, 2006; см. также: Haug, 2003)). 3) Каким образом революционные изменения в области информационных и коммуникационных технологий влияют на практику ведения бизнеса, особенно в финансовом секторе? 4) Как влияет новая информационная эпоха на права собственности, в особенности применительно к интеллектуальной собственности? 5) Открывается еще одно направление для дальнейших изысканий, которое серьезно отличается от предыдущих; мы можем заново осмыслить наши теории истории человечества на более отвлеченном философском уровне. Какое влияние оказывают изменения в технологии производства и взаимодействии людей на общественные институты и функции правительства?

Часть II
Экономика дефицита —
экономика избытка

К вопросу о теории рынка

Введение

ОБЩИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Если войти в Википедию в раздел Shortage Economy¹ (2010), то в самом начале можно увидеть фотографию: Польша, 1980-е годы, покупатели стоят в очереди перед продовольственным магазином² — все полки абсолютно пустые. Сегодняшний посетитель польского гастронома увидит полки, ломящиеся от разнообразных и ярких упаковок — товаров домашнего и иностранного производства.

Данный текст — новая, переработанная и дополненная версия статьи, опубликованной в журнале «Экономическое обозрение» (Kognai, 2010a). Благодарю многочисленных коллег за поддержку в процессе исследований, ставших основой данной работы. Особенно хотелось бы отметить вклад Аттилы Чикана и Жолта Матюша, оказавших разностороннюю помощь в сборе данных и прояснении отдельных вопросов. Спасибо Даниэлю Бруксу, Жуже Даниэль, Яношу Гачу, Доре Дерфи, Марии Лацко, Аладару Мадарасу, Жолту Матюшу, Агнеш Надь, Еве Палоц, Андрашу Прекопе, Ричарду Куандту, Андрашу Шимоновичу, Домокошу Сасу, Яношу Иштвану Тоту и Мердаду Вохаби за ценные и полезные рекомендации. Я высоко ценю самоотверженную и внимательную работу по сбору информации, подбору литературы и редакции текста, которую провели мои непосредственные коллеги — Рита Фанчовиц, Илдико Мадяри, Андреа Ремени и Каталин Сечи. Благодарен Коллегиуму Будапешт за творческую атмосферу и действенную практическую помощь в преодолении трудностей, связанных с осуществлением моего предприятия.

1. Статья «Экономика дефицита» в русскоязычной версии Википедии отсутствует, а раздел «Дефицитная экономика» описывает совершенно иное явление, не связанное с термином, введенным Яношем Корнаи. — *Прим. пер.*
2. См.: Wikipedia, 2010.

В 1999 году мне довелось побывать в Китае по случаю второго издания китайского перевода моей книги «Дефицит» (A hiány, 1980; на английском и китайском книга вышла под названием «Экономика дефицита»). Сопровождающие — редакторы и студенты, хорошо знакомые с моей работой, водили меня по универсамам и продовольственным рынкам. Один из коллег сказал: «Пора писать новую книгу: на смену экономике дефицита пришла экономика избытка».

На книгу меня не хватит, но попытаюсь обрисовать ряд основных положений экономики избытка в рамках экономической науки. Ключевую мысль исследования можно сформулировать следующим образом: характерная особенность социалистической системы — экономика дефицита, для капиталистической системы характерна экономика избытка³.

По Шумпетеру, исследование начинается с «доаналитического когнитивного акта» — он поставляет «сырье» для аналитики. Шумпетер называет это «видением, предвосхищением» (*vision*). Под его влиянием вещи видятся в новом свете (Schumpeter, 1954). Я убежден, что чувство, с которым экономист социалистической экономики дефицита взирает на изобильное предложение капиталистического рынка, содержит в себе это доаналитическое видение. Такое впечатление представляется мне важным. Именно сравнивая капитализм с другой системой, в определенном смысле противоположной ему, я могу увидеть в нем то, что живущие в условиях капитализма коллеги не замечают, будучи не в состоянии вырваться за пределы привычного мировоззрения.

3. Я долго мучился с названием. Наряду с венгерским *többlet* английский аналог *surplus* (в русском ближе всего *избыток*, оно же в русскоязычном экономическом дискурсе чаще всего выступает антонимом слова *дефицит*, в отличие от стилистически окрашенного *излишек*, *излишества* или совсем уж далеких *перепроизводства* и т.д. — Прим. пер.) рассматривались такие понятия, как *bőség* (*plenty*) — *изобилие*, *telítettség* (*glut*) — *наполненность*, *насыщение* и др. Тем не менее именно *избыток* более всего подходит для обозначения описываемого явления.

Когда я обсуждаю эту тему с представителями мейн-стримной экономики, они, как правило, соглашаются лишь наполовину. Их легко убедить в том, что социалистическая система есть экономика дефицита. Но почему нужно называть капиталистическую систему экономикой избытка? Действительно, магазины и склады предприятий предлагают обширный ассортимент, на производстве присутствует резерв мощности, но всего ровно столько, сколько нужно. Производитель производит определенный объем продукции, продавец держит определенный запас товара, потому что именно столько нужно для поддержания рыночного равновесия. Социалистическая экономика, в отличие от капиталистической, не находится в состоянии равновесия. Случаются, конечно, флуктуации (сейчас как раз отклонение довольно велико), однако долгосрочная тенденция состоит в стремлении к равновесию.

Значит ли это, что мы спорим лишь о названии? То, что привычно называют рыночным равновесием, я обозначил как экономику избытка — и в чем тогда разница? Если бы дело обстояло настолько просто, здесь можно было бы поставить точку — какой смысл долго спорить о названиях?

Хотя мной и моими коллегами наблюдаются одни и те же явления, мы считываем их по-разному из-за разницы восприятия. Я по сути иначе оцениваю аналогичные факты (резервы мощности, готовые к резкому скачку, заполненные склады, рабочую силу в поисках занятости). Каждый отдельно взятый производитель или продавец исходя из своих интересов точно знает, какой объем запасов или резервных мощностей ему нужен в данный момент. Но в совокупности всех предназначенных для продажи товаров и резервных мощностей больше (и значительно больше!), чем могут приобрести все покупатели, вместе взятые. Макроэкономист может заключить: занятость соответствует естественной норме. Но при этом масса людей ощущает, что их изгнали из рядов занятых, и будь они тоже вовлечены в работу, производительность общества выросла бы.

Если я прав и капиталистическая система действительно является экономикой избытка, это влечет за собой

серьезные последствия, оказывая влияние на поведение участников системы. Проясняются многие черты капитализма. В этом смысле наш анализ может содействовать более полному *позитивному* пониманию капитализма⁴.

Наряду с *позитивными* встречаются и заслуживающие внимания *нормативные* свидетельства. Когда в какой-нибудь капиталистической экономике проявляются чрезмерные мощности, резервы или предложения, мейнстримные экономисты нервничают и рассматривают это как расточительное расходование ресурсов. Я же считаю экономику избытка одним из главных достоинств капитализма — выгодным свойством, которое сопровождается рядом нежелательных побочных эффектов.

ПРОЯСНЕНИЕ ПОНЯТИЙ В ПЕРВОМ ПРИБЛИЖЕНИИ

От работы, претендующей на статус научной, читатель вправе требовать четко обозначенных определений. Подавляющее большинство экономистов не испытывает никаких затруднений с такими базовыми понятиями, как *спрос* и *предложение*. В старых изданиях классического учебника по экономике Пола Самуэльсона в качестве эпиграфа к одной из глав фигурировала фраза: «Научите попугая произносить слова „спрос“ и „предложение“, и перед вами — экономист!» (Samuelson, 1976 [1948]). К сожалению, у меня эти два понятия (и целый ряд других стандартных понятий в микроэкономике) вызывают массу вопросов, но до критического осмысления и более основательной демонстрации понятийного инструментария очередь может прийти лишь тогда, когда я уже обрисую явления, для описания которых собирался использовать эти понятия. Во введении я могу только предложить какие-то варианты, понимая, что большинство читателей пользуются привычным словарем и со-

4. Под *позитивной* можно понимать *положительную* оценку какого-либо явления. В своей работе я использую термин *позитивный* в научно-философском приложении, как антоним *нормативного* подхода для безоценочного описания и объяснения тех или иных явлений.

всем не теми понятиями, которые я хотел бы внедрить. Поэтому позволю себе изначально дать несколько определений.

То, что я называю *избытком*, более-менее соответствует принятому в традиционной экономике термину *избыточное/чрезмерное предложение*, то есть указывает на ситуации, когда предложение превышает спрос.

Экономику избытка, если бы, за неимением лучшего, я был вынужден использовать стандартную терминологию, я бы мог называть *экономикой избыточного предложения*, точно так же, как *экономику дефицита* мы могли бы окрестить *экономикой избыточного или чрезмерного спроса*. Первая описывает состояние рынка, для которого характерны явления чрезмерного предложения, вторая – ситуацию с явлениями чрезмерного спроса.

Раз уж я столько всего оговорил заранее, надеюсь, мне удалось вызвать у читателей-экономистов нужные ассоциации, и они без труда смогут следовать за моими рассуждениями. По мере разъяснения своих идей, я еще вернусь к более развернутым формулировкам предложенных концепций и проблеме определений.

ПОДХОД, ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ В РАБОТЕ: МЕСТО В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В моем тексте едва ли найдется фраза, еще не использовавшаяся в соответствующей литературе. Каждой экономической школе есть что сказать о рынке. Лучше всего устроились представители так называемой мейнстримной экономики: им не надо заботиться о концептуальных рамках или искать теоретические обоснования для анализа частных аспектов, поскольку им уже все доступно в готовом виде в учебниках и литературе по теме.

Мое исследование можно также рассматривать как вклад в полемику: по ряду вопросов я вступаю в спор с доминирующими в современной экономике представлениями и предлагаю иной подход. Увы, я не могу облегчить себе задачу и присоединиться к какой-либо из «нетрадиционных» школ, частично или полностью отрицающих традиционный подход, и банально добавить

еще один уровень к их интеллектуальным построениям или же воспользоваться их терминологией.

При этом я вовсе не ощущаю себя одиноким. Пусть я и позаимствовал у своих предшественников не весь ход рассуждений, а лишь ряд важных элементов, но по некоторым вопросам мои предложения схожи или согласуются с отдельными традиционными принципами, а в каких-то важных моментах они тесно связаны с тем или иным нетрадиционным направлением или школой. Я с удовольствием отмечу подобные заимствования и пересечения.

К написанию данной работы меня подтолкнуло несколько причин. На фоне нынешнего экономического кризиса каждый добросовестный экономист подвергает себя рефлексии. Наша задача — понять, правильными ли инструментами мы пользуемся для анализа процессов, происходящих в экономике. В моем случае есть еще и дополнительные мотивы. Более пятидесяти лет назад, работая над кандидатской диссертацией («Сверхцентрализация управления экономикой», Когнаи, 1957), я осознал, что одной из ключевых проблем социалистической экономики является дефицит. В дальнейших своих работах я не раз возвращался к вопросам дефицита, перепроизводства, равновесия и разбалансированности («Антиравновесие», «Дефицит», «Социалистическая система», Когнаи 1971, 1980, 1992 соответственно). Эта тема, похоже, преследует меня всю жизнь. Однако в этой работе я не просто возвращаюсь к давно волнующим меня темам. Сама тема не теряет актуальности, но с годами я расширил теоретические познания и приобрел практический опыт. Надеюсь, аналитический аппарат, который я развивал и оттачивал столько времени, постепенно достиг должного уровня. Хотелось бы думать, что в этот раз мне удалось более тщательно развить и углубить свои идеи, сделать формулировки более изящными, подкорректировать их, где необходимо, и детально переработать ряд нюансов.

Мои прежние изыскания были сконцентрированы на процессах, происходивших в социалистической экономике, а капитализм фигурировал, скорее, для срав-

нения, как нечто противоположное. Теперь же центр тяжести переместился: основное внимание уделяется исследованию капитализма. Таким образом, моя задача не просто развить дальше понятийный аппарат, но выйти за рамки прежних работ в отношении предмета анализа⁵. Я пытаюсь прочертить оставшуюся половину окружности, найти недостающие элементы головоломки⁶. Хотелось бы убедить себя (и, возможно, читателей) в том, что методами и инструментами, которые я применял в прежних работах, можно воспользоваться и для анализа капиталистического рынка.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР ГРАНИЦ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ И СТРУКТУРЫ

По сути, речь пойдет о капиталистической системе. К отдельным явлениям социализма я обращаюсь лишь в целях сравнения⁷.

Современный капитализм, как правило, характеризуется смешанным типом экономики: наряду с частной собственностью и сферой, управляемой рыночными механизмами, важную роль играют общественная собственность и действия, координируемые бюрократическими механизмами.

-
5. Хотя данное исследование перекликается с перечисленными работами и базируется на полученных в них результатах, я не могу заранее рассчитывать на то, что читатели знакомы с ними. Я попытался так сформулировать преамбулу, чтобы люди, никогда не читавшие мои книги, могли понять, о чем идет речь. Должен добавить, что знакомство с книгой «Социалистическая система» (Kognai, 1993) облегчит понимание этой работы (которую можно рассматривать как продолжение указанной книги).
 6. К сожалению, некоторых деталей головоломки по-прежнему не хватает. Далее я подчеркиваю, что решил не обращаться к финансовой сфере, хотя без нее полноценно объяснить функционирование рынка невозможно.
 7. Все, что я хотел сказать о социализме, применительно к темам, затрагиваемым в данной работе, можно найти в моей книге «Социалистическая система» (Kognai, 1993).

Первые пять глав работы посвящены исключительно рыночной сфере. Глава 6 затрагивает также нерыночный сектор.

Я рассматриваю рынок товаров и услуг, а также рынок рабочей силы, то есть сферу *реальной экономики*, оставляя за рамками подробный анализ *финансового сектора*; иными словами, о деньгах, кредитах, инвестициях в финансовые инструменты, фискальной и денежно-кредитной политике государства — об этом говорится лишь в одном-двух местах.

Признаю: почти невозможно говорить о рынке товаров, услуг и рабочей силы, совершенно не касаясь финансового сектора и взаимодействия этих двух сфер. Почти невозможно, но я все же решил придерживаться взятого курса. Ведь я задумал ограничиться небольшим объемом и не посвящать себя написанию труда, который охватывал бы все аспекты капиталистической системы.

Несмотря на исключение ряда важных сегментов, круг вопросов по-прежнему достаточно широк. Так или иначе мне придется затронуть ряд значительных и сложных тем, каждая из которых заслуживает отдельного исследования и располагает обширной литературой.

Работа организована следующим образом: разделы II-1—II-5 посвящены *типичному случаю*; в разделах II-1—II-4 описывается *явление и причинно-следственные отношения*, которые способствуют его возникновению и воспроизведению. В разделе II-5 излагаются *последствия* и их оценка. В разделе II-6 я обращаюсь к *особым случаям*. К концу работы для читателя станет ясно, что я называю типичным случаем, а что — особым.

II-1

Рынок товаров и услуг: механизм воспроизведения избытка

1.1. ПРИМЕР ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИКИ: АМЕРИКАНСКАЯ СИСТЕМА ТЕЛЕФОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Приведу пример из истории экономики для иллюстрации явления, речь о котором, в более общих чертах, пойдет позже: что произошло с услугами телефонии в США (Gröver, Lebeau, 1996; Atkin, Lau, Lin, 2006). Начнем с ранних 1980-х годов, когда почти все звонки совершались со стационарных линий, а гигантский концерн AT&T практически обладал монополией в данной сфере.

Сначала произошли радикальные изменения в сфере технологий: в конце 1980-х годов началось быстрое распространение мобильных телефонов (King, West, 2002)¹. К более поздним нововведениям я еще вернусь.

В 1984 году произошло изменение в структуре рынка одновременно с принятием федерального антитрастового соглашения. С тех пор состав участников рынка изменялся несколько раз: компании сливались и распадались, приходили на рынок и уходили с него, однако форма рынка не менялась. Это была не монополия и не конкуренция – в полном смысле слова, но монополистическая конкуренция между несколькими сильными соперниками.

1. Исключение из правил: обычно США лидируют в области технологий, а Европа следует за ними; с мобильными телефонами дело обстояло наоборот.

Подобная характерная структура рынка была обусловлена динамизмом развития конкретного сектора. Внедрялись успешные инновации: посредством мобильных телефонов стало возможным передавать текстовые сообщения, а затем и изображения; карманные устройства расширили свои функции за счет передачи видеосообщений, хранения фотографий, калькуляторов и т. д. Другое направление инноваций – применение программного обеспечения, типа Skype и аналогичных сетевых технологий, что позволило использовать в качестве телефона, и даже видеотелефона, компьютер.

Слияние функций компьютера и телефона также приняло и другие формы: карманный айфон, затем айпэд и прочие переносные карманные устройства помимо телефонии оснащены разнообразными развлекательными функциями и позволяют передавать информацию.

Каждый новый виток инноваций приводит в этот сектор новых производителей и поставщиков услуг, оттирая на обочину или уничтожая прежних игроков. Основная характеристика сегмента при этом сохраняется: на рынке доминирует несколько больших компаний – они конкурируют между собой, сотрудничают, дополняют или вытесняют друг друга.

Со стороны предложения определить четкие границы сектора невозможно. Сюда входит вся сеть поставщиков: фирмы – разработчики новых приборов, производители технических устройств, поставщики телекоммуникационных услуг, продавцы оборудования и программ, разработчики программного обеспечения и т. д. Границы размываются по мере того, как сектор телекоммуникаций сливается с компьютерным сектором, индустрией развлечений, фотографией и т. д.

Столь же проницаемы и границы спроса. Когда-то существовало четкое разграничение индивидуального спроса на услуги телефонии, почты, телеграфа, фотографии, обучения, поиска разнообразной случайной информации и т. д. Теперь же каждая технологическая линия служит для удовлетворения спроса сразу в нескольких областях. Зыбкость границ не позволяет однозначно утверждать, какой «пакет предложений» какому «пакету спроса» соответствует.

К каждой фирме применимо явление возрастающей отдачи от масштаба (*increasing return to scale*). Для входа на рынок требуются значительные начальные инвестиции, равно как и фиксированные расходы на эксплуатацию в дальнейшем. Чем больше объем продаж, тем шире распространяются эти фиксированные издержки. Цель любой компании — убедить максимальное число потребителей в необходимости воспользоваться именно ее устройствами и услугами, а не продукцией конкурентов. Количественный рост ограничен не фактором издержек, а возможностями продаж.

Шумпетеровский процесс созидательного разрушения продолжается, а созидание происходит быстрее разрушения. Выход на рынок и расширение стимулируют мощные силы, в то же время существуют серьезные ограничения на выход с этого рынка. Уже внедрившиеся в данный сектор руками и ногами держатся за место, даже если терпят убытки. По мере массового распространения мобильных телефонов, стационарные линии сворачиваются (рис. П-1), однако происходит это медленными темпами, не сравнимыми с распространением мобильной связи.

Добавление очередного пользователя мобильного телефона не означает потерю одного абонента наземных линий. Обе сети уже давно функционируют бок о бок; специалисты ищут технические пути их объединения. Разнообразные технологии в области телефонии и их модификации таят в себе избыточные мощности. Другими словами, в секторе услуг телефонии обнаруживаются значительные объемы избыточного предложения.

Процесс, на развитие которого ушло несколько десятилетий, описан мною в более чем телеграфном стиле. Если бы исследователи рынка попробовали проинтервьюировать глав фирм-производителей и компаний по предоставлению услуг в любой момент этого длительного периода и спросили, в состоянии ли они обслужить больше (значительно больше!) потребителей услуг телефонии, нежели имеется в наличии сейчас, все, вероятно, с готовностью ответили бы утвердительно. Это характерный симптом избыточного предложения, и в этом

РИСУНОК II-1.

Абоненты стационарных линий и мобильных телефонов на 100 жителей в США, 1990–2007 годы

смысле рынок телефонии пребывает в состоянии хронического избытка предложения.

Сравним для примера ситуацию в СССР и соцстранах Восточной Европы в 1980-х годах (табл. II-1), когда многие домохозяйства годами не могли добиться проведения телефонных линий или стояли в очереди на подключение либо были вынуждены искать блат для внеочередного подключения. Те, кому это удавалось, обнаруживали, что позвонить не так-то просто: сеть перегружена, а соединения приходилось долго ждать. Если бы тогда главам государственных телефонных предприятий задали тот же вопрос – могут ли они обслужить значительно большее число абонентов, нежели есть на данный момент, – ответ был бы резко отрицательным. Начальники многозначительно указали бы на огромные очереди. При такой системе сектор услуг телефонии находился в состоянии хронического избыточного спроса.

Так функционирует экономика избытка в сфере телекоммуникаций в рамках одной системы, и экономика дефицита – в рамках другой².

2. Объективности ради должен добавить, что смена системы совпала со скачком в техническом развитии – появлением мобильных

ТАБЛИЦА II – 1.
 Фиксированные телефонные линии
 на 100 жителей в ряде социалистических стран
 и в США, 1980–1988 годы

Страна	1980	1984	1988
Болгария	10,2	15,6	21,3
Венгрия	5,8	6,6	8,2
Польша	5,5	6,4	7,8
Румыния	7,3	8,4	9,8
СССР	7,0	9,6	12,3
США	40,8	46,8	50,8

ИСТОЧНИК: Статистический отдел ООН (United Nations Statistics Division, 2009a).

1.2. ПРОЦЕССЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ

В приведенном примере проявляются черты, характерные для функционирования капиталистических рынков в целом. Наша следующая задача – обозначить теоретические обобщения.

Со словами «функционирование рынка» перед глазами всякого экономиста возникает известный график из учебника «Введение в экономику»: кривая предельных затрат для компании, производящей один продукт и нацеленной на максимизацию прибыли, кривая спроса и равновесная цена с оптимальным объемом в области пересечения. Отвлечемся от этого графика, ведь он (равно как и другие абстракции) дает нам *статическую*, моментальную картину принятия решения. Хотелось бы выйти за пределы ограничений, накладываемых подобными моделями из учебников с их статикой, и сосредоточиться на *динамике* рынка, даже если нам придется ради этого обратиться к менее изящной словесной форме.

телефонов. Смена системы, вероятно, подстегнула бы распространение телефонных сетей и без этого, но определить степень влияния данного сдвига невозможно.

Начнем с предложения. Формирование предложения – динамический процесс, изменения происходят в нескольких измерениях:

- постоянно меняется множество, членами которого являются компании, отдельные производители и поставщики товаров и услуг. Постоянно приходят новые участники, а те, кто уже присутствует на рынке, объединяются, распадаются, наконец выходят. Демография множества подвержена непрерывным изменениям³;
- постоянно меняется конкретный ассортимент предлагаемых покупателям товаров и услуг. В долгосрочной перспективе по мере дифференциации производства ассортимент увеличивается. Постоянно появляются новые продукты и исчезают старые. Подобное явление можно наблюдать у всех производителей и поставщиков по отдельности, однако еще более очевидной смена ассортимента становится, если пронаблюдать за группой компаний, сектором или экономикой страны в целом;
- обзор данных по сектору или на макроуровне демонстрирует краткосрочные и долгосрочные флуктуации, если же анализировать их в исторической проекции – обещает устойчивый рост в долгосрочной перспективе.

На фоне непрерывной смены ассортимента появляется постоянный избыток – объем продукции, не купленной всеми потребителями в совокупности, или мощность, не реализованная совокупностью всех пользователей. Формирование непроданных запасов и неиспользованных мощностей – это тоже динамический процесс.

Как формируется избыток? Почему явление избыточного предложения столь универсально? Объяснением служат четыре мотивационных фактора.

3. См. исследование Бартельсмана (Bartelsman et al., 2004), где подробно показана демография компаний в странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

1. Монополистическая конкуренция. С появлением революционных монографий Э. Чемберлина (Chamberlin, 1962 [1933]) и Дж. Робинсон (Robinson, 1969 [1933]) теория несовершенной конкуренции стала частью мейнстримной экономики. Эта важная теория поддерживает мои идеи, утверждая, что в компаниях, вовлеченных в монополистическую конкуренцию, формируются избыточные мощности (*excess capacity*). Определяя объем производимой продукции, такие компании не заходят столь далеко, как это позволяют себе компании — участники идеальной конкурентной ситуации. Ради максимизации прибыли они используют собственные мощности в меньшем объеме⁴.

В дальнейшем я сосредоточил внимание на рынках с несовершенной рыночной структурой, известной в литературе как монополистическая конкуренция (более уместным был бы термин *олигополистическая конкуренция*, однако первый вариант получил большее распространение⁵).

В рамках монополистической конкуренции компании могут отвоевывать клиентов у конкурентов не только предлагая более привлекательную цену, но и путем неценового стимулирования, а именно повышения качества, вежливости обслуживания, дополнительных услуг (доставка на дом, например) и т. д. И самое главное — они

4. Данный аспект монополистической конкуренции представлен графически в отличной статье Евсея Д. Домара в связи с темой, затрагиваемой и в нашей работе: почему в рыночной капиталистической экономике систематически наблюдается явление избыточного предложения (Domar, 1989). Я обнаружил немало работ, так или иначе совпадающих с моим ходом мысли; из них я сумел позаимствовать отдельные аргументы, но лишь в статье Домара я ощутил полное, не частичное интеллектуальное родство представлений автора с собственными идеями.

5. Мне неизвестна статистика, которая показывала бы, какая часть общего оборота всех товаров и услуг в конкретной стране и за конкретный период приходится на рынок, функционирующий в условиях идеальной конкуренции. Риску предположить, что доля эта относительно невелика. Доминирующей формой рынка остается монополистическая конкуренция.

могут внедрять новые продукты, но на этом остановимся отдельно⁶.

2. Неустойчивость спроса. Возьмем в качестве примера точку розничной торговли. Магазин продает товары определенного ассортимента, скажем, бытовые электроприборы и электронику – от холодильников и телевизоров до ноутбуков и принтеров (стандартный набор). Пример относится к розничной торговле, значит, избыток проявляется в виде запаса продукции на складе. Однако мои рассуждения носят более общий характер – они касаются не только розничной торговли, но и производства всех товаров и услуг, поэтому данный анализ распространяется и на избыточные производственные мощности или предоставление услуг, доступных сразу или с небольшой задержкой. Другими словами, к рознице я обращаюсь здесь исключительно ради иллюстрации.

Итак, в случае с магазином продавец не может точно предсказать, сколько покупателей к нему пойдет и какие товары они будут искать. Ему бы хотелось, чтобы клиенты как можно реже уходили от него с пустыми руками. Назовем пропорцию удовлетворенных покупателей ко всем посетителям магазина уровнем безопасности⁷. Предположим, что нам известен ассортимент продукции, потенциально способный заинтересовать посетителей магазина, однако конкретный набор и совокуп-

6. В модели Вейцмана (Weitzman, 2000), с помощью которой он сравнивает социалистическую и капиталистическую экономики, центральную роль играет переменная E – «меры по стимулированию сбыта» (selling effort). Вейцман демонстрирует, что монополистическая конкуренция требует от производителей и продавцов большого значения для E , тогда как в централизованной плановой экономике значение E низкое.

7. В зависимости от характера вычислений, возможно, имеет смысл выразить уровень безопасности в иной форме, например количество успешно завершённых намерений сделать покупку к общему количеству намерений сделать покупку, вместо отношения числа удовлетворенных покупателей к общему числу покупателей.

ный объем не определен. Очевидно: чем выше уровень безопасности, при котором продавец хочет вести торговлю, тем больший запас он должен поддерживать.

В литературе, содержащей исследования операций, предлагается несколько моделей для решения проблемы в числовом виде⁸. На необходимый запас влияет множество факторов, приведу лишь несколько:

- хотя спрос не определен, опытный продавец может спрогнозировать его состав, степень и масштабы колебаний (Ramey, West, 1999);
- запасы пополняются не постоянно, а скачкообразно, или партиями. Политика формирования необходимых запасов обычно вырабатывается совместно с поставщиками;
- каждый покупатель, уходящий с пустыми руками, – это убыток. Но и медленно реализуемые запасы – тоже убыток. Следует трезво оценивать размеры убытков в обоих случаях.

Мне бы хотелось внести вклад в теорию экономики, а не ограничиться написанием очередной работы по исследованию операций для политики управления запасами. На практике можно наблюдать, что в одних магазинах проводят ее более эффективно, нежели в других. У многих производителей или продавцов отсутствует вообще какая-либо политика в отношении запасов; они просто полагаются на чутье, основанное на опыте. Тем не менее остается справедливым утверждение, что в условиях сильной монополистической конкуренции один из ключевых инструментов продавца для сохранения и укрепления своей позиции на рынке – высокий уровень без-

8. Проблемы товарно-материальных запасов и резервов мощности отражены в обширной литературе по различным дисциплинам: в микроэкономике, в исследованиях операций и управления (см., к примеру: Chopra, Meindl, 2003, главы 11 и 12; а также: Toomey, 2000). Математические модели задействуют различные методики, в том числе теорию случайных процессов и стохастическое программирование (Prékopa, 1995).

опасности при удовлетворении покупательского спроса. Обеспечить же такой уровень можно с помощью большого и тщательно подобранного запаса товаров.

Удовлетворение спроса при высоком уровне безопасности — одна из главных черт экономики избытка. Каждый *отдельный* продавец стремится достичь состояния избыточного предложения для *всех* продавцов в данном сегменте.

За пределами розничного сектора аналогичную логику можно применить к проблемам товарных запасов и резервов мощностей у компаний-производителей.

Создатель моделей формирований практической деловой политики в рамках прескриптивного (нормативного) подхода к исследованию операций может рассматривать уровень безопасности как заданный изначально и подыскивать нужный объем и ассортимент запасов или резервов мощностей. Однако дескриптивный (позитивный) анализ, применяемый в данной работе, требует решения задачи в обратной перспективе. Запасы и резервы мощностей уже заданы. На каком уровне безопасности они будут соответствовать спросу? Жаль, что ни для капиталистической, ни для социалистической систем подобные наблюдения и расчеты никогда не проводились. Убежден, что в экономике избытка уровень безопасности высокий, а в экономике дефицита — низкий⁹.

3. Инновации и созидательное разрушение. Силы, способствующие накоплению избытка, продолжали бы действовать даже если бы технический прогресс за буксовал. Но он не останавливается, а неумолимо движется вперед¹⁰. В условиях несовершенной монополи-

9. Различие становится меньше за счет того, что в условиях экономики дефицита покупатель свыкается с мыслью о невозможности приобретения отдельных желанных товаров в магазинах. Данное явление напоминает известную особенность капиталистического рынка труда — феномен «отчаявшегося работника» (*discouraged worker*), когда человек перестает искать работу.

10. Подробнее об этом см. часть I данной книги, где я также даю краткий обзор литературы по теме. Части I и II тесно связаны между собой.

стической конкуренции производитель или продавец приобретает большое преимущество, если предлагает покупателям нечто новое – продукт или услугу, которых нет у конкурентов. Это, в первую очередь, относится к новаторам, способным внедрить революционно новый в мировых масштабах продукт, но может распространяться и на тех, кто окажется среди первых последователей по внедрению конкретной инновации в своей или чужой стране.

Как это влияет на формирование излишков в экономике? Когда где-либо появляется нечто новое и начинает привлекать спрос, это отнюдь не означает, будто прежние продукты исчезают. Разные силы способствуют их дальнейшему существованию.

Оборудование и персонал производства ориентированы на изготовление конкретной продукции. Для изготовления инновационной продукции могут потребоваться капитальные инвестиции, работников придется переучивать или нанимать новых. Если нет шансов приспособиться, все прежние инвестиции пойдут прахом, и речь не только об оборудовании, но также о физических и моральных затратах на создание и продвижение продукта. В завод по производству предыдущего продукта было вложено много труда и капитала: вполне естественно, что владельцы заинтересованы в окупаемости, а работники – в сохранении рабочих мест. Нередко государство помогает уберечь предприятие, обреченное на уход с рынка, искусственно поддерживая его (данное явление я назвал мягкими бюджетными ограничениями – к этому вернемся позже).

В конечном счете, все это означает, что мощности по производству нового продукта или предоставлению новых услуг добавляются к существующим мощностям. Хотя доля старых мощностей медленно сокращается, новые и сохранившиеся старые мощности вместе формируют избыток по отношению к спросу. Это и есть важнейшая составляющая механизма, обуславливающего постоянный избыток предложения.

Пользуясь популярной цитатой из Шумпетера (Schumpeter, 2010 [1942]), скорость созидания – похоже, выше

скорости разрушения. Воспроизводство излишка может происходить даже без разницы в скоростях. Если избыток присутствовал изначально, начальное соотношение (избыточная мощность к суммарной мощности, например) сохранится, если скорость процессов созидания и разрушения совпадает. Мне представляется маловероятным, чтобы этот сдвиг происходил в обратном направлении, то есть чтобы разрушение, снижение мощностей шло быстрее созидания в течение длительного времени. Не видел, чтобы старые продукты исчезали быстрее, чем распространялись новые.

Описанное выше можно изобразить в виде формализованных теоретических моделей. Процесс *созидания* и *разрушения*, как я надеюсь, выражается в виде статистически полученных показателей. В любом случае речь идет о предположениях, которые можно подтвердить или опровергнуть.

Замечу, что именно объединяет мотивационные факторы 1–3: связь *конкуренции среди продавцов* и *феномена избыточности*. Избыток – одновременно и причина, и следствие конкуренции. Что может заставить продавцов конкурировать между собой в ситуации рынка, где спрос повсюду равен предложению? Мы оказались бы в состоянии перманентного покоя. Наличие избытка делает возможной конкуренцию (ведь покупатель может выбирать) и стимулирует соперничество (продавец хочет избавиться от излишков). И наоборот: конкуренция и соперничество постоянно порождают новые излишки.

4. Экономия за счет масштаба (*economies of scale*). Простейшие модели стандартной микроэкономики (и те, что глубже всего засели в головах молодых экономистов) подразумевают, что кривая средних расходов компании-производителя имеет форму U . Если объем попадает в правую сторону от минимума, на восходящую часть кривой, предельные издержки *возрастают*. Таким образом, существует некий объем производства, превышать который компания не хочет. Это не внешнее ограничение, но точка, в которой производитель добровольно

прекращает повышать объем производства ради максимального увеличения прибыли.

Ситуация меняется, если предельные издержки как функция объема *падают*, другими словами, если наблюдается возрастающая отдача масштаба (*increasing return to scale*). В реальной экономике такое случается очень часто — везде, где фиксированные издержки составляют большую долю от общей суммы затрат производителя, поставщика услуг или содержателя точки розничной торговли. Чем выше объем производства, тем ниже издержки на единицу продукции. Это снимает внутренние ограничения по увеличению объема; остановить экспансию могут лишь внешние ограничения, главным образом — отсутствие спроса на количество продукции, превышающее определенные объемы. Предприятия, фирмы сами не заинтересованы останавливать рост объемов, пока не столкнутся с внешними ограничениями.

Данное явление воздействует на формирование избыточных мощностей как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. На фоне монополистической конкуренции крупные компании смело (даже слишком смело) инвестируют в новые мощности; их особенно сильно подстегивает идея, что чем больше завод, тем шире пространство для роста масштабов производства и, соответственно, нормы прибыли. Поэтому даже если данный сектор в целом изобилует неиспользованными мощностями, предприниматели продолжают строить гигантские новые заводы. Типичный пример — автомобильная промышленность (к ней вернемся позже).

В краткосрочной перспективе, большинство фирм-производителей, испытывающих рост нормы прибыли при росте масштабов производства, не в состоянии довести мощности до предела, хотя это и могло бы быть для них благоприятным сценарием. Как правило, ограничение в виде спроса удерживает производство на куда менее внушительном уровне. В такие моменты руководители компаний-производителей начинают чувствовать, что речь действительно идет об избыточных мощностях, при том что фирма максимально заинтересована производить больше, чем производит на данный момент, и располага-

ет мощностями для этого. В случае убывающей отдачи от масштаба, руководители оценивают ситуацию иначе. Физически и технически они могли бы производить больше, но если начнут это делать, прибыль сократится, поэтому они без колебаний останавливаются на объеме, который соответствует максимальной прибыли¹¹.

Для ясности мы остановились на каждом из четырех мотивационных факторов по отдельности. В контексте данной работы все эти факторы так или иначе способствуют поддержанию хронического избыточного предложения в рамках экономики избытка. Часто можно наблюдать присутствие двух, трех, а то и всех четырех факторов одновременно: усиливая друг друга и влияя друг на друга, они воздействуют на процессы, связанные с предложением, и на формирование избыточного предложения.

Исследуя вышеперечисленные явления, многие авторы полагают, что цель фирмы — довести прибыль до максимума. Это удобно с точки зрения математического моделирования, и представители доминирующего течения в экономике пускают эту идею по кругу, однако более тщательные социологические и социально-психологические исследования показывают: «максимизация прибыли» не является универсальной характеристикой для описания мотивов поведения компании. «Предприятие», «компания» — это не безличная, неделимая единица; решения в ней принимают люди. В крупной современной компании в принятии решений участвуют и владельцы (включая главных акционеров с более значимым правом голоса), и руководители. Их интересы часто не совпадают, и от авторитета каждого из игроков зависит, кто

11. Многие экономисты, в частности Калдор (Kaldor, 1981) и Артур (Arthur, 1994), подчеркивают важность возрастающей доходности (*increasing return*) как функции масштаба. Возрастающая доходность влияет на экономику несколькими путями, я упомянул один из них — готовность создавать избыточные мощности. Хелпман и Кругман исследуют, как явление возрастающей доходности влияет на международное разделение труда и мировую торговлю в своей знаменитой книге (Helpman, Krugman, 1985).

возьмет верх, какой компромисс будет достигнут. Свою роль играет и временная перспектива: насколько и те и другие рассчитывают на немедленную прибыль или какое внимание готовы уделять долгосрочным интересам компании.

Одним словом «прибыль» мотивацию владельцев и руководителей не описать. Ими движет и жажда власти, и гонка за престижем, и стремление укрепить репутацию. Особенно важны, в нашем случае, тщеславие и амбиции стать первыми среди конкурентов с самой большой долей на рынке¹². Данные мотивационные факторы нередко накладываются друг на друга, но порой и вступают в противоречие. Все четыре процесса, описанные выше, присутствуют даже в тех случаях, когда лица, принимающие решения, нацелены не на максимизацию прибыли (или не только на это), но и действуют под влиянием только что упомянутых факторов. Перед глазами предпринимателя-новатора не обязательно маячит максимальная прибыль. Дух соревнования, желание стать первым внедрившим инновацию – сами по себе мощная движущая сила. Еще один сильный стимул – стремление к экспансии ради увеличения власти: «Мы будем больше и сильнее всех! Будем править на рынке!» Наряду с другими стимулами предпринимателями движут интуитивная жажда деятельности, сила жизни, *животные инстинкты*, как их описывал Кейнс (Keynes, 1965 [1936]; Akerlof, Shiller, 2009). В своей книге «Дефицит» я назвал такой тип мотивации стремлением к расширению (*expansion drive*) (Kornai, 1980).

Известно множество моделей поведения руководителей и владельцев предприятий. В каждом конкретном

12. Мотивами поведения управленцев занимаются в своих многочисленных работах представители поведенческой экономики. Помимо разнообразных исследований по экономической психологии, существует обширная литература по психологии, посвященная различным (часто конфликтующим между собой) мотивационным теориям. Экономисты еще далеко не исчерпали возможности, предоставляемые достижениями современной психологии.

случае эти модели существуют в разных пропорциях¹³. Все четыре описанных мотивационных фактора действуют даже в тех случаях, когда руководитель предприятия стремится не (только) получить максимальную прибыль, но и действует под влиянием того или иного дополнительного стимула.

1.3. ПРОЦЕССЫ, СВЯЗАННЫЕ СО СПРОСОМ

Формирование спроса – также динамический процесс. На него влияют не только цены, вкусы, доходы и благосостояние покупателей, но и такие факторы, как гарантия поставки в любой момент (для нашей темы этот фактор особенно важен). Так, например, появление новых продуктов пробуждает новые запросы, а старые продукты выходят из моды. Несмотря на глубоко укоренившееся в сознании мейнстримных экономистов представление, речь не о двух кривых, которые где-то пересекаются: спрос – одна из главных объяснительных переменных для предложения в любой момент времени, и наоборот.

Процессы формирования спроса и предложения влияют друг на друга. Данное взаимодействие можно представить себе даже в том случае, если они идут более или менее параллельно или растут схожими темпами. Мы же пытаемся объяснить, почему в экономике избытка спрос не успевает за предложением, почему феномен избыточного предложения возникает даже в ситуации, когда спрос, по сути дела, удовлетворен.

Ранее мы рассмотрели силы, *подталкивающие вперед* процессы, связанные с предложением. Теперь обратимся к силам, которые *затормаживают* процессы, связанные со спросом и не дают им уйти далеко вперед.

13. Сложно найти «среднестатистического» представителя той или иной группы людей, поскольку это размывает неоднородность тех, кто ее составляет. Для психологов или писателей это самоочевидный факт, однако экономистам потребовалось немало времени, чтобы воспринять его всерьез и критически отнестись к моделям, которые игнорируют гетерогенность групп, состоящих из людей, принимающих решения, то есть руководителей (см.: Kirman, 1992).

Важнейший фактор — конфликт интересов между работодателями и работниками. Владельцы предприятий, работодатели заинтересованы в том, чтобы противостоять попыткам работников добиться повышения заработной платы. Есть смысл оплачивать работу до предельного дохода с затраченного труда, который включается в расчет¹⁴. Если им удастся снизить зарплаты ниже этого уровня (это может способствовать хроническая безработица), они могут сэкономить дальнейшие расходы. Если работники добиваются выполнения своих требований по зарплате, это сокращает прибыль компании. Чем бы ни завершилась эта борьба, зарплаты не выйдут из-под контроля — в капиталистической рыночной экономике их ограничивают противоположные интересы работодателей. В конечном счете лимитированные доходы работников налагают ограничения на расширение производства.

В долгосрочной перспективе росту производства и производительности сопутствует рост доходов работников. Однако зарплаты меняются медленно, они неэластичны (*sticky*) и не успевают за ростом производства и производительности. Таким образом, сохраняется тенденция, при которой спрос отстает от бурной экспансии производства.

Очевидно, что аргументация в данном случае приближается к марксистской точке зрения (см.: «Капитал» (1973) [1867], в особенности главы 23 и 25). Признаю близость идеи, хотя по многим важным параметрам считаю нужным отмежеваться от политэкономии Маркса¹⁵.

14. Иногда есть смысл выплачивать и больше: договариваться о сдельной оплате труда (*efficiency wage*) для выделенной группы работников, чей опыт и лояльность особенно важны работодателю. Мы вернемся к данной проблеме в разговоре о рынке труда. Достаточно отметить, что работодатели все равно не могут поднять зарплату (даже сдельную) слишком высоко, поскольку это лишает смысла их усилия (по наращиванию прибыли).

15. В ряде статей (включая часть IV данной книги) я подробно останавливаюсь на вопросах, при анализе которых принимаю марксистский подход, но я поясняю, до какой степени готов применять его к отдельным явлениям и в каких случаях решительно отрицаю позицию Маркса.

При капитализме предложение растет не за счет мер, принимаемых в рамках бюджетной или денежно-кредитной политики государства (хотя подобные меры могут стимулировать или ограничивать предложение). Главный стимул – внутренняя заинтересованность владельцев и руководителей конкретных компаний. Внутренний интерес также устанавливает пределы для роста спроса. Мы находим силы, способствующие формированию избытка на микроуровне¹⁶.

Механизм, приводимый в движение данным конфликтом, проявляет себя в полной мере в том случае, когда бытовые и корпоративные расходы контролируются за счет жестких бюджетных ограничений. Это сдерживает чрезмерные потребительские расходы и изменение зарплат.

Мягкость и жесткость бюджетных ограничений влияет на формирование избытка противоречивым образом. С одной стороны, бюджетные ограничения для компаний и населения должны быть жесткими, чтобы удерживать спрос и не давать ему разрастаться. С другой стороны, избыточные мощности растут, если государство искусственно поддерживает нежизнеспособные предприятия, поскольку использует мягкие бюджетные ограничения. С логикой описания и анализа здесь все в порядке: просто в *реальности* одно и то же явление оказывает противоречивое воздействие.

1.4. ПРОЦЕСС ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ

Согласно догматической неоклассической схеме цены должны корректировать дисбаланс между спросом и предложением. В ситуации избыточного предложения снижение цен должно вести к сокращению предложения и росту спроса. Изменение цен отчасти выполняет эту задачу, но лишь отчасти, и не в результате случайных ошибок, а вследствие систематических искажений.

16. Ряд аналогичных элементов можно проследить в аргументации Бхадури (Bhaduri, 2007).

Ценообразование – тоже процесс динамический. Его нельзя рассматривать как цепь последовательных шагов к достижению равновесной цены, как это описывается в вальрасовской теории о так называемом нащупывании (*tâtonnement*). К моменту, когда цена достигнет точки равновесия, и предложение и спрос изменятся, ведь они постоянно меняются – как я стремился показать. Конвергенция, схождение в одной точке отсутствует, поскольку эта точка все время в движении.

Сейчас уже принято считать, что цены на капиталистическом рынке неэластичны (*sticky*). С этим так или иначе соглашались и самые «продвинутые» мейнстримные экономисты (Mankiw, 1985; Blinder et al., 1988; Bils, Klenow, 2004), и нетрадиционные школы, как, например, посткейнсианцы (Lee, 1998). Подобное свойство цен объясняют разными причинами: неспособностью вовремя отследить изменения в соотношении спроса и предложения или нежеланием компаний закладывать дополнительные расходы на пересчет цен (*menu costs*).

На рынке с монополистической конкуренцией цену определяет продавец, покупатель же соглашается с ней или ищет другого продавца¹⁷. Неэластичность цен несимметрична: чем ниже цены, тем они медленнее меняются. Даже если ощущается избыток предложения, продавец боится упустить прибыль и с неохотой решается на поступательное снижение цены¹⁸. Компании (и творцы денежно-кредитной политики) страшатся дефляции и ее опустошительных последствий на макроэкономическом уровне. Мне хотелось бы еще раз подчеркнуть данную асимметрию для неэластичных цен, поскольку именно она является одним из главных ответов на вопрос, почему капиталистическая рыночная экономика

17. Тибор Скитовски (Scitovsky, 1985) предложил разделить ценоустановителей (*price-makers*) и ценополучателей (*price-takers*). Он подчеркивает, что при монополистической конкуренции цену устанавливает продавец, и указывает на различные последствия этого, включая появление неиспользуемых мощностей и разбухание запасов.

18. Они, скорее, попытаются избавиться от непроданных запасов путем временного снижения цен или распродаж.

в целом асимметрична: в ней доминирует явление избыточного предложения.

В условиях кругооборота предложение – спрос – цена цены отнюдь не ликвидируют общее состояние избыточного спроса, они его воспроизводят. Колебания цен остаются в рамках соотношения предложения и спроса, характерного для экономики избытка.

II-2

Рынок товаров и услуг: понятийный аппарат и методика измерения

Выполняя данное в самом начале обещание: представляю понятийный аппарат и в связи с этим перехожу к анализу явлений и методов их измерения.

Что мы в точности понимаем под *предложением* и *спросом*? Читателю, который прежде принимал эти термины на веру, пора испытать некоторые сомнения¹. В тексте уже не раз фигурировало слово «избыток», но я так и не дал однозначного определения: избыток по сравнению с чем? «Избыточное предложение» — в отношении чего «избыточное»?

2.1. «ЧИСТЫЕ», ПРОСТЫЕ СЛУЧАИ

1. **Фирма по оказанию услуг в положении избыточного спроса.** Представим себе интервью с директором фирмы, предоставляющей услуги. Например, с директором гостиницы². Гостиница функционирует в условиях экономики избытка. В гостиничной отрасли принято ис-

1. В книге «Антиравновесие» (Когнаі, 1971) я пытался прояснить, что скрывается за привычными терминами, и продемонстрировал, насколько расплывчаты их определения. На мои рассуждения отреагировали немногие. Оглядываясь на написанное сорок лет назад, я и сейчас вижу, что мои сомнения и возражения были вполне оправданны. Используя накопленный с тех пор опыт, попробую еще раз выразить критические соображения и предложить собственные рекомендации в плане терминологии и методологии — вдруг на этот раз получится лучше.

2. Описывая ситуацию в сфере предложения, я говорю о компаниях, фирмах и предприятиях, однако мои аргументы в равной мере

пользовать такие показатели, как *коэффициент заполняемости (occupancy rate)* или *доля незанятых номеров (vacancy rate)* – оба в процентах.

Спросим управляющего: «Какой коэффициент заполняемости вы способны и хотели бы обеспечить на ближайшей неделе?»

Присовокупим к вопросу следующие примечания и условия:

- цены, установленные самой гостиницей, действительны на ближайшую неделю;
- вопрос касается очень короткого периода – ближайшей недели. Пропускная способность (мощность) гостиницы в краткосрочной перспективе задана количеством доступных номеров. Учет одного только этого «физического» ограничения дает нам представление о *теоретической мощности*, но можно ведь предположить и другие возможные препятствия (текущий ремонт, например, или иные технические проблемы), которые помешают сдать ряд номеров. Принимая во внимание эти факторы, управляющий решает, что будет для него максимальной долей заполняемости – ее-то мы и называем *практической мощностью*³.

относятся и к индивидуальным производителям, поставщикам услуг и продавцам.

3. Совет управляющих Федеральной резервной системой (ФРС) США регулярно публикует показатели использования производственных мощностей. Совет ФРС дает следующее определение: «Показатели мощности призваны зафиксировать *устойчивую предельную мощность*, максимальный уровень мощности, который может поддерживать предприятие в рамках реалистичного рабочего графика с учетом нормального времени простоя и при наличии рабочей силы в достаточном объеме и материальных затрат для управления капиталом на месте. Данная концепция примерно совпадает с точкой максимальных затрат (*full-input point*) на производственной функции, с оговоркой, что мощность представляет здесь устойчивый производственный максимум, а не более высокий, но неустойчивый краткосрочный максимум. Например, фирма может отложить профилактический ремонт или на время поработать сверхурочно, чтобы произвести товара больше, нежели позволяют мощности. В долгосрочной перспективе подобный

- В последующих разборах (не только для данного примера) под *полной загруженностью* мы понимаем сто-процентное использование *практической* мощности⁴. Респондент может выдать лишь реалистичную цифру, которая вписывается в разумные рамки практической мощности. Нас интересуют не пустые мечты, а реально выполнимое желание предоставить услугу;
- нам не нужен прогноз относительно вероятного результата или количество ожидаемых гостей. Пусть директор исходит из ситуации, когда потенциальные постояльцы могут появиться в любой день и любую минуту. Другими словами, директор должен ответить, сколько гостей он бы хотел разместить, если бы это зависело исключительно от гостиницы, то есть какого уровня заполняемости он бы желал достичь.

Странно было бы услышать такой ответ респондента: «Я бы *не* хотел, чтобы гостиница была заполнена, иными словами, *не* хотел бы, чтобы предложение достигло границ практической мощности».

По истечении недели можно установить, какова была заполняемость на самом деле. Предположим, в среднем практическая мощность составила 75%. Разница — 25%, очевидно, является числовым выражением избыточного предложения.

Допустим, мы задали указанный вопрос и провели замеры во всех гостиницах города, и все они продемонстрировали наличие избыточного предложения. Таким образом, мы получили точную картину соотношения спроса и предложения на данном конкретном рынке. Ответы, данные директорами гостиниц до начала замеров, в совокупно-

характер действий не сохраняется». Проще говоря, специалисты по статистике из ФРС при определении практической мощности полагают, что производство не наталкивается на ограничения в плане материальных затрат (Federal Reserve, 2009).

4. Хотя фактическая производственная мощность, как правило, меньше 100%, можно представить и большую мощность. Рассуждая в рамках данного примера: постояльцев в гостинице так много, что руководство откладывает текущий ремонт.

сти дают представление о предложении на конкретную неделю, а фактически полученные цифры соответствуют объему спроса. В примере совокупное предложение превышает совокупный спрос. Нет нужды интересоваться о спросе у постояльцев, потому что в ситуации повсеместного избытка предложений количество реальных сделок (покупок и продаж) совпадает со спросом.

Это правило можно назвать правилом «короткой» стороны (*rule of the shorter side*). В ситуации избыточного предложения, спрос — «короткая» сторона, предложение — «длинная», и, наоборот, при избыточном спросе предложение — «короткая», а спрос — «длинная» сторона. Количество реальных сделок всегда совпадает с размерами «короткой» стороны.

Данное правило серьезно влияет на методику наблюдения и измерений. Из статистики по количеству реально совершенных покупок и продаж можно сделать выводы лишь о размерах «короткой» стороны. «Длинную» ее часть придется оценивать иными способами. Для нашего умозрительного примера мы выбрали простейший способ измерения «длинной» стороны: спросить директора о его желании продать (сдать номера). Если бы мы предположили, что гостиница хотела бы сдать все имеющиеся номера, вопрос можно было бы заменить предварительным измерением практической мощности.

Вернемся к изначальному вопросу: говоря об избытке, мы хотим понять, в сравнении с чем определяется избыток? В нашем примере мы получили однозначный ответ: предложение опередило объемы реальных сделок, а количество последних совпало с объемом спроса.

2. Торговая фирма по продаже товаров длительного хранения в ситуации избыточного предложения⁵. Хотя в розничной торговле существуют ограничения по мощности (физическая вместимость складских помещений, производительность персонала и т. д.), базовое ограничение предложения в этом случае — доступ-

5. Торговое предприятие может выступать как поставщик услуг, но эту категорию я не рассматриваю.

ный запас. Чтобы измерить предложение для короткого промежутка времени (запас на неделю, к примеру), а не на момент времени в статике, по аналогии с компанией — поставщиком услуг, управляющего торговой фирмой надо спросить: «Какой объем товара фирма может и хотела бы продать покупателям по действующим ценам, включая изначально имеющийся запас и дополнительные товары, прибывающие для пополнения запасов в течение недели?»² Можно предположить, что глава фирмы с радостью продал бы весь объем⁶. Этот объем — то, что продавец может и хочет продать, — можно рассматривать как предложение продавца.

Чтобы довести эту линию рассуждений до ясного вывода, нам потребуются два дополнительных условия:

- товары для пополнения запаса были заказаны до интервью. Респондента мы спрашиваем на условии, что в течение ближайшей недели он не сможет менять объем заказа исходя из ситуации, то есть мы придерживаемся анализа проблемы в краткосрочной перспективе;
- второе условие относится к нам самим, организаторам этого умозрительного эксперимента. Предположим, что на конец недели останется некий запас всех продуктов и ни один вид товара в магазине не будет продан полностью. Иными словами, сторона, или сторона спроса, будет «короче» для всех товаров.

Если оба условия выполнены, к концу недели можно будет точно установить объем избыточного предложения, ведь он совпадет с конечным запасом. Ряд простых соображений позволяет сделать вывод:

Предложение = изначальный запас + дополнительный запас

6. Вряд ли к концу недели магазин опустеет совсем, как варшавский гастроном, уже упомянутый в этой работе, — ведь это отпугнуло бы покупателей на будущее. В условиях рыночной экономики подобная опасность, как правило, отсутствует, поэтому мы можем спокойно ее проигнорировать.

Спрос = реальные покупки и продажи («короткая» сторона)

Избыточное предложение = конечный запас

Конечный запас – объем товара, который продавец планировал продать изначально, но не сумел, как установлено постфактум.

3. ФИРМА-ПРОИЗВОДИТЕЛЬ в ситуации избыточного предложения. Проведем еще одно воображаемое интервью. На этот раз наш респондент – директор фирмы-производителя (например, автозавода), выпускающего физически осязаемые товары длительного пользования. Известно, что интервью берется в условиях избыточного предложения.

По сравнению с двумя предыдущими случаями менее очевидно, как мы должны сформулировать вопрос, если хотим измерить объем предложения.

Как и в двух первых интервью, вопрос будет относиться к короткому промежутку времени, спроецируем его на ближайшую неделю. В этом случае мы обращаемся к продавцу (директор завода, скорее всего, позовет для ответа менеджера по продажам). С этого момента и сам вопрос, и наши предположения, и условия будут совпадать с тем, что говорилось в связи с торговой фирмой. Автопроизводитель мог и хотел бы продать столько автомобилей, сколько у него уже есть на собственном складе, плюс те машины, которые сойдут с конвейера на ближайшей неделе (на ритм выпуска конечной продукции уже нельзя повлиять). Это и будет предложение, предназначенное для продажи в течение ближайшей недели. Избыточное предложение (количество товаров, которое продавец не смог продать) будет равно конечному запасу.

Совсем другой вопрос с другими допущениями придется задать, если мы обратимся к директору как к начальнику *производства*. С таким сложным продуктом, как автомобиль, нет смысла и привычки рассуждать в рамках одной недели. Придется спрашивать о перспективах на ближайший квартал.

Эта часть интервью (а с ней и анализ использованных понятий и допущений) будет похожа на историю, опи-

санную в первом случае. Мы попросим респондента заранее допустить, что заказов будет достаточно. Если бы все зависело только от него, какое количество единиц товара хотел бы он произвести? Ответом будет желание максимально приблизиться к практической мощности завода. Такой ответ тем более вероятен, если объем находится в зависимости от постоянной нормы прибыли при увеличении масштабов производства – постоянная отдача от масштаба (*constant return to scale*) по мере приближения к практической мощности, и еще более вероятен, если в производстве реализуется возрастающая отдача от масштаба (*increasing return to scale*) (последний вариант вполне правдоподобен для автозавода).

Дальнейший ход мысли также совпадает с примером для фирмы – поставщика услуг. Если объем производства окажется меньше практической мощности по причине слишком малого числа заказов или невозможности рассчитывать на их рост в будущем, произойдет временное сокращение плана выпуска продукции. К исходу квартала станет ясно, что реализовать практическую мощность производства не удалось. Неиспользованную мощность можно постфактум классифицировать как избыточное предложение.

Обратим внимание, что в случае с фирмой-производителем формируется избыточное предложение двух видов: запасы, образовавшиеся несмотря на желание их продать, и мощности, не реализованные несмотря на желание производить. И те и другие состоят из автомобилей, но эти два четко определенных числа невозможно сложить. Первое относится к уже изготовленным машинам – они стоят во дворе, их можно потрогать; второе существует лишь в воображении, как количественное описание нереализованного желания произвести некий продукт. И непроданный запас, готовый к реализации, и неиспользованные мощности, обозначаемые как потенциальная прибыль, могут быть классифицированы как избыточное предложение с различных точек зрения. Однако сумма двух этих слагаемых интерпретации не поддается.

Ради прояснения понятийного аппарата я использовал воображаемые интервью, но, к счастью, существуют

ТАБЛИЦА II – 2.
Соотношение реализации мощностей в сравнении
для нескольких государств, 1978–2008

Страна	Средняя величина	Количество наблюдений	Среднее отклонение
Бельгия	79,0	121	2,89
США	80,4	145	3,91
Франция	84,4	130	2,02
Нидерланды	82,5	147	2,58
Япония	79,0	153	8,11
Канада	81,3	152	4,11
Германия	83,6	154	3,51
Норвегия	82,4	138	2,70
Италия	75,7	154	2,70
Португалия	78,9	126	2,49
Испания	79,8	154	3,03
Швейцария	83,8	154	3,33
Новая Зеландия	89,2	153	2,13

ПРИМЕЧАНИЕ. Данные демонстрируют использование мощностей на производстве. Столбец «Количество наблюдений» показывает количество данных, обработанных за квартал в конкретной стране.

ИСТОЧНИК: Etter, Graff, Müller, 2008.

и реальные исследования, в ходе которых задавались похожие вопросы.

В табл. II–2 сравниваются данные по реализации производственных мощностей для разных стран. Исследователи проанализировали данные для 34 государств на период с 1978 по 2008 год. В приведенном ниже варианте таблицы фигурируют 13 стран, по которым доступны более 100 наблюдений. В каждой строке представлено среднее арифметическое на указанный период для конкретной страны.

На рис. II–2 представлены динамические ряды по использованию производственных мощностей для США.

ПРИМЕЧАНИЕ. Серые вертикальные участки представляют периоды рецессий. Область рецессий обозначена в соответствии с определением Национального бюро экономических исследований (NBER).

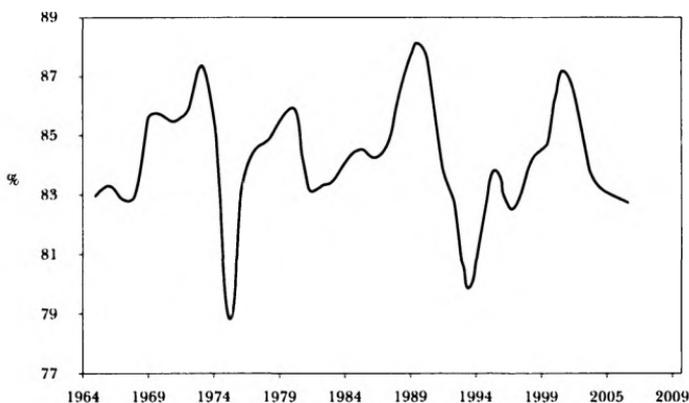
ИСТОЧНИК: Статистический сборник Федерального резерва (Federal Reserve Statistical Release, 2010).

РИСУНОК II-2.
Соотношение использования промышленных мощностей, США, 1965–2010 годы

Авторы отчета подчеркивают, что мощность, с которой сравнивают реальное использование, отражает долгосрочный устойчивый уровень производства, то есть практическую мощность (см. также: Coggio, Mattey, 1997). На следующем рисунке — II-3 мы видим динамические ряды для Франции.

Таблица и рисунки подталкивают нас к выводу: соотношение использования мощностей в разных странах не совпадает. Годовые коэффициенты колеблются, но нигде, ни в какой момент времени они не достигают 90%. Это подкрепляет утверждение, что в капиталистической экономике всегда и везде присутствуют неиспользованные мощности, это хроническое явление.

В табл. II-2 и на рис. II-2 и II-3 показано использование промышленных мощностей. Схожие исследования проводились и в отношении использования жилого

ИСТОЧНИК: Allain, Canry, 2008. Численные данные предоставили авторы – Оливье Аллен и Николя Канри, и я благодарен им за помощь.

РИСУНОК 11 – 3.
Соотношение использования промышленных мощностей, Франция, 1965–2010 годы

фонда. Для этого исследования сложим вместе данные по жилью, находящемуся в собственности и предназначенному для сдачи внаем или продажи, и наемному жилью: полученную сумму будем считать неиспользованной мощностью жилищного фонда. На рис. 11–4 четко видно, что ее совокупная доля в США ни в один год не опускалась ниже 8%, а в 2004 году достигла 12%, что указывает на существенную долю избыточного предложения.

2.2. ПЕРВАЯ СЛОЖНОСТЬ: ПОСТОЯННОЕ ВЗАИМОРЕГУЛИРОВАНИЕ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В трех разобранных выше «чистых» примерах нам удалось однозначно определить понятие «избыточного предложения» и метод для измерения его объема, но я намеренно упростил себе задачу, прибегнув к различным абстракциям, чтобы прийти к четким определениям и методам измерений в первом приближении. Теперь же я бы хотел обратиться к тому, что происходит на практи-

ИСТОЧНИК: Федеральное статистическое управление США (U.S. Census Bureau, 2010)

РИСУНОК 11 – 4.

Совокупная доля жилого фонда, предназначенного для сдачи в аренду или продажи, США, 1994–2007 годы

ке, и познакомить читателей с событиями реальной деловой жизни, которые отличаются от идеализированного и упрощенного мира трех вводных примеров.

Не думаю, что ошибки – дело рук наблюдателей или специалистов по статистике, производивших измерения; тогда это были бы лишь случайные неточности. Проблема состоит в том, что во многих случаях ситуация «объективно» исключает последовательное использование «чистых» определений и методов измерений.

О первой проблеме я упомянул, описывая процесс формирования спроса. Теперь же рассмотрим одновременно и спрос и предложение с точки зрения измерения.

Формирование как спроса, так и предложения для каждого продавца и покупателя – процесс динамический. Стремление производителя или продавца продать товар постоянно меняется; постоянно меняющаяся ситуация заставляет подстраиваться. Какой момент формирования намерений отражает «истинное» предложение? Люди, занимающиеся исследованием конъюнктуры рын-

ка, регулярно спрашивают у руководителей производящих компаний, что они планируют произвести или продать. Затем они сравнивают намерения с реальным объемом производства или продаж. «Истинные», реальные цифры могут отклоняться от предполагаемых как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения⁷. Проблема состоит лишь в том, чтобы понять — на каком этапе формирования намерения находился руководитель предприятия в момент опроса. Каким образом информация о спросе влияет на предложение? Чем ближе директор фирмы к финалу вынужденной подгонки предложения под спрос, тем больше совпадают планы и их реализация.

То же самое можно сказать о желании покупателя совершить покупку. В какой момент оно превращается в реальный спрос? Когда он отправляется за покупками? Или когда входит в магазин, не находит искомый товар и покупает вместо него что-то другое? Или чуть позже, когда покупает что-то другое во втором или третьем магазине?

Можно отследить этот процесс для каждого продавца и каждого покупателя в отдельности. Но если мы собираемся сложить все намерения и планы по продаже для большого числа продавцов и все намерения купить для большого числа покупателей на конкретный момент или на короткий период, получится, что мы складываем неоднородные элементы⁸. В результате полученная сумма не поддается четкому истолкованию (а без индивидуальных опросов это и невозможно).

За иллюстрацией вернемся к истории с гостиницей. Если в городе десять из двадцати потенциальных постояльцев хотели поселиться в четырехзвездочном отеле, а десять — в двухзвездочном, и при этом как те, так и другие нашли то, что искали, — то все довольны. Но если

7. См., к примеру, расчеты Исследования конъюнктуры рынка (Business Tendency Survey), проводимого ОЭСР (OECD, 2003).

8. Ранее я уже останавливался на вопросе неоднородности: какие проблемы возникают в ситуации, когда мы пытаемся описать поведение группы через поведение одного условного, «среднего» ее представителя. Особую сложность неоднородность вызывает при фиксации предложения и спроса.

все двадцать хотели заселиться в четырехзвездочную гостиницу, но десяти пришлось довольствоваться двумя звездами, то десять довольны, а другие десять – разочарованы, хотя в обоих случаях фактическая статистика по заполняемости отелей будет одинаковой. Таким образом, если все так или иначе получили номера, то исходя из правила «короткой» стороны реальная сумма занятых номеров может быть определена как клиентский спрос. Тем не менее подобное суммирование скрывает тот факт, что некоторые клиенты получили не совсем то, на что рассчитывали, и испытали разочарование.

2.3. ВТОРАЯ СЛОЖНОСТЬ: ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ НАЛИЧИЕ ИЗБЫТОЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ИЗБЫТОЧНОГО СПРОСА

В приведенных ранее умозрительных примерах я облекчил себе задачу, предположив, что для каждой сделки или операции спрос недостаточен, исключив, таким образом, возможность избыточного спроса. С учетом правила «короткой» стороны, в подобных случаях понятно, что именно отражает фактический статистический показатель: он отражает спрос, ведь мы однозначно имели дело с рынком избыточного предложения.

Однако на практике мы не можем быть в этом настолько уверены. Явления избыточного предложения и избыточного спроса могут возникать одновременно. В одних гостиницах может оказаться мало постояльцев, в то время как другие туристы не найдут желаемого. В конечном счете, какие-то перестановки происходят каждый день. Предположим, общая статистика по заполняемости всех гостиниц в городе обновляется ежедневно. Посредством подобного отчета мы не сможем понять, что он отражает – предложение или спрос.

Явления избыточного предложения и спроса не просто сосуществуют, но и взаимодействуют. Продавцу с избыточным предложением (непроданным товаром) может не хватить денег на покупку того, что он собирался приобрести в качестве покупателя. Сокращение его потребительского спроса вызовет избыток предложения у следующего продавца и т. д. (Clower, 1965, 1967; Leijonhufvud,

1968). Распространяясь, явления избыточного спроса начинают оказывать мультиплицирующее воздействие.

Было бы неплохо регистрировать статистику для явлений избыточного спроса и избыточного предложения на микроуровне по отдельности. Тогда мы могли бы достоверно заявлять об их распределении и устанавливать стохастические характеристики для микроявлений.

2.4. ОТКЛОНЕНИЯ: ОБЗОР ПРЕПЯТСТВИЙ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА И МИКРООГРАНИЧЕНИЯ ПО ПРОИЗВОДСТВУ

Серьезную помощь в анализе проблемы сосуществования избыточного предложения и избыточного спроса, а также в наблюдении за этим явлением может оказать регулярный международный опрос, о котором я собираюсь рассказать, но с оговоркой о необходимости корректной интерпретации методологии исследования.

На протяжении нескольких десятилетий 26 центров конъюнктурных исследований в 26 европейских странах ежеквартально задавали образцовым руководителям ряда промышленных предприятий следующий вопрос⁹: «Какие основные факторы ограничивают на данный момент объемы вашего производства?»

Варианты ответов:

- «таких факторов нет»;
- «нехватка рабочей силы»;
- «нехватка сырья и/или оборудования»;
- «финансовые ограничения»;
- «другие факторы» (подробнее).

Прилагаю в качестве примера временную линию для Венгрии (см. рис. II-5 и табл. II-12). Прежде чем делать выводы применительно к теме моего исследования, стоит еще раз подумать — что именно спрашивали у руководителей исследователи конъюнктуры? Возьмем для сравнения наш виртуальный опросник «„Чистые“, простые

9. Относительно методологии опроса см.: OECD, 2003; Nilsson, 2001.

ПРИМЕЧАНИЕ. В ходе исследования респондентов спрашивали о различных факторах, способных тормозить производство. Они могли указать в ответе более одного препятствия.

Ради удобства график отражает лишь отдельные временные линии, то есть не иллюстрирует все колонки таблицы. Вертикальная шкала отражает относительную частоту упоминаний в процентах. Непрерывная серая линия в нижней части рисунка – кривая, отражающая нехватку сырья, запчастей и мощности, выстроена исходя из следующей логики: для каждого рассматриваемого периода мы выбрали самое высокое значение одной из пяти переменных (касающихся дефицита сырья, запчастей и мощности), то есть самую высокую относительную частоту. Иными словами, самый высокий показатель означает пропорцию респондентов, указавших как минимум на один тормозящий фактор. Непрерывная серая кривая иллюстрирует совокупность этих максимальных показателей. Столбец, выделенный серым, отмечает годы смены системы. Данные относятся к первым кварталам указанных годов.

ИСТОЧНИК: непосредственно по материалам Института Копинт-Тарки (Институт экономических и конъюнктурных исследований, Будапешт). График построен на основе данных, приведенных в табл. II-12).

РИСУНОК II-5.

Препятствия для производства продукции в венгерской промышленности, 1987–2010 годы

случаи». Мы задавали совершенно иной по своей сути вопрос! Исследователи не спрашивают руководителей в 26 странах, какой объем продукции они предполагают произвести *при условии наличия спроса*, рассчитывая заранее, с учетом привычных препятствий в производстве на входе. Иными словами, вопрос в данном случае относился не к предполагаемому объему предложения. Они также не спрашивали, захочет ли фирма произвести, скажем, 500 единиц продукции при условии наличия реальных возможностей для производства этих 500 единиц на входе. То есть исследователи не интересовались, каким было бы предложение, независимо от спроса.

Вместо этого в исследовании негласно подразумевалось, что, выстраивая производственные планы, начальник производства наверняка принимает во внимание различные препятствия и поэтому ставит реальные, осуществимые задачи. Прodelать это (исходя из логики данного исследования) можно путем фиксирования процесса формирования предложения на достаточно продвинутой стадии. И вот, в самой середине этого процесса формирования предложения, у руководителя спрашивают, какие факторы, как правило, тормозят производство. То есть: «Если как следует прогнозировать развитие событий, какие препятствия вы обычно учитываете?» Это не буквальное повторение вопроса, заданного в рамках исследования. В такой форме на первый план выходят непроговоренные предположения, формирующие контекст вопроса.

Разумный и выявляющий истину вопрос требует аналогичных ответов¹⁰. Однако он не позволяет понять, с какими ограничениями спроса сталкивается на микроуровне изначальное предложение, дошедшее до пределов практической мощности. Поэтому мы не можем *непосредственно* из данных опроса сделать выводы о величине избыточного предложения или избыточного спроса на микроуровне, следовательно, результаты исследова-

10. Опрос проводился в 26 странах не для того, чтобы измерить масштабы или распространение явлений избыточного предложения и спроса, но с целью оказать практическую помощь в прогнозировании флуктуаций, что в полной мере удалось.

ния не дают и не могут дать четкого, *непосредственного* ответа на ключевой вопрос моей работы (экономика избытка? экономика дефицита?).

Но все же с некоторой оглядкой мы можем получить из приведенных данных *опосредованное* руководство к действию в связи с поставленным мной вопросом. Обратим внимание на то, как в венгерском графике меняется во времени соотношение ответов, отмечающих проблемы на входе и недостаточный спрос. Серая вертикальная полоса на рис. II-5 отмечает период смены систем. Линия времени ясно демонстрирует, что до начала процесса смены системы, в условиях социалистической экономики дефицита, стремление производителей обеспечить непрерывность и рост производства в основном сталкивалось с проблемой ресурсов; основными трудностями являлись нехватка рабочей силы, особенно квалифицированных специалистов, дефицит сырья и запчастей. Две трети респондентов отметили как минимум одну из сложностей, связанных с ситуацией на входе. Нередки жалобы на дефицит спроса, однако до 1989 года данное препятствие не фигурировало и в одной трети ответов.

После смены системы соотношение изменилось. В начале двухтысячных годов около двух третей респондентов отмечают трудности со стороны спроса, тогда как количество жалоб на дефицит сырья и запчастей существенно сократилось¹¹.

2.5. ТРЕТЬЯ СЛОЖНОСТЬ: КАК РАЗГРАНИЧИТЬ «НЕОБХОДИМЫЕ» И «ИЗБЫТОЧНЫЕ» ЗАПАСЫ

Вернемся к магистральной линии наших рассуждений — проблеме выработки понятий и методике измерений.

В «чистых» случаях непроданный конечный запас был классифицирован нами как избыточное предложение. Читателя, возможно, это не удивило, но я обязан обратить внимание на спорный характер этого утверждения.

11. Следует отметить, что дефицит квалифицированных специалистов вызывает трудности и в экономике, которая уже стала капиталистической по своему характеру.

В ситуации с постоянным спросом и постоянным возмещением, если непроданные запасы продукта в течение длительного времени *растут*, можно говорить об избыточном предложении для данного продукта. Но выше я уже подчеркивал, что спрос не является постоянным, он все время меняется и не в последнюю очередь — под влиянием изменений объема предложения. Поддержание запасов товара призвано облегчить взаимное регулирование предложения и спроса.

Когда можно сказать о запасе, что он «слишком велик», то есть что он формирует избыток предложения? Прежде чем ответить, напомним об уровне безопасности, о котором я уже начал говорить ранее (а далее в разборе обозначим его буквой B). Предположим, что запас был не слишком велик, а вполне соответствовал спросу, если 90% покупателей нашли, что искали, и лишь 10% были вынуждены заменить искомый товар другим или покинули магазин, ничего не купив ($B = 0,9$). Однако запас слишком велик (и формирует избыточное предложение), если процент неудовлетворенных покупателей будет не 10, а 9 ($B = 0,91$). Но, если честно, исходная точка произвольна. Почему показатель B обязательно должен составлять 0,9, а не 0,85 или 0,96? Уровень безопасности B не определен, но *заведомо не определен*: на его установление, до определенной степени, влияют спонтанные силы и механизмы регулирования.

Таким образом, заведомо не определено, где заканчивается «необходимое» количество запасов и начинается «избыточное» — «чрезмерные» запасы, которые можно без колебаний назвать *избыточным* предложением¹².

В то время как количественный порог заведомо не определен, мы вполне можем быть уверены в существовании некоторых важных связей:

- при постоянном и организованном восполнении запасов уровень безопасности растет вместе с ростом

12. Этому утверждению не противоречит тот факт, что та или иная фирма должна следовать разумным, продуманным правилам формирования запасов и повторных заказов, влияя таким образом на уровень безопасности B для своих собственных клиентов.

правильно сформированных запасов. Если размер и состав запасов рассматривать как изначально заданные, то уровень безопасности растет вместе с повышением гибкости и регулярности пополнения запасов и скорости выполнения заказов¹³. Эти связи очевидны. Различные модели исследования операций позволяют проводить подробный количественный анализ конкретных связей;

- если политика управления запасами на предприятии (в компании) позволяет достичь высокого уровня безопасности, это влияет на продавца (например, укрепляет его конкурентоспособность) и покупателя (предлагает бóльший выбор и помогает найти самые желаемые товары).

До сих пор речь шла только об избыточном предложении, ведь именно оно является центральной темой исследования, однако эту логику можно распространить и на избыточный спрос. Если все, кто хотел сделать покупку и располагал для этого достаточными средствами, уйдут из магазина с пустыми руками ($B = 0$), совершенно очевидно, что запасы оказались меньше, чем нужно. Но если постфактум обнаружится, что реальный размер и состав запасов дают в результате $B = 0,3$ или $B = 0,4$? Значит ли это, что запас был «слишком мал»? Вынужден повторить: минимальное пороговое значение, после которого мы могли бы утверждать, что запас меньше «необходимого», не определено.

Возвращаясь к проблеме определений: идеи, охарактеризованные выше, уже сами по себе ставят под сомнение значение прилагательных «избыточный» и «излишний». Со своей стороны я пытаюсь (порой безуспешно) говорить об излишних запасах или излишней мощности.

13. Система оперативного пополнения запасов (*just-on-time*) появилась в Японии и получила широкое распространение. Если необходимые производственные запасы (*input stocks*) не заготавливаются заранее, но они всегда прибывают вовремя, непрерывность производственного цикла можно поддерживать и при менее высоком уровне общих запасов.

В книге «Дефицит» (Kornai, 1980) я использовал термины «спад» и «застой» (*slack*); в данной работе им соответствуют «избыток», «излишек», «прирост» (*surplus*). Со времен написания «Дефицита» я провел немало времени среди носителей английского языка и перечитал горы англоязычной прессы. Теперь я понимаю, что слово *slack* обладает пейоративным оттенком, а его использование указывает на ненадежность и разболтанность. Я же стремлюсь к объективности и потому ищу слово более нейтральное. Я сознательно ухожу от окончательного ответа на вопрос, следует ли считать наличие неиспользованных мощностей, остаточного сырья и залежалого, медленно продаваемого товара расточительностью, или ответственным подходом к управлению ресурсами, или учетом непредсказуемого поведения покупателей.

Настаивая на неопределенности порогового значения для «избытка» и «излишков», я не делаю вывода, будто размер непроданных запасов и, соответственно, доля неудовлетворенных покупателей не могут быть определены. И первое, и второе соотношения можно измерить и продемонстрировать в числовом выражении, используя подходящие методы.

Информативный и поддающийся толкованию результат дает анализ состава запасов (см.: Chikán, 1984). Рассмотрим табл. II-3.

Расчет производился по следующей схеме: независимо от экономической системы, для поддержания непрерывности производства и продаж и во избежание потрясений производящей компании нужны запасы — как на входе (средства производства, сырье и т. д.), так и на выходе (готовая продукция). Однако соотношение запасов на входе и на выходе определяется системой. С какой же стороны требуются большие запасы, способные играть роль буфера? Данные табл. II-3 указывают на то, что при социалистической системе формируется экономика дефицита: уверенность в пополнении ресурсных запасов отсутствует, а тотальный дефицит относительно упрощает продажу готового товара; таким образом, соотношение запасов на входе к запасам на выходе очень высоко (Farkas, 1980). При капиталистической системе значение данного соотношения куда ниже. Это значит,

ТАБЛИЦА II – 3.
Соотношение запасов на входе и на выходе,
международное сравнение, 1981–1985 годы

Страна	Среднее соотношение запасов на входе и на выходе в обрабатывающей промышленности
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ	
Болгария	5,07
Чехословакия	3,07
Польша	4,49
Венгрия	6,10
СССР	3,16
КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ	
Австралия	1,36
Австрия	1,06
США	1,02
Великобритания	1,02
Финляндия	1,92
Япония	1,09
Канада	0,92
Норвегия	1,10
ФРГ	0,71
Португалия	1,66
Швеция	0,81

ИСТОЧНИК: автор таблицы – Аттила Чикан, таблица была опубликована в книге «Социалистическая система» (Kognai, 1993a).

что при капитализме, приобретая запасы на входе, меньше шансов столкнуться с дефицитом, а запасы на выходе разбухают, поскольку их труднее реализовать, а производители стремятся быстрее обслужить покупателей, и предложить им более разнообразный ассортимент.

2.6. ЧЕТВЕРТАЯ СЛОЖНОСТЬ: НЕОПРАВДАНОЕ АГРЕГИРОВАНИЕ (AGGREGATION)

Рассмотрим сегмент рынка, где обращаются «родственные» друг другу товары и услуги. В моделях стандартной

микроэкономики среди переменных, объясняющих изменения цен, принято указывать чистое избыточное предложение (*net excess supply*). Если его значение положительное, цена повышается, если отрицательное — понижается (знаменитый «аукционер» в модели общего экономического равновесия Вальраса и «управление по назначению цен» у его последователя Оскара Ланге (1968) [1936–1937] регулируют цены, следуя правилам аукциона до тех пор, пока не приходят к равновесной цене).

Чистый избыточный спрос получают путем простого суммирования данных избыточного спроса (положительное число) и данных избыточного предложения (отрицательное число).

На первый взгляд это кажется логичным, хотя на самом деле тут кроется серьезная логическая ошибка. Предположим, мы анализируем нагрузку на аэропорт на определенном уровне объединения: какова была заполняемость всех бортов, отправляющихся из аэропорта в указанный день. Избыточный спрос: часть пассажиров не смогла улететь в желаемое время. Избыточное предложение: частично самолеты отправились в путь заполненными наполовину. Чистый избыточный спрос: количество пассажиров, получивших отказ на посадке минус количество незанятых мест за данный период времени. Но данная сумма лишена всякого смысла. Утешит ли пассажира, не сумевшего улететь утренним рейсом на 9 часов из Будапешта в Копенгаген, наличие мест на семичасовой вечерний рейс в том же направлении? Что, если у него в полдень была назначена важная встреча?

Замена функции избыточного спроса на так называемые чистые значения — распространенный прием, используемый в теоретических моделях и эмпирических эконометрических проверках¹⁴. Переосмысление проблемы подсказывает: необходим строгий запрет на выведе-

14. Проблемы агрегирования остро встают в связи с моделями неравновесия, применяемыми для макроэкономического анализа социалистических стран (см.: Portes, Winter 1980; Portes et al. 1987). Обзор дискуссии см.: Davis, Charemza eds., 1989; Brabant, 1990.

дение подобных результатов как для чистого избыточного спроса, так и для чистого избыточного предложения.

Все отмеченные сложности с измерениями предупреждают об опасности объединения различных данных. Более того, тщательный анализ отдельных сложностей показывает: в некоторых случаях объединение просто запрещается. Подведем еще раз итоги, на этот раз с точки зрения объединения, для представленных проблем.

1. Нельзя прибавлять конечный запас к «излишку» в виде неиспользованной мощности — это разные уровни «доступности». Из двух случаев возникновения избытка второй — избыток мощности — играет более важную роль: он более постоянен, его сложнее сократить, в отличие от запасов, размеры которых легче контролировать.
2. Спрос и предложение развиваются как динамический процесс. За отдельно взятый промежуток времени намерения каждого продавца и покупателя относительно продажи и покупки могут меняться и «вызревать». Проводя измерения на основе одномоментной выборки, нельзя складывать неоднородные по «степени вызревания» намерения в отношении купли и продажи.
3. Последняя и, наверное, самая большая сложность — нельзя сводить все к «чистым» суммам, то есть нельзя вычитать чистую сумму избыточного спроса из чистой суммы избыточного предложения.

Приведенные наблюдения, безусловно, относятся к агрегированию на нижнем (микро) и более высоких уровнях. Заданная логика прямиком приводит нас к необходимости соблюдать максимальную осторожность при толковании данных для макроуровня. Одновременно определить макропредложение и макроспрос для отдельно взятой экономики невозможно.

Должен искренне признаться: не знаю, где должен находиться в моей собственной системе мышления так называемый разрыв ВВП (*GDP gap*) — показатель разницы между реальным и потенциальным ВВП, который ши-

роко применяется в макроэкономическом анализе. Это еще один своеобразный показатель избыточного предложения, как избыточная мощность для производящей компании или промышленной отрасли. Вполне вероятно, что и этот показатель может дать повод для сомнений и оговорок, которые я только что высказал в связи с агрегированными показателями для более низких уровней. Совершенно понятно, что проблема требует дальнейшего прояснения. Со своей стороны, я пока не готов ни принять этот популярный и признанный показатель, ни отказаться от него.

Я мог бы продолжить список статистических отклонений и проблем с фиксацией наблюдений, но, надеюсь, читателю уже ясно, почему я предпочитаю описывать общее состояние рынка в той или иной стране, пользуясь терминологической парой экономика дефицита/экономика избытка, вместо более привычной многим пары экономика избыточного спроса/экономика избыточного предложения.

2.7. ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ИЗМЕРЕНИЙ И ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА

С учетом сказанного я готов отказаться от попыток определить путем вычислений размеры избыточного предложения или избыточного спроса, исходя из общего объема предложения и спроса для данного рынка при данных ценах. Я не буду пытаться охарактеризовать общее состояние рынка с помощью количественного показателя.

Это отнюдь не означает, что я отказываюсь от измерений. Вместо агрегированных, количественных вычислений, мы можем использовать некоторые частные показатели, способные пролить свет на характерные проявления экономики избытка и экономики дефицита, а также на их состояние и изменения в определенный момент времени.

Приведу примеры таких показателей:

- мощности (потенциал) производителей и поставщиков услуг и реализация этих мощностей;

- оборот запасов, отношение составляющих запаса друг к другу и к объему продаж;
- опрос производителей: что препятствует производству;
- время, затрачиваемое на стояние в очереди и ожидание, покупательские интенции стоящих в очереди относительно реальных продаж.

Примеры таких показателей можно обнаружить в разных разделах исследования, что подтверждает правомочность их использования на практике в качестве методов измерения.

Есть, наверное, и другие показатели, которые отражают отдельные черты проявлений избытка и дефицита. Изобретательные экономисты, исследователи конъюнктуры рынка и статистики могут разработать новые методики наблюдения и измерения. К сожалению, далеко не всегда теоретическая идея базируется на практических данных; зачастую все происходит в обратном порядке — основанная на предположениях теория становится отправной точкой для наблюдений за явлением и для его измерений, и только после этого очередь доходит до статистических обобщений.

Все упомянутые измерения не просто разграничивают два дискретных состояния — избыточное предложение и избыточный спрос. Каждое дает представления об интенсивности явления, его «тяжести». Нам не безразличны объемы неиспользованных мощностей — десять или тринадцать процентных пунктов. Не все равно, какой запас товара скопился на складе — трех- или двадцатитрехмесячный. Три месяца или три года придется ждать покупателя, чтобы получить товар или услугу.

На основании упомянутых и других похожих показателей мы можем проанализировать распределение и динамику явлений избытка и дефицита (или, если классифицировать более подробно, для явлений различной степени интенсивности и «веса») и определить вероятностные характеристики таких распределений. Тщательный анализ показателей позволит нам сделать обоснованные выводы относительно общего состояния того или иного рынка.

2.8. ФОРМИРОВАНИЕ СИНТЕТИЧЕСКИХ, КОМПОЗИТНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Есть смысл обратиться к вычислению так называемых композитных, составных показателей, которые охватывают более широкие сферы экономики страны в целом и позволяют показать ареал распространения и интенсивность явлений избытка или дефицита. Подобные сводные показатели используют в различных целях; приведу несколько самых известных индикаторов:

- индекс [экономической] свободы – призван отражать степень свободы предпринимательства и личности в отдельно взятой стране на данный год (Freedom House, 2010);
- индекс восприятия коррупции – отражает уровень распространения коррупции и ее масштабы в стране на данный год (Transparency International, 2010);
- индекс делового климата – отражает «настроения» лидеров делового мира, оптимизм или пессимизм их ожиданий (см.: Clavel, Minodier, 2009; Erkel-Rousse, Minodier, 2009).

Для подобных вычислений характерна невозможность непосредственного измерения интенсивности или совокупного объема того или иного явления, при этом можно легко измерить целый ряд частных явлений. Достаточно смоделировать функцию, где объяснимые переменные – частные индикаторы частных явлений, а переменная, вычисляемая с помощью функции, – композитный показатель (индекс свободы, индекс коррупции, индекс делового климата – соответственно)¹⁵.

15. Впервые я обратился к этой идее в книге «Рост, дефицит и эффективность» (Kogut, 1982). Позднее мы с коллегами запустили масштабную исследовательскую программу по вычислению синтетического показателя дефицита (индекс дефицита). Когда произошла смена системы, проект был свернут и все его участники, включая меня, обратились к другим задачам. Когда же экономи-

Композитный показатель можно вывести из частных индикаторов, используя разные процедуры. Самое простое (и, конечно, приблизительное) – рассмотрение среднего значения частных индикаторов как синтетического показателя. Иногда задействуется факторный анализ, и полученные в результате вычислений факторы, обладающие максимальным весом и объяснительной силой, классифицируются как синтетические показатели.

Задача нашей работы не сводится к разработке методологии для вычисления композитных показателей, позволяющих синтетическим образом измерять избыток и дефицит. Не берусь также утверждать, будто подобные индикаторы можно вывести из краткого обзора анализируемого здесь явления. Для этого потребовалось бы тщательное изучение поведения частных индикаторов, отражающих состояние рынка, корреляции между ними и т.д. Я просто хотел дать читателю понять, что сложение и вычитание – не единственные операции для синтетического расчета сложных явлений, плохо поддающихся статистическому описанию. Стоит серьезно переосмыслить опыт, полученный в ходе суммирования других комплексных явлений, не поддающихся измерению с помощью количественных индикаторов.

Я хотел бы подчеркнуть «нейтральный» характер предложенного понятийного и измерительного аппарата. Его можно применить и к рынку, где доминируют явления избыточного предложения, и к рынку с преобладанием избыточного спроса. Он настолько нейтрален, что позволяет делать вычисления для определения реального состояния рынка, независимо от собственной системы ценностей или симпатии/антипатии по отношению к той или иной системе.

ка дефицита в Венгрии благополучно сошла на нет, тема потеряла актуальность. Я вспомнил о ней только сейчас, столкнувшись с проблемой синтетического измерения явлений избытка.

II-3

Рынок рабочей силы: механизм воспроизведения избытка

3.1. ПРОЯСНЕНИЕ ПОНЯТИЙ И ИЗМЕРЕНИЙ

Прежде чем перейти к анализу рынка рабочей силы по существу, необходимо прояснить ряд понятий и рассмотреть проблемы, связанные с измерениями. Я бы хотел использовать подход, аналогичный тому, который был применен при анализе рынка товаров и услуг. Таким образом, моя задача – выяснить характер отношений между понятийным аппаратом и показателями, фигурирующими в статистике по рынку труда¹.

С проявлениями дефицита дело обстоит сравнительно просто. Статистика фиксирует *количество свободных рабочих мест* (вакансий), что, в свою очередь, прекрасно отражает дефицит рабочей силы.

Точно так же статистика сообщает о количестве *зарегистрированных безработных* – ключевая информация по избытку рабочей силы. Однако количественный анализ избыточности на рынке рабочей силы этим не исчерпывается.

Следуя логике нашего исследования, начнем с вопроса: что требуется измерить? Далее сопоставим с этим уже имеющиеся данные. Возьмем экономику в масштабах одной страны в определенный момент времени. Обозначим все население страны через Q и выделим четыре группы.

1. С международной терминологией можно ознакомиться в публикациях МОТ – Международной организации труда (ILO, 2010).

1. Часть граждан страны не будет работать *ни при каких условиях* в силу различных объективных причин. Прежде всего, речь о детях. Статистика, как правило, считает трудоспособными тех, кто уже достиг четырнадцатилетнего возраста (хотя из истории экономики нам известно, что законы о запрете на использование детского труда были приняты относительно недавно, и в экономически отсталых странах детей по-прежнему в массовом порядке берут на работу). Часть населения неспособна ни к какой работе по причине физического и /или психического недуга либо вследствие хронических заболеваний (внимание: нельзя механически причислять к данной группе всех, кого официально считают недееспособными; многие из них вполне могли бы работать, будь для них созданы соответствующие социальные и экономические условия). Сюда относятся старики, признанные недееспособными в силу болезней, телесной или психической слабости (но не следует считать всех людей старшего возраста неспособными к работе – даже притом, что официальная статистика проводит границу между трудоспособным и нетрудоспособным населением на уровне семидесяти четырех лет. Автор этих строк ощущает себя вполне работоспособным, хотя на момент их написания ему исполнилось 83 года). Наличие примечаний в скобках после каждой категории «нетрудоспособных» граждан указывает на некоторую неоднозначность критериев. Обозначим число *нетрудоспособных граждан* буквой *N*.

2. Следующую группу образуют *трудоспособные, но неработающие* граждане. Обозначим их буквой *M*. От выхода на рынок труда и поисков работы их удерживают какие-то причины, а именно:

- работа им не нужна, поскольку они могут содержать себя, пользуясь средствами из других источников (личное имущество, заработок других членов семьи, социальная помощь от государства и т.д.);
- они получают пенсию, которая в достаточном объеме восполняет доходы от работы;

- искать работу им не позволяет традиция. Особенно важным этот фактор становится для занятости женщин;
- существование иных важных факторов женской занятости: женщины не идут работать из-за отсутствия учреждений, способных обеспечить уход для членов семьи, вверенных их заботам (то есть яслей, детских садов, групп продленного дня для детей, социальных амбулаторных центров для стариков и т.д.; при наличии подобных заведений они бы могли наниматься на работу).
- долгие и безуспешные поиски привели к тому, что поиск был прекращен из-за неимения подходящих вариантов. Эту группу называют *отчаявшимися работниками* (*discouraged workers*). В венгерской статистике труда они фигурируют как *пассивные безработные*.

Перечисленные факторы до определенной степени накладываются друг на друга. Поскольку данный вопрос находится на стыке экономики, социологии и социальной психологии, сложно сказать, до какой степени решение об отказе от поиска работы является добровольным или вынужденным. Вынуждающим обстоятельством может стать общественная норма («женщине место дома») или отсутствие практических условий для работы (отсутствие детских садов или слишком высокая плата за их посещение). Где тот предел, после которого ищущий работу теряет надежду и «добровольно» уходит с рынка рабочей силы?

Готов признать: нельзя провести совершенно четкую грань между двумя описанными группами — нетрудоспособным населением и теми, кто способен работать, но не делает этого. Однако, по сути, можно понять, в чем заключается разница.

3. Официальная статистика регистрирует количество безработных. Обозначим его буквой *U*. Существуют жесткие критерии для разграничения безработных, активно ищущих работу, и пассивных безработных, которые перестали ее искать (то есть на момент опроса «безработ-

ный» должен активно искать работу в течение четырех недель и т. д.). Вопрос, конечно, несколько произвольный (почему четыре недели, а не три, не пять?), но этим грешат любые статистические выкладки.

4. И, наконец, существует доля реально занятого населения, количество таких людей обозначим через E .

В статистике сумму занятых и продолжающих поиски работы безработных называют *экономически активной* группой населения. В англоязычной литературе используют термин *labor force – трудовые ресурсы*. Их количество обозначим через A , где $A = E + U$ (группа, не входящая в трудовые ресурсы, это, соответственно B , где $B = Q - A$).

По логике данного исследования избыток трудовых ресурсов (T) должен складываться не только из официально зарегистрированных безработных, но и из неактивного, но способного к труду населения ($T = M + U$). Это резерв рабочей силы (используя марксистский термин), откуда можно черпать трудовые ресурсы, если они понадобятся на рынке труда. Когда конъюнктурный (экономический) цикл идет на подъем, рынок расходует часть избытка, что не только снижает безработицу, но и привлекает в активную сферу часть населения, которая ранее не была активной и не искала работу. Особенно хорошо это явление дает о себе знать во время войны, когда происходит в буквальном смысле мобилизация ресурсов и людей привлекают к производительному труду в обязательном порядке.

Официальная статистика проводит границу между экономически активным и пассивным населением иначе; концептуальные различия более четко просматриваются в табл. II–4.

Понятийная структура данной работы не совпадает с определениями официальной статистики в критической точке: статистика не ведет регулярный учет количества трудоспособного, но экономически неактивного населения. В отдельных исследованиях встречается категория «возрастные группы трудоспособного населения», куда обычно относят граждан в возрасте 14–74 лет, од-

ТАБЛИЦА II-4.
Связи между понятиями, используемыми в данной работе,
и терминологией статистики по рынку труда

Понятийная система данного исследования		Понятийная система статистики по рынку труда	
Избыток трудовых ресурсов ($T = M + U$)	$\left\{ \begin{array}{l} \text{Нетрудоспособное население } (N) \\ \text{Трудоспособное, но неактивное население } (M) \end{array} \right\}$	Экономически неактивное население (B)	
			$\left\{ \begin{array}{l} \text{Безработные } (U) \\ \text{Занятые } (E) \end{array} \right\}$
	Дефицит рабочей силы	Незанятые рабочие места (V)	
	Общее количество населения ($Q = N + M + U + E$)		Общее количество населения ($Q = B + A$)
ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ (ПРОЦЕНТНЫЕ) ПОКАЗАТЕЛИ			
Доля избытка ($t = T/Q$)		Доля экономически неактивного населения ($b = B/Q$)	
Доля трудоспособного, экономически неактивного населения ($m = M/Q$)		Доля рабочей силы (или доля экономически активного населения) ($a = A/Q$)	
Доля безработных (коэффициент безработицы) ($u = U/Q$)		Доля безработных (коэффициент безработицы) ($u = U/Q$), или ($u' = U/Q$)	
Доля дефицита ($v = V/Q$)		Доля незанятых рабочих мест ($v = V/Q$), или $v' = V/W$, где W — количество всех рабочих мест	

ПРИМЕЧАНИЯ. Официальная статистика по рынку труда, как правило, снабжает относительные показатели апострофами, как u' и v' . Тем не менее соотношения u и v можно легко восстановить из официальной статистики. Чтобы рассчитать долю активности, статистика по рынку труда использует в качестве знаменателя не общее количество населения Q , а меньшее число — Q' (трудоспособное население в возрасте от 14 до 64 лет).

нако такое определение не совпадает с делением, предлагаемым мной, ведь в этих возрастных группах могут оказаться отдельные личности, которые ни при каких условиях не смогут работать, а среди людей старше 74 лет попадаются люди, способные к труду, но не работающие.

Далее я исхожу из предположения, что статистический показатель b — доля экономически неактивного населения — является приемлемой заменой для показателя m — доли трудоспособного, но экономически неактивного населения (последний фигурирует в аргументации данного исследования, но статистически не фиксируется). Этот показатель отвечает моим целям в рамках дальнейшего анализа: в сравнении данных по конкретной стране во временной перспективе и демонстрации «значительных» отклонений, в зависимости от экономической системы. Мои предположения, главным образом, основаны на логическом переосмыслении проблемы. Согласно моей гипотезе доля нетрудоспособного населения — величина фиксированная и находится в прямой зависимости от демографических и медицинских факторов. При этом деление *внутри* группы трудоспособного населения на экономически активных и пассивных граждан зависит от социальных и экономических факторов. Результат этого деления довольно четко «виден» в предложенной мною переменной M (которую мы в данный момент не измеряем), тогда как официальная статистика добавляет к этой переменной более-менее постоянную цифру (доля нетрудоспособного населения N) и рассматривает лишь сумму $B = N + M$.

Задача исследователей в будущем — эмпирическим путем разграничить нетрудоспособное и трудоспособное, но неактивное население и измерить количество людей в обеих группах. Эти данные вполне поддаются измерению.

3.2. ПОТЯСЕНИЕ НА РЫНКЕ ТРУДА, ВЫЗВАННОЕ СМЕНОЙ СИСТЕМЫ

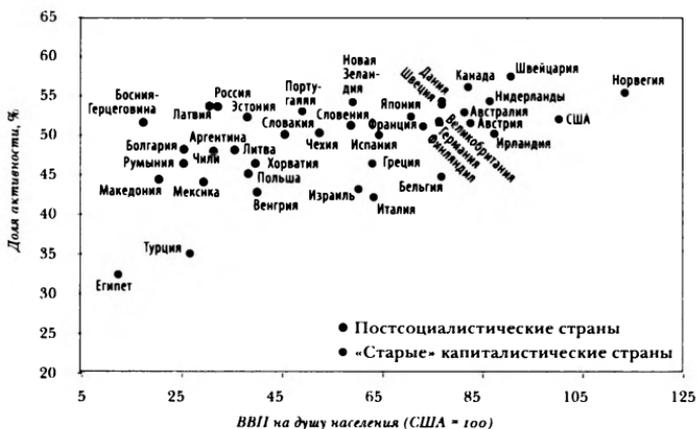
Ранее я ссылался на фото длинной очереди перед польским гастрономом времен экономики дефицита. Сегодня полки в магазинах Польши и других постсоциали-

стических стран ломаются от обилия товаров. Покупатели привыкли к этому и считают нормой.

Параллельно произошли изменения и на рынке труда. До 1989 года в более развитых социалистических странах Центральной и Восточной Европы, а также в СССР наблюдался острый дефицит рабочей силы. Смена системы вызвала шок массовыми увольнениями и длительной безработицей. В течение нескольких лет резко сократилась доля экономически активного населения (реально работающих и безработных, активно ищущих работу). На товарном рынке привыкнуть к экономике избытка легко, но к новым условиям рынка труда приспособиться оказалось невозможно — тягостные ощущения никуда не уходят.

Меня, как восточноевропейского экономиста, этот поворот вынудил переосмыслить связь между состоянием рынка рабочей силы и системой (социалистической или капиталистической), в рамках которой этот рынок функционирует. Печально наблюдать, с каким равнодушием относятся к данной теме западные ученые. Если не ошибаюсь, никто из западных специалистов по экономике трудовых ресурсов не взялся сравнить опыт капитализма и социализма в данной области. Участники западного экономического дискурса полагают самоочевидным сохранение безработицы даже в условиях так называемой полной занятости. Меня до сих пор охватывает раздражение (вплоть до возмущения), когда я встречаю столь часто используемое канонизированное выражение «естественная доля безработицы»². Естественная? Неужто природа, породившая леса и зайцев, скалы и землетрясения, предопределила и наличие безработицы? На протяжении многих десятилетий я выступал как последовательный критик социалистической системы, но и враги, и друзья этой системы должны понимать, что

2. Во избежание недопонимания отмечу, что мои рассуждения не касаются содержания теории естественного уровня безработицы, которая служит предметом дискуссий в широких кругах макроэкономистов, искренне обеспокоенных проблемой безработицы. Меня смущают не исследования коллег, но не вполне удачный термин.

Данные по Люксембургу слишком сильно отличались от всех остальных, поэтому его решено было не указывать.

ИСТОЧНИКИ: ВВП на душу населения – Бюллетень Всемирного банка (World Bank, 2010); для расчета соотношения экономически активного к трудоспособному населению использованы данные МОТ (ILO, 2010).

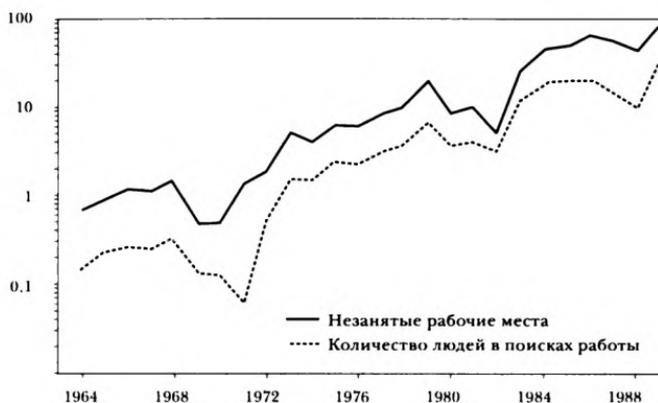
РИСУНОК II – 7.

Соотношение активного и трудоспособного населения и уровень экономического развития, 2009

Используя тот же принцип, мы составили новый график по состоянию на 2009 год (рис. II–7).

Рисунок II–6 заслуживает особого внимания тем, что во всех социалистических странах (см. область, обведенную пунктирной линией) соотношение активного и трудоспособного населения выше, нежели в капиталистических странах со схожим уровнем развития.

При сравнении рис. II–6 и II–7 бросается в глаза изменение, вызванное сменой системы: «мешок», обведенный пунктирной линией, «рассыпался». Бывшие страны социалистического лагеря уже не парят высоко над остальными странами. Обозначенные кружочками постсоциалистические страны на рис. II–7 теперь смешались с остальными странами и заняли свои места сообразно уровню развития в условиях капитализма; кое-кто даже опустился ниже прежнего.

ИСТОЧНИК: график, заимствованный из книги «Социалистическая система» (Kornai, 1993), составлен Яношем Кёлле на основе данных Фалленбухля (Fallenbuchl, 1982, с. 33) и Хольцмана (Holzman, 1990, с. 6).

РИСУНОК II-8.

Количество незанятых рабочих мест и людей, ищущих работу в Польше, 1964–1988

К сожалению, в свое время никем не проводились общие опросы в нескольких странах для измерения дефицита рабочей силы. В отсутствие иных данных я решил использовать график, построенный на материалах, полученных в ходе одного польского исследования (Kornai, 1993a). Временная линия на рис. II-8 заканчивается 1988 годом. Кривая показывает соотношение незанятых рабочих мест к количеству безработных. На вертикальной оси видна логарифмическая шкала: в 1988 году на каждого ищущего работу приходилось по 86 незанятых рабочих мест.

В табл. II-5 показаны временные ряды по количеству экономически неактивного населения, безработных, незанятых рабочих мест для ряда бывших социалистических, а ныне — постсоциалистических стран.

Таблица четко отражает следующие процессы:

- в ряде стран после смены системы резко сократилась доля экономически активного населения. Увеличился избыток рабочей силы, то есть количество

ТАБЛИЦА

Доли экономически неактивного населения, безработных и количества

Год	Чешская Республика			Эстония		Польша			Латвия		
	<i>b</i>	<i>u</i>	<i>v</i>	<i>b</i>	<i>u</i>	<i>b</i>	<i>u</i>	<i>v</i>	<i>b</i>	<i>u</i>	<i>v</i>
1989	53,54			47,10	0,30	54,06		0,12	46,49		
1990	53,05		0,40	47,89	0,34	54,45		0,12	47,39		
1991	52,18		0,75	48,73	0,78	54,77		0,08	48,35		
1995	50,77	2,02	0,96	52,50	4,73	56,08	5,90	0,08	52,72		
2000	50,47	4,45	0,57	53,30	6,57	55,62	7,25	0,03	55,04	6,62	
2005	49,98	4,02	0,83	52,01	3,87	54,75	7,97	0,12	52,18	4,32	0,53
2006	49,96	3,63	1,21	50,58	3,01	55,18	6,14	0,17	50,88	3,50	0,84
2007	50,22	2,69	1,36	50,25	2,38	55,06	4,25	0,17	49,72	3,13	0,89
2008	50,40	2,23	4,46	49,47	2,86	54,35	3,18	0,10	48,53	4,01	0,47

ПРИМЕЧАНИЯ. Все три индикатора рассчитаны как отношение показателя рынка труда к общему числу населения. Согласно определениям, данным в табл. II-4, колонки в таблице отражают цифры по следующим показателям: $b = B/Q$ – доля экономически неактивного населения; $u = U/Q$ – доля безработных; $v = V/Q$ – доля незанятых рабочих мест. Мы выбрали эти формулы, чтобы все три соотношения было проще сравнивать. Для Эстонии, Словакии и Словении отсутствует официальная статистика по количеству

трудопособных людей, которые перестали быть экономически активными по различным причинам, останавливаться на которых мы здесь не будем. Одна из причин – отсутствие перспективы найти подходящую работу; многие испытали разочарование;

- до смены системы в большинстве стран региона не велась статистика по безработице, однако известно, что явление спорадически наблюдалось³. После 1989–1990 годов количество безработных резко возросло и приблизилось к западному уровню.

3. Замечание относится к безработице «за заводскими воротами», а не к тому, что происходит «на территории завода» – широко распространенная практика, когда люди с действующими трудовыми договорами не могли должным образом выработать свои часы.

Год	Литва			Венгрия			Словакия		Словения	
	<i>b</i>	<i>u</i>	<i>v</i>	<i>b</i>	<i>u</i>	<i>v</i>	<i>b</i>	<i>u</i>	<i>b</i>	<i>u</i>
1989	49,30			56,14			51,69		59,02	
1990	49,85			56,38			51,50		58,88	
1991	50,01			56,83		0,21	50,71		58,56	
1995	51,63			59,96	4,03	0,37	53,87	6,05	52,63	3,46
2000	52,98	7,68		59,49	2,62	0,42	52,13	9,03	52,68	3,07
2005	53,53	3,89	0,23	57,91	03,00	0,41	50,63	7,94	50,40	2,85
2006	53,88	2,64	0,58	57,46	3,15	0,30	50,67	6,55	50,27	2,94
2007	53,42	2,06	0,80	57,52	3,11	0,25	50,69	5,41	49,99	2,39
2008	52,92	2,84	0,67	57,75	3,29	0,21	50,14	4,74	49,86	2,26

незанятых рабочих мест. Ради упрощения работы с таблицей мы исключили часть временных рядов.

ИСТОЧНИКИ: данные по экономически неактивному населению, безработным и количеству незанятых рабочих мест – МОТ (ILO, 2010); незанятые рабочие места – ОЭСР (OECD, 2010); для Латвии и Литвы источник по количеству незанятых рабочих мест – по материалам Latvijas Statistika (2010) и Департамента статистики (Statistikos Departamentas, 2010).

Мне не удалось получить данные по дефициту рабочей силы на период, предшествовавший смене системы, – единственный доступный индикатор я уже привел. Даже в самые тяжелые годы переходного периода незанятые рабочие места еще попадались, однако показатели в табл. II–5 получились очень низкие – явления дефицита на рынке труда интенсивностью не отличаются.

3.3. КЕЙНСИАНСКАЯ БЕЗРАБОТИЦА

Почему в экономически более развитых социалистических странах формируется и воспроизводится дефицит рабочей силы? Все не из-за желания партийного государства и дальше проводить политику «тотальной занятости». Рынок рабочей силы стал таким не по решению пра-

вающей политической группы или распоряжению генплана, но в силу особенностей и внутренней логики системы.

Позволю себе вкратце и упрощенно изложить механизм, детально описанный в моих предыдущих работах, в первую очередь в «Социалистической системе» (Когнаі, 1993).

Предприятия находятся в собственности государства. Их руководителями, помимо всего прочего, движет желание расширить производство (одно из проявлений кейнсианского иррационального *животного начала*), что сопровождается неутолимой жадой инвестирования — они стремятся произвести как можно больше капиталовложений в реальный сектор, независимо от затрат. Склонность к безоглядным инвестициям подпитывает отсутствие жестких бюджетных ограничений. Даже если бюрократическое распределение средств несколько тормозит процесс, система допускает перерасход и оплачивает убыточные инвестиции.

Инвестиционный голод — вполне достаточное объяснение того, почему рост (по большей части — погоня за ростом, насаждаемая «сверху») рано или поздно приводит к мобилизации всех доступных трудовых резервов. На ранней стадии экономический рост социалистического типа мог опираться на приток в промышленность рабочих рук из сельского хозяйства и переход женщин из категории домохозяек в категорию полноценных работников, но со временем эти дополнительные источники иссякли, и нехватка рабочей силы стала ограничивать рост.

Характерные признаки классической социалистической системы — жесткий государственный контроль цен и зарплат. По этой причине напряжение на рынке рабочей силы не оказывает инфляционного воздействия, как в рыночной экономике. Даже если здесь иногда поднимают цены и зарплаты, мягкие бюджетные ограничения делают предприятия куда менее зависимыми от расходов, нежели при капитализме.

Процесс инноваций тем временем идет намного медленнее, чем при капитализме; производительность труда растет урывками или находится в состоянии стагнации. Стремление расширяться требует, в первую очередь, лишь увеличения количества работающих, однако уро-

вень экономической активности трудовых ресурсов в обществе достигает своей верхней границы. Дефицит рабочей силы становится массовым и хроническим явлением⁴.

Описанная ситуация – зеркальное отражение механизма формирования безработицы, каким его описывает Кейнс (не совсем полная его противоположность, но к этому я еще вернусь). В случае с социализмом, *животное начало* и вместе с ним макроспрос вырываются на волю в результате наличия: 1) государственной собственности; 2) государственной казны, оплачивающей любые счета, и мягких бюджетных ограничений; 3) контроля над ценами и зарплатами. Если история заменяет эти три ключевые детали механизма и на первый план выходят: 1) частная собственность; 2) государство, которое отказывается финансово поддерживать убыточные проекты и ужесточает бюджетные ограничения; 3) если при этом цены и зарплаты определяет рынок – то ситуация поворачивается в другую сторону. Производители по-прежнему хотят производить больше и нуждаются в притоке рабочей силы, но им приходится учитывать спрос и финансовые ограничения. Это не позволяет им превышать лимиты доступной рабочей силы при расширении производства или найме работников⁵. Если избыток рабочей силы становится слишком велик, последствия сказываются на зарплате работников лишь с большим опозданием или не сказываются совсем. Зарплаты остаются неэластичными (см.: Blanchard, Gali, 2007).

Относительно метафоры «отражения» замечу, что речь действительно идет не о полной противоположно-

4. Прилагательное «хронический» не совсем уместно, поскольку период интенсивного экономического роста с параллельным дефицитом рабочей силы продлился недолго. К моменту, когда процесс можно было назвать хроническим, система уже рушилась. Здесь как раз и следует искать одну из причин краха: при социалистической системе, неспособной к быстрым инновациям и росту производительности, истощение свободных доступных трудовых ресурсов для производства сильно замедлилось, а затем перешло в стагнацию.

5. Этот контраст удачно демонстрируют модели неравновесия Бенасси (Benassy, 1982) и Малинво (Malinvaud, 1977).

сти, по крайней мере в историческом аспекте кейнсианской теории. Последняя рассматривает безработицу как *циклическое* явление: колебания цикла приводят к ситуации, когда недостаточный спрос ведет к спаду занятости. Я же в своем анализе противопоставляю *хронические* явления: на зрелом этапе экономического развития социалистическая система демонстрирует хронический дефицит рабочей силы, а капиталистическая рыночная экономика — хронический избыток рабочей силы. В большинстве стран он сохраняется даже в периоды подъема; его формируют те, кто активно ищет работу, но находит ее, а также трудоспособные люди, которые не стали регистрироваться как безработные, но могут вернуться в число работающих при определенных социальных и экономических обстоятельствах. Теория Кейнса помогает понять причинно-следственный механизм этого продолжительного и хронического явления — даже в том случае, если мои выводы выходят за рамки ее положений (я подчеркиваю хронический, длительный характер явления).

В возникновении и поддержании избытка рабочей силы в рамках капиталистической системы участвуют и другие механизмы; одни действуют параллельно, другие накладываются друг на друга и даже переплетаются⁶. Большинство экономистов считают, что одним из них является механизм формирования кейнсианской безработицы, чей постоянный *вектор* направлен в сторону увеличения безработицы и сокращения количества экономически активного населения. Степень ускорения или замедления его влияния зависит уже от других факторов, например от экономической политики государства. Ослабление спроса и финансовых ограничений однозначно приостанавливает формирование избытка рабочей силы.

6. Существует масса работ по теории занятости, зарплат и рынка труда. В данном исследовании не ставится целью обзор всей литературы по теме или подробный разбор отдельных работ. Автор обращает внимание лишь на работы, непосредственно связанные с предметом обсуждения.

3.4. СТРУКТУРНАЯ БЕЗРАБОТИЦА

Так называемая *структурная безработица* — продукт механизма, глубоко укорененного в капитализме⁷. Инновационный процесс и динамизм капиталистической экономики, шумпетеровское созидательное разрушение постоянно создают и одновременно уничтожают рабочие места. Эти два процесса не сбалансированы между собой. Потеряв работу в одном месте, человек не обязательно найдет новое, только что созданное рабочее место, а может и не подойти для него.

Внедрение новых технологий на производстве требует особых профессиональных навыков. По многим параметрам эти требования не совпадают с существующей квалификацией работников, вследствие чего работники прежней квалификации могут стать ненужными. На адаптацию и приобретение новых навыков уйдет время, а новую работу за этот период можно и не найти. Кроме того, есть работники, не способные разобраться в новых технологиях, — такие в конечном итоге перестают быть частью потенциального трудового ресурса.

Динамизм экономики и созидательное разрушение постоянно вытесняют с рынка старые компании, что, опять же, приводит к утрате рабочих мест. Конечно, все время появляются новые компании и предприятия с потребностью в работниках, но нет гарантии, что предложение (в виде новоиспеченных безработных) удовлетворит возникший спрос.

Рост производительности труда приводит к разнообразным последствиям. Самое распространенное: на смену ра-

7. В определении прилагательного «структурная» в данном термине полного консенсуса пока нет. Кто-то считает «структурную» и «фрикционную» безработицу одним и тем же понятием (или двумя сторонами одной медали). Четко разграничить два этих явления, безусловно, непросто. В рамках данного исследования прилагательное «структурная» относится к группе явлений, связанных с шумпетерианским творческим разрушением, постоянным технологическим и отраслевым перераспределением производства между регионами и странами.

бочей силе приходит капиталоемкое оборудование. С ростом производительности и интенсивным развитием экономики растет и производство, создавая новые рабочие места. Однако между двумя типами изменений возникают диспропорции; рост числа рабочих мест может не успевать за образующимися излишками рабочей силы. Географическое распределение обоих процессов также не совпадает.

Яркий пример – преобразования в сфере сельского хозяйства. В деревне возникает массовый переизбыток рабочей силы, в то же время урбанизированные регионы не в состоянии с достаточной скоростью «переварить» приток работников из села.

Территориальное перераспределение спроса на рабочую силу происходит не только внутри стран, но и на международном уровне. По мере ускорения развития в ряде государств, которые прежде отставали (достаточно вспомнить о сумасшедших темпах роста в Китае и Индии), дешевый экспорт вытесняет с рынка производителей в более развитых странах. Если бывший китайский или индийский крестьянин переселяется в город и начинает работать на заводе, немецкий или бельгийский рабочий теряет свой заработок. Это один из побочных эффектов глобализации.

Мы приблизились к одному из самых важных выводов, которые можно сделать из данных рассуждений. Чем динамичнее развивается капиталистическая экономика, то есть чем сильнее проявляется данная положительная системная характеристика, тем активнее формируется структурная безработица (иными словами, тем сильнее дает о себе знать отрицательная системная характеристика).

Динамизм и инновация – основы капиталистической экономики, и это в свою очередь не позволяет точно предсказать, в каком направлении пойдет развитие. Кто в 1930-е годы, когда на Западе еще строили страны из «железа и стали», мог предвидеть, что готовится надо к эпохе информационных и коммуникационных технологий, которая наступит через полвека? Кто мог предугадать стремительные перемены в географическом распределении мирового производства, свидетелями которых мы являемся сегодня? Все то, что восхищает нас в капитализ-

ме, ведет к покорению новых вершин человеческого духа и распространению цивилизации, сопровождается потерей миллионов рабочих мест и утратой стабильности даже для тех, кому удалось сохранить работу.

3.5. НЕСОГЛАСОВАННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ФРИКЦИОННАЯ БЕЗРАБОТИЦА И ПОИСК

Избыток рабочей силы и количество безработных увеличиваются еще и за счет несовпадения предложения и спроса в сфере трудовых ресурсов. Как правило, наблюдается *дисбаланс (mismatch)*; иными словами, профессиональная подготовка тех, кто ищет работу, не соответствует квалификации, необходимой для новых рабочих мест. Иногда преодолеть этот разрыв невозможно, а в некоторых случаях «продавцы» и «покупатели» рабочей силы могли бы удовлетворить взаимным требованиям, но не знают друг о друге. Данный аспект проблемы тесно связан с информационной структурой рынка труда. Безработные, в буквально смысле слова *ищут* работу, а работодатели находятся в поиске подходящих трудовых ресурсов. Процесс этот утомителен и долг. Все время поиска соискатели остаются без работы (подробнее о фрикционной безработице и теории поиска см.: Kornai, 1970; Phelps et al., 1970; Diamond, 1982; Pissarides, 2000, главы 5 и 6).

Дисбаланс возникает в рамках любой социально-экономической системы, независимо от того, что характеризует рынок труда, — дефицит или избыток. Механизм адаптации (*adaptation friction*) неизбежно приводит к появлению фрикционной безработицы (в тех или иных объемах), поэтому его *нельзя* привязать к той или иной системе (хотя даже этот механизм подвержен влиянию окружающей среды, общего состояния рынка; об этом позже).

В силу информационных пробелов и времени, уходящего на поиски, структурная и фрикционная безработицы тесно связаны между собой и в определенном смысле накладываются друг на друга. Если бы от всех участников рынка поступала полноценная информация, включая точные прогнозы на будущее, дисбаланс, вызванный структурными трансформациями, был бы менее ощу-

тим. И наоборот: если бы структура была менее подвижной (в плане технологий, географического и отраслевого распределения), согласовать предложение и спрос было бы куда легче. В рамках чрезмерно централизованной, забюрократизированной и малоподвижной социалистической экономики с ее замедленным техническим развитием проблемы были и с тем и с другим. Однако самым серьезным препятствием служили ограничители технического прогресса. Бурное развитие технологий при капитализме само по себе приводит к значительной структурной безработице (как бы ни был отлажен процесс обмена информацией с обеих сторон), поэтому данное явление я отношу к системным характеристикам капитализма, в отличие от фрикций, связанных с нехваткой информации⁸.

Два пересекающихся явления — непрерывная структурная реорганизация и помехи при согласовании — приводят к тому, что на рынке труда одновременно возникают и дефицит, и избыток рабочей силы. Мы уже несколько раз отмечали одновременность присутствия дефицита и избытка в связи с распределением товаров, услуг и мощностей. Теперь к этому списку можно добавить и аналогичные процессы на рынке труда. Наглядный пример — статистические данные, приведенные в табл. II-6. На основе таблицы был составлен график с временными рядами для трех стран (рис. II-9)

Таблица II-6 и график на рис. II-9 подтверждают оба положения:

- 1) дефицит и избыток постоянно сопровождают друг друга;

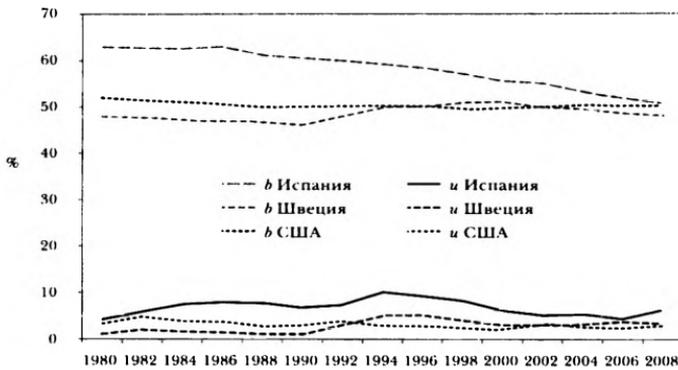
8. Фрикции, вызванные нехваткой информации, случаются в обеих системах, однако при капитализме заинтересованные стороны острее ощущают на себе последствия ошибок, чем при социализме. Социалистическое предприятие может пережить финансовый ущерб, даже если оно не слишком эффективно эксплуатирует свои трудовые ресурсы (мягкие бюджетные ограничения это позволяют). Работники также подвержены разбалансировке рынка труда, поскольку разрыв между зарплатами меньше, а работу сменить нетрудно, если есть желание.

ТАБЛИЦА II – 6.
Сравнительные данные по количеству экономически неактивного населения, безработных и незанятых рабочих мест в различных странах, 1980–2008

Год	США			Великобритания			Япония			Испания			Швеция		
	<i>b</i>	<i>u</i>	<i>v</i>	<i>b</i>	<i>u</i>	<i>v</i>	<i>b</i>	<i>u</i>	<i>v</i>	<i>b</i>	<i>u</i>	<i>v</i>	<i>b</i>	<i>u</i>	<i>v</i>
1980	51,96	3,33		53,80		0,17	54,07	0,98	0,32	62,87	4,08	0,03	47,97	1,16	0,36
1982	51,47	4,57		53,82		0,26	53,60	1,12	0,31	62,70	5,69	0,05	47,56	1,85	0,25
1984	50,96	3,58		52,90	5,15	0,29	53,09	1,32	0,33	62,37	7,29	0,10	47,21	1,85	0,44
1986	50,23	3,39		51,56	5,80	0,41	52,86	1,37	0,36	62,95	7,72	0,12	46,77	1,52	0,55
1988	49,82	2,69		50,80	4,46	0,39	52,34	1,27	0,51	61,04	7,51	0,15	46,46	1,01	0,59
1990	49,72	2,76		50,14	3,51	0,21	51,19	1,09	0,52	60,28	6,46	0,11	46,01	0,99	0,22
1992	49,94	3,68		50,99	4,85	0,22	50,27	1,14	0,38	59,83	7,39	0,05	48,03	3,00	0,10
1994	49,99	2,99		51,62	4,74	0,32	50,20	1,54	0,38	58,86	9,88	0,07	49,59	4,82	0,17
1996	49,73	2,64		51,72	4,03	0,49	50,04	1,80	0,44	58,22	9,26	0,13	49,77	5,00	0,18
1998	49,32	2,21		51,60	3,06	0,60	50,03	2,19	0,39	57,13	8,00	0,36	50,67	4,15	0,29
2000	49,22	1,98		51,05	2,73	0,72	50,62	2,55	0,47	55,42	6,18	0,29	50,62	2,95	0,31
2002	49,61	2,85	1,05	50,95	2,48	1,02	51,17	2,83	0,53	54,78	5,05	0,36	49,54	2,67	0,28
2004	50,08	2,72	1,10	50,69	2,27	1,05	51,72	2,44	0,65	52,98	5,21		49,33	3,32	0,25
2006	49,91	2,29	1,33	50,07	2,71	1,00	51,91	2,14	0,63	51,42	4,22		48,34	3,64	0,46
2008	50,06	2,86	1,07	49,90	2,86	1,04	51,97	2,08	0,41	50,43	5,82		47,90	3,32	0,29

ПРИМЕЧАНИЕ. Все три индикатора рассчитаны как отношение показателя рынка труда к общему числу населения. Согласно определению, данным в табл. II-4, колонки в таблице отражают цифры по следующим показателям: $b = B/Q$ – доля экономически неактивного населения; $u = U/Q$ – доля безработных; $v = V/Q$ – доля незанятых рабочих мест. Ради упрощения работы с таблицей мы исключили часть временных рядов.

ИСТОЧНИКИ: данные по экономически неактивному населению, безработным и количеству незанятых рабочих мест – МОТ (ILO, 2010); незанятые рабочие места – ОЭСР (OECD, 2010); данные по количеству незанятых рабочих мест в Великобритании и США – Национальное статистическое управление Великобритании (Office for National Statistics, 2010) и Статистическое управление Министерства труда США (Bureau of Labor Statistics, 2010).

ПРИМЕЧАНИЕ. Согласно определениям, данным в табл. II-4, b и u соответствуют показателям: $b = B/Q$ и $u = U/Q$.

ИСТОЧНИКИ: см. источники к табл. II-6.

РИСУНОК II-9.

Соотношение экономически неактивного населения и безработных в трех «старых» капиталистических странах, 1989–2009

- 2) в «старых», «традиционных» капиталистических странах (странах, не прошедших социалистическую фазу) избыток проявляется сильнее, нежели дефицит⁹. Это в равной степени относится и к странам типа Швеции, которые лидируют в построении «государства благосостояния» (*welfare state*), в сокращении безработицы и увеличении доли экономически активного населения.

9. На рис. II-6 отчетливо просматриваются два очень важных фактора, объясняющих долю экономически активного населения, — уровень развития и влияние конкретной системы. Временные ряды для каждой страны в табл. II-5 явно демонстрируют результаты экономического роста. Влияние на рост этой доли в временных рядах для многих стран (снижение доли экономически неактивного населения) могут оказывать и другие факторы, в первую очередь — изменения в институтах рынка труда. Поэтому сравнение данных на рис. II-6 с данными в табл. II-5 без дополнительного анализа представляется не вполне корректным.

3.6. СДЕЛЬНАЯ ОПЛАТА ТРУДА

Следующее ключевое понятие при анализе причин постоянного воспроизводства безработицы — *сдельная оплата труда*. Работодатели готовы выплачивать суммы, превышающие гибкие зарплаты (*market-clearing wages*), то есть зарплаты, приводящие в равновесие предложение и спрос на рынке труда. Такая оплата труда не следствие альтруизма работодателей, а результат соблюдения собственных интересов, включая ряд факторов.

Прежде всего, работодатель хочет защититься от халтуры (*shirking*)¹⁰. Надсмотрщик за каждым работником — слишком дорогое удовольствие. Есть смысл сравнить расходы на контроль за работниками (*monitoring*) с расходами на выплаты, превышающие размер сдельной оплаты труда. Во многих случаях последняя сумма оказывается меньше, особенно если результаты труда сложно оценить в цифровом выражении, то есть важнее качество продукта. Чем больше умственного труда нужно для выполнения задания, тем выше требования к уровню интеллектуального вклада работника и тем сложнее платить сдельно или на почасовой основе, а также определить, не скалтурил ли работник. Вместо этого приходится придумывать внутренние стимулы, для чего и существует сдельная оплата труда. Выход на рынок труда с завышенным предложением о зарплате упрощает отбор персонала; с гибкой заработной платой это делать сложнее. Заполучив место с высокой заработной платой, работники делают все возможное, чтобы его не потерять.

Эффект от использования сдельной оплаты труда увеличивается, если работник стремится работать с полной отдачей не только из страха потерять надбавку, но из боязни потерять саму работу. Коллективный интерес всех

10. Новаторское исследование по теории *сдельной оплаты труда* — статья Шапи́ро и Стиглицца (Shapiro, Stiglitz, 1984). Немало работ посвящено описанию и причинно-следственному анализу явления, в том числе — книга Мильгрома и Робертса (Milgrom, Roberts, 2005).

работодателей состоит в поддержании хронического избытка рабочей силы, поскольку он становится орудием, которое можно использовать на всех рабочих местах. Поэтому даже самые просвещенные и социально чуткие работодатели не могут совершенно искренне поддерживать меры по снижению безработицы. Они вовсе не заинтересованы в том, чтобы на рынке труда возник дефицит рабочей силы. Таким образом, перед работниками постоянно маячит угроза увольнения. В знаменитой статье Шапиро и Стиглица «Равновесная безработица как средство поддержания трудовой дисциплины» данное обстоятельство отражено уже в самом названии (Shapiro, Stiglitz, 1984)¹¹. Утверждение звучит очень «по-марксистски», но от этого не перестает соответствовать действительности.

Широко известны макроэкономические доводы против радикального уничтожения безработицы и в особенности – против «сверхзанятости». При чрезмерном усилении стимулов для поднятия заработной платы избыточный спрос на трудовые ресурсы приводит к повышению цен и затрат, запускается спираль инфляции. Этот аргумент вполне правомерен¹², но не исключает и действие другого механизма – коллективной заинтересованности работодателей в сохранении безработицы как средства поддержания дисциплины.

Рассуждения о сдельной оплате труда хорошо известны всем, кто знаком с идеями Маркса о промышленной резервной армии (Маркс. Капитал. Т. I). Наличие такой армии (избытка рабочей силы – если пользоваться

11. Чтобы механизм, описанный в работе, функционировал, работодатели не обязательно должны *осознавать* свою коллективную заинтересованность в поддержании безработицы. Если рынок труда окажется в крайне напряженном положении, а занятость достигнет 100%, стимулирующая сдельная оплата поднимется слишком высоко (для работодателей). Когда отдельные работодатели поднимают зарплату в рамках собственных торгов на рынке труда, они (пусть и бессознательно) отодвигают порог занятости ниже 100%.

12. Данная взаимосвязь составляет хребет теории о естественной норме безработицы. Основы теории, ознакомиться с которыми можно в любом учебнике по макроэкономике, заложили в своих работах Фелпс (Phelps, 1968) и Фридман (Friedman, 1968).

ся терминологией данного исследования) позволяет работодателям ограничивать размеры зарплат, укреплять трудовую дисциплину и использовать ее при необходимости расширить производство. Теория сдельной оплаты труда, безусловно, сродни идеям, популярным среди социалистов и анархистов, согласно которым капиталистические работодатели покупают лояльность «рабочей аристократии», гарантируя ей более высокие зарплаты¹³. Близость этих идей (и даже их приоритет) вынуждены признавать даже те экономисты, которые не склонны усматривать подобное родство или стыдятся его.

В пользу избытка рабочей силы выступает еще один аргумент: наличие избыточных трудовых ресурсов обеспечивает более гибкое регулирование. Работодателю проще резко увеличить или реорганизовать производство, если он может с легкостью перенаправить необходимые для этого трудовые ресурсы. Аргумент, конечно, технократический. Неодушевленные мощности и складские запасы нисколько не страдают от пребывания в резерве, тогда как запасы рабочей силы состоят из живых людей, которые мучаются, вынужденные ждать на скамейке запасных.

Вернемся еще раз к тому, что в промышленных отраслях стран с социалистической экономикой, достигших среднего уровня развития (СССР и страны Восточной Европы), наблюдался хронический дефицит рабочей силы. Все понимали, до какой степени данное обстоятельство ослабило трудовую дисциплину. Работники обоснованно считали, что за отсутствие усердия их никто не уволит, даже если они начнут откровенно халтурить, а если и уволят, то найти новую работу будет несложно. На это постоянно жаловались все руководители заводов и мастера цехов. Многие работали не за страх, а за совесть, отождествляя себя с работой; в иных местах, где это можно было сделать эффективно, работники даже получали за это материальное вознаграждение. При этом угроза увольнения за нарушение дисциплины над ними

13. Выражение «рабочая аристократия» впервые встречается у Бакунина, а затем (множественно) в работах Каутского и Ленина.

не висела. Признаем честно, работникам данная ситуация давала ряд преимуществ. Наличие работы придает уверенности, тем более если нет опасности ее потерять. С переходом от дефицита рабочей силы к ее избытку общество в целом и выиграло, и проиграло, причем выигрыши и проигрыши распределились между его членами неравномерно.

Подытожим: постоянное воспроизведение избытка рабочей силы, хроническая безработица и недостаточная занятость – специфические характеристики капиталистической системы. Для безработных они несут страдания, материальные потери и унижение, а для работающих – неуверенность и страх потерять работу. Отбор кандидатов на вакантные места нередко связан с проявлениями расизма и прочих видов дискриминации.

Невозможно требовать или обещать полную занятость, одновременно принимая и поддерживая капитализм. Многие политики и исследователи манипулируют словом «полная», но подобные манипуляции лишены всякого смысла. Для меня «полная» занятость означает не 97 или 93%, а 100%. И такой точности требуют не только ученые, но и все заинтересованные лица. Стопроцентная гарантия успеха при хирургической операции означает, что подобное вмешательство успешно всегда. Если врач или статистика заявляют, что операция успешна в 97% случаев, для медицины это отличный результат и практически «абсолютная уверенность»; 3% пациентов, которым вмешательство не помогло, могли остаться хронически больными, инвалидами или вообще умереть. Безработицу на уровне 3% можно рассматривать как внушительное достижение макроэкономической политики, однако тех, кто попал в эти 3%, ничуть не успокаивает мысль о том, что они остались без работы вследствие структурной безработицы. Можно и нужно проводить такую макроэкономическую политику и создавать такие институты, которые позволят сократить безработицу и облегчить ее последствия. Ради выполнения этой задачи можно и нужно поработать, однако я считаю неприемлемым использовать лозунг о достижении полной занятости в рекламно-политических целях.

Позитивное описание и причинно-следственный анализ

4.1. «РАВНОВЕСИЕ» КАК ПОНЯТИЕ — МОЖНО ЛИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАТЬ

Читатель-экономист наверняка заметил, что я до сих пор избегал в своих рассуждениях слова «равновесие». Это понятие появлялось лишь там, где речь заходила о каких-либо идеях мейнстримной экономики.

Существует не много терминов, которые вызывали бы столько споров. Различные школы наделяют его все новыми и новыми значениями. Кто-то радуется, когда экономика или ее отдельный сегмент находятся в равновесии, кому-то подобное состояние не нравится и даже кажется опасным. Грубо говоря, спор о равновесии можно назвать диалогом глухих, поскольку его участники либо вообще не слышат, либо не понимают друг друга, обсуждая *равновесие, неравновесие, антиравновесие* и т. д.

Я лишен иллюзий и не думаю, будто данная работа и отдельные замечания по поводу равновесия могут упорядочить понятийный хаос. Если читателям удастся уяснить, как я истолковываю понятие «равновесие» на момент написания этого текста и считаю ли его пригодным, — этого мне уже будет достаточно¹.

1. В словах «на момент написания» мне видится некоторая самоирония. Не стану отрицать, что мое отношение к этому важному понятию менялось не раз, и это может смутить читателя. Не хочу перегружать текст историей трансформации термина в моей личной системе координат (может, напишу об этом в другой раз). Здесь речь пойдет исключительно о моем сегодняшнем понимании данной концепции.

Сам термин «равновесие» имеет латинское происхождение [в русском — калька XVIII века с латинского *aequilibrium*, где *aequus* — «равный» и *libra* — «весы, уровень»] и связан со шкалой весов: если на каждой чаше вес одинаковый, уровень может покачаться, но рано или поздно вернется в состояние покоя. Грузы, находящиеся в чашах уравновесят друг друга. Отсюда и обиходное значение: в какой-либо системе (в нашем случае — на весах) противодействующие силы уравновешивают друг друга, и система приходит в состояние покоя. Нет никаких причин отказываться от широкого толкования данного термина, способного описать состояние, возникающее в самых разнообразных системах.

Концепция равновесия в *мире математических моделей* имеет четкое определение, и общее определение для всех искать нет смысла. Есть модели, в которых определено не только само понятие равновесия, но и его характеристики: сколько точек равновесия может быть (одна или много), каковы особенности стабилизации и т.д. Разным моделям соответствуют разные определения равновесия. При анализе математических моделей для динамических систем можно выделять стационарные состояния (*steady states*) или фиксированные точки — данные понятия родственны концепции равновесия. Существуют и такие модели, при анализе которых понятие равновесия не рассматривается.

Обратимся к реальности. Концепцию равновесия используют физики, химики, биологи, но мы останемся в рамках своей дисциплины — экономики как одной из общественных наук. На практике существуют экономические подсистемы, находящиеся в состоянии относительного равновесия (где оно идеальное или стремится к идеальному). Например, в финансовой отчетности страны или компании доходы в точности соответствуют расходам или количество товара, поступающего на склад, равно количеству товара, вывозимого со склада.

Сузим вопрос: как обстоят дела с координацией производства и потребления, продавцов и покупателей или с распределением ресурсов? И какова ситуация на рынке с функционированием особых механизмов координации

и распределения? Существует ли состояние равновесия? Мой ответ однозначен: нет. На реальном рынке в функционировании механизмов реальной координации и распределения нет и не может быть равновесного состояния. Конкурирующие или противостоящие друг другу силы постоянно меняются. Изменение — вот важное событие. Если вдруг, на мгновение, возникает состояние покоя, это неинтересное и неактуальное событие.

Я не первый и не единственный экономист, утверждающий подобное. Все сказанное является основополагающим тезисом австрийской школы, от Мизеса, Хайека и Кирцнера до ее современных последователей². Хотя по многим важным вопросам мои взгляды расходятся с положениями австрийской школы, в этом важном утверждении я к ней всецело присоединяюсь.

Если на одну чашу весов (таких, какие люди используют дома или на базаре) положить продукты, а на другую — гири, то какое-то время чаши будут колебаться то в одну, то в другую сторону. Если подобрать гири правильно, то вскоре колебания замедлятся, и стрелка весов остановится. Будет достигнуто равновесие, в прямом смысле слова, ведь прекращение колебаний означает, что вес на обеих чашах одинаков. Однако реальная экономика по своей природе отличается от весов. Я попытался это показать. Постоянно идет техническое развитие, имеющиеся предложение и актуальный спрос отличаются от прошлогодних или тех, что были десять лет назад, не только количественно, но и *качественно* (если бы пришлось выбрать имя одного ученого, чтобы обозначить круг идей в поддержку положения австрийской школы о постоянном изменении рынка, я бы назвал Шумпетера). Непрерывный инновационный процесс также лишает смысла словосочетание «рыночное равновесие» — здесь нам приходится рассматривать данный вопрос не с позитивных, а с нормативных позиций. Хотим

2. Приведу лишь несколько работ из обширного наследия австрийской школы, в которых указанным идеям уделяется особое внимание: Hayek, 1948; Kirzner, 1973; Lachmann, 1976; Lavoie, 1985; Cowan, Rizzo, 1996.

мы этого, или нет, на реальном рынке нет и не может быть равновесия³.

Если приведенная аргументация справедлива, я правильно делаю, что не разграничиваю «в точности необходимые» (равновесные) и «избыточные» резервы мощности, «в точности необходимые» (равновесные) и «избыточные» запасы продукции и «в точности необходимые» (равновесные) и «избыточные» трудовые ресурсы. Дело не в моем невежестве — я не прибегаю к данной категории, потому что она не существует на практике.

Однако из этого не следует, будто концепция равновесия не может быть использована при позитивном описании реального рынка. Ее можно применять в качестве эталона или точки отсчета в умозрительных экспериментах. Приведу два примера. В микроэкономической теории мы можем определять *равновесие Вальраса* для рынка по модели Вальраса, Эрроу и Дебре (или их последователей). Равновесие Вальраса формируется между продавцами и покупателями в таком мире, где и тем и другим доступна вся без исключения информация, будущее предсказуемо, любые настройки и согласования происходят мгновенно без каких-либо трений и т. д. Возникает вопрос: насколько далеко от такого воображаемого состояния находится реальный рынок, функционирующий у нас перед глазами? Второй пример — модель роста, разработанная Нейманом; в ней отсутствуют технические изменения, а все отрасли развиваются равномерно с одинаковой скоростью. Было бы полезно посмотреть, насколько отличается от этого путь развития каждой экономики на практике, почему одни отрасли исчеза-

3. Миклош Калдор явно имел в виду именно это, когда назвал (и справедливо, как мне кажется) экономику равновесия «нерелевантной» (Kaldor, 1972). Однако с сегодняшних позиций необходимо добавить: Калдора настолько раздражали многочисленные теоретические разглагольствования, что он перестал быть объективным и отказывался признавать пользу математических моделей равновесия для мира теории. Когда Калдор написал свою знаменитую разгромную статью, я и сам впал в аналогичное заблуждение. Свои тогдашние воззрения я описал и критически оценил в автобиографии «Силой мысли» (Kognai, 2006, глава 6).

ют, а другие появляются, почему постоянно меняются соотношения между отраслями? Однако абстрактная математическая модель — это инструмент анализа, заимствованный из виртуального мира, и равновесный рост Неймана ни в коем случае не следует рассматривать как описание реального роста.

Мне кажутся проблематичными определения, выводящие понятие «равновесие» из состояния «покоя», в котором якобы находятся участники рассматриваемой системы. При таком подходе система находится в равновесии, если ее участники — ради своих же интересов — больше не хотят сдвигаться с точки равновесия. Так мы легко можем увязнуть в тавтологии⁴.

В условиях экономики дефицита незадачливые покупатели покупают не то, что хотели изначально, не тогда и не там, где планировали. В результате различных вынужденных манипуляций, они приобретают то, что удалось «достать», в случайном месте и в незапланированный момент. На данном этапе приходится довольствоваться покупкой с горьким сознанием того, что любые последующие попытки могут закончиться еще хуже. Этот момент можно назвать точкой покоя, или состоянием равновесия, но сам термин приобретет двусмысленность и может даже ввести в заблуждение. В аналогичном контексте меня смущает и понятие «равновесие безработицы». Признаю, что в рамках модели все участники рынка труда смиряются с состоянием «равновесия безработицы». Но может ли успокоиться тот, кто очень даже хотел устроиться на работу, но столкнулся с одним из ограничений занятости (о которых мы подробно говорили чуть ранее)? Дефиниции, выводящие равновесие, или состояние покоя, из позиции, которую участники вынуждены занимать, — в отсутствие более благоприятной альтернативы — базируются на слишком сомнительном психологическом и социальном фундаменте.

4. Следует упомянуть о теориях, которые определяют понятие равновесия с точки зрения ожиданий (*expectations*): состояние равновесия представляет собой воплощение рациональных ожиданий. В данной работе я не обращаюсь к этой теме.

Перед всеми экономистами, начиная с Маршалла и Вальраса и заканчивая представителями доминирующего течения в современной экономической науке, маячит пример ньютоновской физики, в которой понятие равновесия занимает заслуженное и четко определенное место. Если бы я ориентировался на естественные науки, то, скорее, примкнул бы к тем экономистам, которые черпают вдохновение в теории Дарвина и *эволюционной биологии*. Сходство между естественным отбором и эволюцией живых существ и техническим прогрессом в условиях децентрализованной рыночной экономики заставляет по-настоящему задуматься.

Любое предпринимательское начинание или инновацию можно рассматривать как случайную мутацию. Новый продукт, способ организации, новая технология или предприятие ведут *борьбу за выживание*. Одним удается не просто остаться в живых, но и «размножиться»: инновация получает широкое распространение, компании с высокой производительностью растут и становятся еще больше. Другие мутации обречены: часть изобретений исчезает, компании приходят к банкротству. Идет естественный отбор. Приговор выносит не некая высшая воля, обладающая рациональным предвидением и полной информацией; решающим критерием становится жизнеспособность. Большую роль играет случай. В целом все работает нормально, но не всегда: ценные нововведения терпят неудачу, а компании, которые могли бы уступить место чему-то лучшему, еще долго остаются «в живых».

Биологическая и рыночная эволюция схожи еще и тем, что «равновесие» в них не имеет смысла⁵. Изме-

5. Здесь речь идет о длительном процессе эволюции, который продолжается миллионы лет. Совсем иные вопросы возникают в области экологии (как одной из частей биологии), где рассматриваются краткосрочные процессы в рамках отношений между живыми организмами и окружающей их средой. Определенные системы сосуществования живых организмов можно описать с помощью теории, допускающей применение аналитического инструмента равновесия. В лесу, например, живут бок о бок хищники и объекты их питания. Если из-за вмешательства человека какая-ли-

нения происходят постоянно; они подхлестываются конфликтом между стремлением выжить и размножиться и реальными возможностями. Прежде чем продолжить данную аналогию, сделаем небольшую остановку.

На Дарвина сильно повлияли работы экономиста Томаса Мальтуса (Coultts, 2010, Jones, 1989)⁶. В представлении ученого живые организмы размножаются, но необходимые для этого физические ресурсы ограничены. Прирост количества останавливается или растет медленнее, чем совокупные нужды живых организмов. Это обостряет борьбу, в ходе которой появляются все новые мутации, происходит эволюционное развитие. Если описать процесс, занявший миллионы лет, в терминах моего словаря, то мир природы – это анархическая экономика дефицита без генплана, распределителей талонов на продукты, без полиции и органов безопасности. Каждый сам за себя, кто успел, тот и съел⁷. Если же использовать более стандартную терминологию, это экономика избыточного спроса с нехваткой природных ресурсов.

Рыночная экономика – какой она показана в данной работе – представляет собой полную противоположность. Речь идет об экономике избытка, а не дефицита. Перевес на стороне предложения. Но и здесь эволюцию подстегивают расхождения между спросом и предложением, а также напряжение, возникающее между двумя этими мощными процессами.

Я вовсе не рекомендую механически перенять какую-либо эволюционную модель. Задача и скромнее, и значительней: экономистам надо бы обратиться к философии науки, на которую дарвиновская теория опирается.

бо группа из леса исчезнет, природный баланс будет нарушен: без добычи вымрут хищники, а без хищников пищевые объекты расплодятся в чрезмерном количестве (данный феномен описан в модели межвидовой конкуренции Лотки – Вольгерра – ее иногда используют для анализа экономических явлений).

6. Выражаю благодарность Андрашу Шимоновичу, который обратил мое внимание на этот важный факт интеллектуальной истории.
7. В своих предыдущих работах я называю данный тип механизма агрессивной координацией.

Маркс и Шумпетер — оба большие поклонники Дарвина — смотрели на историю капитализма именно его глазами, и я в своей работе пытаюсь следовать их примеру.

Эволюционная экономика, сложившаяся под влиянием дарвиновской биологической теории эволюции, насчитывает немало десятилетий. С момента выхода первых значительных работ (Veblen, 1898; Nelson, Winter, 1982) она постоянно развивалась и превратилась в научную школу, стоящую одной ногой в мейнстримной экономике, а другой — на собственном пути⁸. Я ощущаю глубокое интеллектуальное родство с трудами специалистов по эволюционной экономике и хочу надеяться, что ее последователи внесут свой вклад в дальнейшую разработку основных идей данной работы, математическое моделирование и расширение практической базы.

4.2. АСИММЕТРИЯ

Там, где традиционная экономика (та, что занимается рынком и механизмами, координирующими производство, потребление, продажи и приобретение) видит симметрию между двумя сторонами, я ощущаю асимметрию. И в этом я не одинок. Обилие современных терминологических пар заставило меня объединить самые употребимые в табл. II–7.

Первый термин в первой паре (экономика дефицита) уже широко известен, второй (экономика избытка) — вводится в данной работе. Вторая и третья пары понятий довольно популярны, особенно среди последователей Кейнса и Калдора и представителей посткейнсианской школы. Четвертая пара не принадлежит словарю теоретической экономики, но встречается в профессиональной деловой речи. Пятую пару я безуспешно пытался внедрить в книге «Антиравновесие» (Kornai, 1971).

Не так уж важно, какая пара понятий получит широкое распространение, возможно, появятся новые термины,

8. Неплохой обзор по данной теме содержится в работе Ходжсона (Hodgson, 1993).

ТАБЛИЦА 11 – 7.
 Две стороны состояния рынка: обзор терминологии

Термин	Черты координационного рыночного механизма, на которые обращается внимание
1. Экономика дефицита – экономика избытка	Намерение купить – произвести / продать не реализуется. Доминирует явление дефицита или избытка соответственно
2. Экономика ограниченного спроса – экономика ограниченного предложения (или экономика ограниченных ресурсов)	Что в первую очередь мешает расширению производства?
3. Экономика избыточного спроса – экономика избыточного предложения	В макроэкономическом понимании: какая агрегированная переменная имеет более длинное плечо? В микроэкономическом понимании: какая из сторон проявляется интенсивнее и чаще?
4. Рынок продавцов – рынок покупателей	Какая из сторон сильнее на рынке?
5. Давление – «поглощение»	Описываются действия участников рынка: либо продавец давит на покупателя, заставляя приобретать свой товар, либо покупатель стремится завладеть товаром, «поглотить» его

которые будут восприняты экономистами с единодушием. В конечном счете все пять пар отражают одну и ту же точку зрения: между составляющими рынка, процесса покупки-продажи всегда имеется существенное расхождение – одна сторона сильнее, другая слабее, одна обладает преимуществом по отношению к другой и т. д. Именно это я трактую как *устойчиво асимметричное* состояние рынка⁹.

9. За последние несколько десятилетий экономисты не раз сталкивались со словом «асимметричный», но чаще всего в связи с «асимметричной информацией». Каким бы важным явлением она

В данном контексте я разделяю позицию создателей модели нарушения равновесия (*disequilibrium*) (Portes, Winter, 1980; Benassy, 1982; Malinvaud, 1977). Несмотря на расхождения по ряду важных методологических вопросов (агрегация и т. д.), мы в равной степени считаем необходимым сосредоточиться на состояниях рынка, которые отклоняются в ту или иную сторону от равновесия Вальраса.

Я также солидарен с группой исследователей, которые рассуждают о равновесии безработицы (*unemployment equilibrium*) (Layard, Nickell, Jackman, 1991; Pissarides, 2000). Посредством данной характеристики они пытаются показать, что безработица носит устойчивый характер; ее причина — постоянно работающие механизмы, а не временные, переходные условия. Как я уже отмечал выше, меня изрядно смущает в этой связи термин «равновесие», но куда важнее общее понимание асимметричности положения. Рынок рабочей силы не колеблется симметрично в отношении некоего среднего значения — верх берут то работодатели, то работники. Асимметрия соотношения сил носит устойчивый характер.

Идея симметрии рынка глубоко укоренилась в мышлении экономистов. В этом плане куда легче найти общий язык с деловыми людьми — они знают, что такое конкуренция из повседневной практики ведения бизнеса. Термины вроде «конкурентного равновесия» (*competitive equilibrium*) повергают их в ступор. Если все товары, предназначенные для продажи, находят своих покупателей, а все покупатели находят нужные им товары, какой тогда смысл конкурировать? Это все равно что олимпий-

ни была, боюсь, включение этого понятия в данное исследование только запутает читателя. Врачи, как правило, информированы о диагнозе и способах лечения лучше пациентов. Тем не менее в ряде сегментов сферы медицинских услуг при определенных экономических условиях может сформироваться «рынок покупателей»: если пациенты платят за услуги из собственного кармана, они могут свободно выбирать, кто будет их лечить, и врачи начнут конкурировать за платящих хорошие деньги частных покупателей. Поэтому отложим проблему информации — к ней я ненадолго вернусь далее.

ские игры, где количество медалей равно числу соревнующихся. Соперничество и наличие «избытка» — две стороны одного и того же явления; одно не может существовать без другого. Каждый может выделить одну из сторон по своему усмотрению, и назвать это «экономикой избытка» или «конкуренцией продавцов», либо как-нибудь еще. Суть в том, чтобы передать асимметричность ситуации. Не вредно при этом добавить, что есть и противоположное, асимметричное состояние — «экономика дефицита» с «соперничеством покупателей» за благосклонность со стороны продавцов¹⁰.

4.3. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДВУХ НОВЫХ РЕЖИМОВ РЫНКА

Надеюсь, читатели, добравшиеся до этой части текста, уже представляют, что автор понимает под экономикой дефицита и экономикой избытка. Настало время для обобщающего анализа.

Обе концепции описывают два устойчивых нормальных состояния рынка. В книге «Социалистическая система» я пользуюсь словосочетанием «режим рынка» (Kornai, 1992)¹¹. В моем словаре эти термины являются синонимами.

Я внес одно существенное изменение в прежнюю понятийную структуру, и это связано с идеями, изложенными ранее. Для упрощения возьмем показатель, который хорошо демонстрирует масштабы дефицита в экономике в конкретный момент времени, и аналогичный пока-

10. Анализ понятия «равновесие» разветвляется по нескольким направлениям. Приведу лишь одно: насколько *сбалансирован* рост? Не искажаются ли в процессе роста пропорции экономики? Этот вопрос релевантен с позиций экономической политики и стимулирует работу мысли — недаром ему посвящено такое количество работ; я и сам проявлял интерес к данной теме, хотя и не затрагиваю ее здесь.

11. Здесь и всюду в настоящем издании русская терминология приводится по: *Корнай Я.* Социалистическая система: политическая экономика коммунизма / пер. с англ. Болотина Б. М., Казанцева С. В. // Вопросы экономики. М., 2000. — *Прим. пер.*

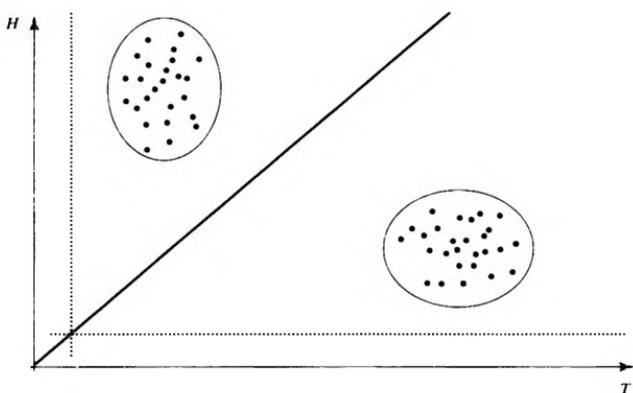

РИСУНОК II-10.
Экономика избытка — экономика дефицита

затель для избытка. Идеально было бы прибегнуть к так называемым композитным показателям (см. «*Формирование синтетических, композитных показателей*»), но при отсутствии таковых подойдут и любые другие индикаторы, отражающие масштабные проявления дефицита или избытка; например, количество незанятых рабочих мест как показатель дефицита и число безработных как показатель избытка или число очередников жилья как показатель дефицита и количество пустых квартир как индикатор избытка. Обозначим показатель дефицита через H , а индикатор избытка — через T и отложим в сторону вопрос о его наполнении и статистическом толковании.

Установим оба показателя таким образом, чтобы равенство $H = T$ представляло собой виртуальное равновесие. Например, число свободных квартир равно количеству человек, стоящих в очереди на жилье; или количество вакансий соответствует числу тех, кто ищет работу. Остальное видно из рис. II-10.

Прямая, расположенная под углом 45 градусов, показывает состояние рынка, при котором чистый избыточный спрос равен нулю. Полюс системы координат — точка равновесия Вальраса. Две пунктирные линии справа от вертикальной оси и над горизонтальной осью пока-

зывают минимум дефицита и избытка. Даже при отсутствии иных причин, рынок не может быть в состоянии равновесия по Вальрасу уже только из-за трений. Даже в условиях экономики избытка неизбежно возникает дефицит, а в экономике дефицита можно наблюдать явления избытка.

Рисунок II–10 можно использовать для двух типов сравнительного анализа: временного, когда представлены две страны: слева — страна, живущая в условиях экономики дефицита, справа — экономики избытка. Точки демонстрируют состояние обеих экономических систем в разные годы. На графике не видны ни равновесие экономики дефицита, ни равновесие экономики избытка, да и остальные точки не группируются вокруг точки равновесия, потому что в реальности ее не существует (здесь я просто констатирую факт — с доводами читатель уже ознакомился). Пары данных $H(t)$ и $T(t)$ для любого времени t расположены в левом верхнем углу для экономики дефицита (в зоне экономики дефицита) и в правом нижнем углу для экономики избытка (в зоне экономики избытка).

График на рис. II–10 можно толковать и как анализ состояния нескольких стран «в разрезе». Каждая точка иллюстрирует состояние отдельной страны в один и тот же момент времени. В зону экономики дефицита попадают те страны, для которых характерен именно этот режим, а в область экономики избытка — страны, где типичным является состояние избытка. Помимо этого, можно толковать график и как «изменения в состоянии одной единственной страны с течением времени».

Из сказанного можно сделать важные выводы в связи с концепцией двух режимов рынка. Я не могу и не хочу изначально задавать предельные числовые параметры по величинам для пары H и T , которые бы соответствовали определениям «экономика дефицита» или «экономика избытка». Поскольку мы описываем их достаточно свободно, опираясь на повседневный опыт, то, рассуждая трезво, можем прикинуть и примерные численные значения. Если я ищу жилье в конкретном районе города, то на поиски подходящей квартиры (при всем их изоби-

лии) у меня могут уйти недели, но подобные поиски говорят не об экономике дефицита, а всего лишь о наличии фрикционного дефицита. Такой показатель H еще попадает в область экономики избытка в правом нижнем углу. Но если мне надо пять лет ждать, пока городской совет выделит мне муниципальное жилье, то я определенно живу в условиях экономики дефицита. Тогда значение H попадает в область экономики дефицита.

Живущие в обстоятельствах экономики дефицита привыкли к тому, что индикаторы состояния рынка перемещаются в левой верхней области графика, а для участников экономики избытка естественно видеть их в правом нижнем углу¹². В медицине и других науках, имеющих дело с живыми организмами, определение «нормальный» (нормальный уровень сахара в крови, нормальное кровяное давление и т.д.) не сводится к одной-единственной точной цифре, но «плавает» в диапазоне допустимых значений.

Границы областей и приблизительные расчеты можно провести лишь на основе статистического анализа наблюдений за реальными государствами и исходя из их опыта.

Подытожим определения, полученные для двух режимов. Экономика дефицита — это режим рынка, при котором явления дефицита носят всеобщий, хронический и интенсивный характер. Явления избытка наблюдаются, но отличаются изолированностью, переходностью и, как правило, отсутствием интенсивности.

Экономика избытка — это режим рынка, при котором явления избытка носят всеобщий, хронический и интен-

12. В предыдущих своих работах я использовал термин «нормальное состояние» применительно к экономике дефицита и к экономике избытка, но теперь стараюсь этого не делать. На самом деле «нормальное состояние» — синоним устойчивого равновесия. Такая концепция неплохо работает в мире математического моделирования, но не подходит для описания реальной экономической ситуации. В рамках текущего исследования для экономики избытка «нормально», если показатели избытка находятся в границах определенной области значений, но для них отсутствует четкая точка равновесия.

сивный характер. Встречаются и проявления дефицита, но они, как правило, изолированы, переходны и не интенсивны.

Одна из ключевых идей данной работы состоит в том, что показатели состояния для реальных, исторически сложившихся рынков, не группируются вокруг прямой, расположенной под углом 45 градусов, но расположены либо слева сверху, либо справа внизу от нее. Точки на прямой обозначают абсолютную симметрию между двумя противоположными сторонами рынка. Если бы на рынке происходили исключительно симметричные колебания вокруг точки равновесия, на нашем графике показатели состояния рынка располагались бы вдоль биссектрисы. Положение двух областей означает, что реальное состояние асимметрично; в одной зоне доминируют явления дефицита, в другой — избытка.

Привыкшие к математическим моделям экономисты могли рассчитывать на более строгое определение. Помочь им, к сожалению, не могу. Возможно, впоследствии с помощью теоретических моделей и эмпирических наблюдений мы сможем прийти к более четкой дефиниции. Но до тех пор я бы воздержался от претензий на точность. Люди, жившие по обе стороны железного занавеса, хорошо знают, что означают области слева сверху и справа внизу.

На рис. II-10 мы видим только две переменные H и T . На самом деле в отдельно взятой стране на каждый момент времени существуют миллионы таких переменных. Логика нашего исследования подталкивает к мысли о существовании сильной корреляции между переменными H и между переменными T . Вопрос опять же эмпирический — я знаю лишь то, что видел собственными глазами. Данная проблема требует серьезного изучения. Можно, конечно, придумать совокупные, агрегированные промежуточные и /или композитные показатели, и тогда состояние рынка в каждой стране можно будет описать посредством пяти, десяти или, скажем, двадцати индикаторов дефицита и избытка, то есть таких показателей будет больше двух, но меньше миллиона. Зрительное воображение позволяет нам представлять лишь

трехмерные пространства, но читатели, сведущие в математике, понимают, что даже в отсутствие визуальной репрезентации мои утверждения можно обобщить для n числа показателей избытка и дефицита; n показателей для конкретной страны в совокупности образуют точку в n -мерном пространстве.

- А. Режим рынка в данной стране представляет собой экономику избытка, если различные точки, представляющие значения для показателей избытка и дефицита в n -мерном пространстве, объединяются в группы, где показатели избытка принимают наибольшие, верхние значения, а показатели дефицита – минимальные значения (в правом нижнем углу двухмерного графика).
- Б. Режим рынка в данной стране представляет собой экономику дефицита, если различные точки, представляющие значения для показателей избытка и дефицита в n -мерном пространстве, объединяются в группы, где показатели дефицита принимают наибольшие, верхние значения, а показатели избытка – минимальные значения (в левом верхнем углу двухмерного графика).

Требуется подтвердить или опровергнуть эмпирически, что показатели H и T не рассеиваются по всему полю, но группируются в двух зонах и распространяются уже только в пределах этих n -мерных зон. В условиях экономики избытка дефицит – исключительное явление, и, наоборот, в экономике дефицита исключительным явлением становится избыток.

Когда дело дойдет до проверки на практике, формулировки придется уточнять во многих отношениях: что следует понимать под «исключениями»; действительно ли значение показателя должно оставаться строго в пределах «зоны» и т.д. Не вижу большого смысла окончательно устанавливать эти характеристики в рамках данной работы. Момент для этого наступит, когда данная область станет объектом систематических эмпирических исследований.

Утверждения в отношении двух режимов рынка требуют не только эмпирической базы. Необходимо также переосмыслить *причинно-следственные связи*, способные объяснить возникновение избытка и дефицита. В ходе рассуждений мы уже упоминали ряд механизмов, вызывающих данные явления. Настало время обобщить сказанное.

4.4. КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ГЕНЕРИРУЕТ ЭКОНОМИКУ ИЗЫТКА: ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННАЯ ЦЕПОЧКА

Привожу положения в самой общей форме.

Положение 1. Только капиталистическая система способна создавать и длительное время воспроизводить экономику избытка, которая распространяется на всю экономику в целом. Только капитализм в состоянии создавать и постоянно воспроизводить механизмы, генерирующие хронические симптомы экономики избытка.

Логика данного положения можно повернуть в противоположном направлении.

Положение 2. Если в конкретной стране наличествует капиталистическая система, она *неизбежно* функционирует как экономика избытка. Экономика избытка – имманентное свойство капитализма. Она возникает не потому, что государство проводит ту или иную экономическую политику. Денежно-кредитная и валютная, ценовая политика или политика распределения доходов могут обострять либо смягчать явления избытка, но сами по себе не приводят к формированию экономики избытка. Последняя возникает будучи неотъемлемой составляющей капитализма, одной из важнейших его характеристик.

Данные утверждения носят положительный характер. Тот факт, что капитализм является экономикой избытка, может вызывать радость или осуждение. К нормативным критериям обратимся позже. Для начала я просто утверждаю: там, где есть капитализм, присутствует и экономика избытка.

Хотя предыдущие положения составляют основной посыл данного исследования, ради полноты картины, позволю себе добавить несколько обобщающих положений относительно социалистической системы, нашедших отражение в более ранних моих работах.

Положение 3. Только социалистическая система способна создавать и длительное время воспроизводить экономику дефицита, которая распространяется на всю экономику в целом. Только социализм в состоянии создавать и постоянно воспроизводить механизмы, генерирующие хронические симптомы экономики дефицита.

Логику данного положения можно повернуть в противоположном направлении.

Положение 4. Если в конкретной стране наличествует социалистическая система, она неизбежно функционирует как экономика дефицита. Экономика дефицита — имманентное свойство социализма. Она возникает не потому, что государство проводит ту или иную экономическую политику. Планирование и управление экономикой могут обострять или смягчать явления дефицита, но сами по себе не приводят к формированию экономики дефицита. Последняя возникает будучи неотъемлемой составляющей социализма, одной из важнейших его характеристик. Там, где есть социализм, присутствует и экономика дефицита.

Формулировки получились довольно категоричные. Далее я перейду к менее жестким утверждениям, укажу на смешанные случаи, исключения и переходные формы. Однако, в первом приближении, хочу убедить читателя: экономические системы в их «классической форме» не сходятся в некий «серединный путь»¹³.

13. Если бы я попытался перевести свои рассуждения на математический язык теорий равновесия, мне бы пришлось сконструировать модель не с одной, но с двумя стабильными точками равновесия: одну — для равновесия экономики дефицита и другую — для равновесия экономики избытка. Тогда в виртуальном мире модели система уравнивалась либо в одной, либо в другой точке.

Я уже несколько раз употребил слово «положение». С точки зрения академического этикета лучше было бы использовать термины «предположение» или «гипотеза», но с моей стороны это было бы проявлением лицемерия. Мои утверждения подкреплены миллионами фактов повседневной жизни. Попытка логически их обосновать — это, считайте, бонус. Статистические данные, представленные в шести таблицах и на десяти графиках, только подтверждают мои положения. Хотел бы подчеркнуть, что эти данные приводятся как иллюстрация, а не как «доказательство».

Мои положения не пусты и лишены тавтологии. Их можно критиковать. Дальнейшие изыскания я также собираюсь вести с должной долей сомнений в правоте собственных утверждений. Оставляю за критиками право возражать.

Четыре положения подразумевают наличие причинно-следственной связи. Причина — капиталистическая (социалистическая) система; следствие — экономика изыскания (дефицита). Однако в эту связку вклиниваются цепочки более сложных причинно-следственных отношений. Попробую представить более подробно причинно-следственные цепочки для капиталистической системы посредством схемы на рис. II–III. С аналогичными цепочками для социалистической системы можно ознакомиться в моих предыдущих работах¹⁴.

Такая модель позволила бы показать, какие параметры необходимо изменить, чтобы система могла выбраться из ловушки одного равновесия и попасть в ловушку другого. Буду самокритичен: мне, наверное, надо было бы работать над переформулированием понятия «равновесие» в похожем духе. Изменение формулировки существенно облегчило бы понимание и принятие моих идей со стороны коллег-экономистов, воспитанных на математических моделях равновесия и понимающих только этот язык. Тем более что современная экономическая наука знает не одну такую модель, где присутствуют множественные равновесия, то есть точки равновесия, существенно отличающиеся друг от друга.

14. См., в первую очередь, книгу «Социалистическая система» (Kognai, 1993a). В главе 15 содержится описание причинно-следственной цепочки для экономики дефицита.

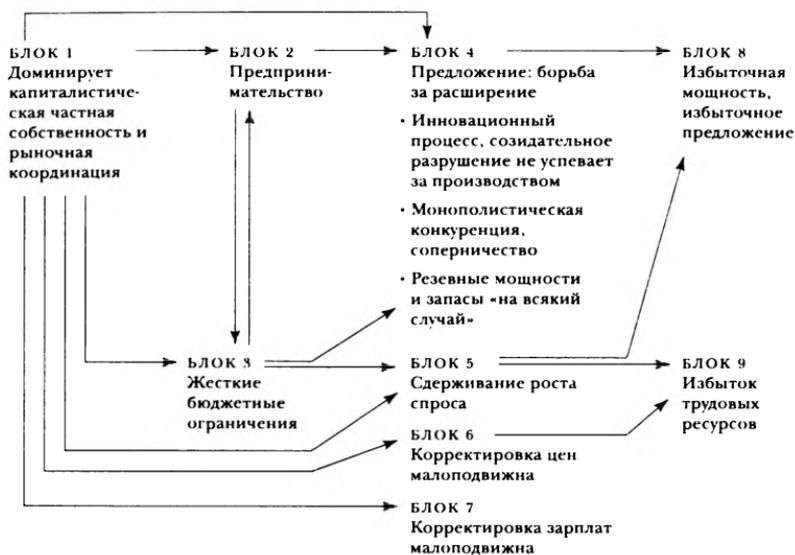

РИСУНОК 11 – 11.
Факторы, генерирующие экономику избытка:
причинно-следственные связи

На рисунке показаны только те причинно-следственные связи, о которых уже шла речь в данной работе. Краткие конспективные заголовки указывают на сложные составные механизмы.

Предложенная схема далека от полноты: в ней не хватает целого ряда причинно-следственных связей, описанных в тексте. Но даже в таком виде она может казаться избыточной. Ясности ради почти все причинные стрелки (за одним исключением) указывают слева направо — это главное направление влияния. Обратное действие, конечно, тоже имеет место. Так, например, конкуренция между продавцами генерирует избыточные мощности, а избыточные мощности, в свою очередь, ведут к соперничеству. Отказ от стрелок в обратном направлении объясняется исключительно желанием сохранить прозрачность схемы.

Обращаю внимание читателя на то, что причинно-следственная цепь на рис. 11–11 начинается слева, от прав-

ной точкой служат идентичные элементы, а заканчивается справа двумя параллельными блоками — экономикой избытка на рынке товаров и услуг и экономикой избытка на рынке рабочей силы. Иными словами, если мы анализируем капиталистическую систему, она функционирует как экономика избытка на двух ключевых рынках реального сектора. Внутри системы параллельно сосуществуют хронические избыточные мощности и запасы и безработица, недостаточное использование потенциальных трудовых ресурсов. Обе группы явлений можно свести к *общим* фундаментальным причинам¹⁵.

Данное утверждение базируется, в первую очередь, на теоретических изысканиях, изложенных ранее, но может быть проверено на практике. Опровержением его стала бы ситуация, при которой интенсивные, устойчивые и масштабные явления избыточного предложения на рынке товаров и услуг наблюдались бы параллельно с устойчивым, интенсивным и масштабным дефицитом рабочей силы. И наоборот, опровержением не является соседство с явлениями избытка-дефицита с обратным знаком, если они слабо выражены и носят локальный, переходный характер (например, в условиях экономики избытка может иметь место дефицит рабочей силы в отдельных профессиональных областях).

На рис. II-11 приведены лишь те факторы, объясняющие феномен избытка, которые связаны непосредственно с *системой*, то есть с тем, какой системе принадлежит власть в конкретной стране — капиталистической или социалистической. Это главная тема исследования, к ней я пытаюсь привлечь внимание читателя. Однако я никоим образом не отрицаю, что на возникновение избытка и дефицита в рамках обеих систем влияют и другие факторы.

15. Данное утверждение далеко не самоочевидно. В макроэкономическом дискурсе, например в рамках полемики относительно причин нынешнего кризиса, идут споры о том, что приводит к проблемам на подъеме цикла — уход инвестиций или отсутствие спроса на трудовые ресурсы. Оба процесса вписываются в рамки, описанные в данной работе.

1. К последним относятся обстоятельства, связанные с помехами, диспропорциями и пробелами в информации, которые могут быть результатом как избыточного предложения, так и избыточного спроса (о подобных явлениях я упомянул при анализе рынка труда).
2. В любом общественно-экономическом пространстве на процессы формирования предложения, спроса и цен влияет экономическая политика государства и, в первую очередь, валютная и денежно-кредитная политика. Хотя подобное влияние наблюдается во всех системах, методы, способы распространения и сила воздействия при капитализме и социализме существенно различаются. В данной работе, как отмечалось во введении, я не анализирую эту тему подробно и лишь затрагиваю ее.

Пользуясь условными обозначениями графика на рис. II-10, мы могли бы сказать, что группа факторов (1) влияет на местоположение «зоны», или «области». Чем меньше помех при адаптации, тем ближе совокупность точек к двум пунктирным линиям, обозначающим минимальный дефицит и избыток в *реальном* мире. Точка равновесия Вальраса, «нулевой избыток, нулевой дефицит» достижима лишь в воображаемом мире теоретических моделей.

Что же касается группы факторов (2), экономическая политика государства может сместить зоны в любую сторону, и это, конечно, крайне важно¹⁶ (к этому вопросу я еще вернусь в разделе, посвященном отклонениям

16. Аксель Лейонхувуд проводит аналогичную идею в своих статьях (Leijonhufvud, 1973, 2009), хотя и с помощью другой метафоры: макроэкономика может двигаться по коридору (*corridor*), но макрополитическая попытка произвести масштабный сдвиг заставит экономику врезаться в коридорную стенку. Выход из коридора сопряжен с серьезными последствиями. Как и автор данного исследования, Лейонхувуд не склонен производить анализ вокруг особой точки равновесия и полагает, что характеристики состояния рынка могут принимать *любые значения внутри определенных границ* (стен коридора).

от общей схемы). Так, например, в условиях экономики избытка, типичной для капиталистической системы, государство может стимулировать проявления избытка и сокращать явления дефицита («зона» смещается вправо и немного съезжает вниз) или наоборот. Однако экономическая политика не в состоянии «закинуть» экономику за биссектрису, то есть превратить ее в экономику дефицита. Для такого сдвига нужна смена системы, сравнимая по масштабам с русской революцией 1917 года или тем, что произошло в Восточной Европе (включая восточную Германию) после Второй мировой войны. Должны произойти радикальные изменения в блоке (1): рыночная координация и частная собственность должны уступить место бюрократическому регулированию и общественной собственности. Точно так же никакая валютная и денежно-кредитная политика не способны «перекинуть» содержимое «зоны экономики дефицита» через линию, проведенную под углом 45 градусов. Для этого потребуются радикальный сдвиг с обратным знаком — в блоке (1) на рис. П-11 должны возобладать частная собственность и рынок.

4.5. ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Хотя я и старался быть максимально осторожным в формулировках, из описания причинно-следственных цепочек читателю, наверное, уже стало ясно, что речь пойдет о детерминированных взаимосвязях. Если числовые значения каузальных, объясняющих переменных заданы заранее, они предопределяют числовые значения переменных, подлежащих объяснению. Мне, конечно, и в голову не приходило столь упрощенное объяснение.

В этой и предыдущих работах я нередко использую выражения типа «неотъемлемые особенности» социалистической или капиталистической системы. На самом деле системно обусловленное качество — это, скорее, *склонность*, сравнимая с врожденной генетической предрасположенностью у человека. Так, например, наши кровеносные сосуды с возрастом отвердевают и обызвествляются, однако степень кальцифицирования у всех

людей разная. Мы не во всем подвластны судьбе — пищевые привычки и другие факторы образа жизни влияют на скорость процессов, — однако тенденция сама по себе встроена в наш генетический код.

Даже во времена Сталина или Мао степень бюрократической централизации в социалистических странах не была одинаковой и воплощалась по-разному, при этом склонность к подобной организации экономики была заложена в системе. Монополия власти, однопартийная система и доминирование государственной собственности неизбежно приводят к бюрократической централизации — данное утверждение можно вывести логически и подтвердить эмпирическим путем.

С этой тенденцией можно бороться, но победить ее окончательно невозможно. На этот раз возьмем в качестве примера не склонность, заложенную в каждом человеке, а явление более узкого порядка — предрасположенность, унаследованную от предков на уровне семьи. Представим человека, чьи родители, бабушки, дедушки и их родственники страдали от заболеваний сердечно-сосудистой системы. В такой ситуации есть смысл проверить, унаследовал ли потомок предрасположенность к аналогичным заболеваниям. Можно рассматривать это как вероятностное предупреждение о повышенном риске приобретения такого заболевания с возрастом.

Если фактор риска существует, нет повода рассчитывать на *окончательную* победу. Отказ от курения, соблюдение диеты, физические нагрузки и минимизация стрессовых ситуаций позволяют эффективно бороться с врожденной предрасположенностью к сердечно-сосудистым заболеваниям. Но стоит расслабиться — и опасность возвращается.

В этом смысле (придерживаясь темы исследования) мы можем рассматривать системно обусловленные характеристики капитализма как тенденции или предрасположенности, которые либо реализуются в полной мере, либо подавляются различными факторами (самоограничение со стороны властей предрержащих, моральные нормы общества, законодательство или другие

формы государственного вмешательства)¹⁷. Однако внутренние силы продолжают оказывать воздействие; избавиться от них не поможет ни общественный контроль, ни государственное регулирование. Они генетически заложены в капитализме.

Рассмотрим несколько примеров.

В капитализме генетически заложена склонность к предпринимательству. Несмотря на бюрократические ограничения, налоговое бремя в отношении компаний, кредитный кризис, возникающий после рецессии и т. д. — пока жив капитализм, предпринимательская жилка будет возрождаться вновь и вновь.

Точно так же в генах капитализма заложено нежелание работодателей уступать требованиям о повышении зарплаты со стороны работников. Ради соблюдения собственных интересов работодатели готовы платить больше отдельным группам работников или выделять крупные суммы на благотворительность, в том числе на помощь бедным. Однако стихийное, неосознанное стремление работодателей направлено на ограничение зарплатных издержек (последнее не является аксиомой; при социализме директор завода определяет размер заработной платы в соответствии с указаниями сверху).

Способность разграничить предрасположенность и ее реализацию — важный аналитический инструмент, позволяющий понять, как функционируют общественные организации, системы и подсистемы. Я особенно подчеркиваю это для тех, кто привык описывать отношения между экономическими институтами и индивидами через математические связи между переменными в математических же моделях. Так, например, при описании поведенческой модели алкоголиков мы можем утверждать, будто количество ежедневно выпивае-

17. Сошлюсь повторно на книгу Акерлофа и Шиллера (Akerlof, Shiller, 2009) о явлении, которое Кейнс называл животным духом. В трактовке авторов этот психологический феномен во многих (но не во всех) отношениях напоминает то, что я именую здесь системно обусловленной предрасположенностью /склонностью.

мых бутылок пива X — неотрицательное число. Существует верхняя граница, определяемая биологическими факторами: человек физически не в состоянии выпить больше 20 бутылок. Но для динамической модели алкоголизма не важно, растет ли переменная X от 0 до 10 или отправной точкой служит 10, а затем показатель резко или постепенно сокращается до 0, — даже притом, что мы знаем, как сильно различаются процессы привыкания и отвыкания, перемещения «туда» и «обратно». Стандартные экономические модели такие вещи не учитывают. Посредством убедительных психологических экспериментов бихевиористская экономика доказала, что человек по-разному оценивает прибыль в \$100 и убыток на такую же сумму. Это явление известно специалистам как боязнь потери (*aversion to loss*) (Kahneman, Tversky, 1979, 1991; McGraw et al., 2010), но так и не стало частью микро- и макроэкономических теорий.

Признание данного феномена играет ключевую роль в наших рассуждениях. Напомню, в каких контекстах о нем шла речь.

- Шумпетеровское созидательное разрушение. Созидание происходит на волне огромного энтузиазма; прогрессирующие обретают в процессе радость и материальные преимущества. Разрушение — процесс болезненный. Потерпевшие неудачу сопротивляются, психологически привязываются к тому, что обречено на исчезновение, а их материальные интересы, хотя бы и временно, тоже связаны с сохранением разрушаемого (или им кажется, будто это в их интересах).
- Победившие в соревновании испытывают радость или, по крайней мере, улучшают свое положение, например, увеличивают долю рынка. Стремление к расширению — сильнейший мотиватор. Однако для проигравшего утеря позиций не происходит автоматически, как в спортивном состязании. Те, кто выступил не так удачно, не освобождают полностью территорию, которую удалось завоевать конкуренту. Это одна из причин появления избытка.

- В условиях капиталистической рыночной экономики компании, влияющие на ценообразование, не испытывают угрызений совести, поднимая цены, ведь это обещает им рост прибыли. Снижение цен происходит мучительно, на него решиться куда труднее. Цены растут быстрее, чем снижаются. Подобная асимметрия — еще одно объяснение возникновения избытка.

Я уже подчеркивал выше, что состояние рынка — с точки зрения устойчивых тенденций — асимметрично. Отчасти (но не полностью) это можно объяснить неприятием потерь. Данная предрасположенность направлена в одну сторону; конечно, можно представить, что она может воздействовать и в обратном направлении, но для этого придется противостоять сильным спонтанным проявлениям, а это далеко не всегда получается.

Изложенные соображения влекут за собой серьезные последствия. Нам необходимо знать, какие явления и процессы при капитализме следует рассматривать как продукт «имманентных», «генетических» составляющих, а какие — как результат особого стечения обстоятельств. Многое зависит и от степени предрасположенности.

Когда государство или иная организация пытается действовать против какой-нибудь сильной стихийной предрасположенности (нередко такое противодействие очень даже оправданно!), следует избавиться от иллюзий. Нет таких правовых или государственных ограничений, которые не пытались бы обойти или преодолеть носители этой генетической склонности.

II-5

Экономика избытка: влияние и оценка

5.1. ПОСЛЕДСТВИЯ И ОЦЕНКИ

Ранее феномен экономики избытка и причины его возникновения мы рассматривали в позитивном ключе. Обратимся теперь к анализу последствий. Буду по-прежнему пытаться разделять (насколько возможно) объективное описание явлений от оценочных суждений. Последние — неизбежно субъективны, ведь за каждой оценкой стоит система ценностей самого эксперта. Разбор каждого пункта я сопровождаю собственным комментарием, приводя оценки других экспертов, отличные от моих, особенно это касается тех суждений, которые фигурируют в публичном дискурсе и оказывают значительное влияние на общественное мнение.

Из-за тесных причинно-следственных связей (см. рис. II-11) довольно трудно вычислить, какие последствия следует отнести на счет капиталистической системы *в целом*, а какие — на счет *специфического* характера рынка в условиях экономики избытка. Далее я хотел бы сконцентрироваться на второй группе явлений, то есть на последствиях экономики избытка (конкуренции среди продавцов, избыточных мощностях и запасах, избыточных трудовых ресурсах и других проявлениях избытка, упоминаемых в работе), а не на общей оценке капитализма. За рамками обсуждения остаются такие важнейшие вопросы, как демократия, права человека, конституционность; все они тесно связаны с частной собственностью и рыночной экономикой, но не соотносятся непосредственно с главной темой исследования — экономикой избытка.

5.2. ИННОВАЦИЯ

Факторы, стимулирующие и тормозящие инновации, — объект разнообразных и обширных исследований¹. По мнению большинства авторов, главный стимул инновационной деятельности — конкуренция. Соперничество между производителями (и, в особенности, самая распространенная его форма — монополистическая конкуренция) производит излишки. Конкуренция — одновременно и *причина* возникновения избытка и его *следствие*, ведь производитель стремится максимально использовать свои мощности, а продавец — избавиться от накопившихся запасов и отвоевать покупателей у конкурентов при помощи новых товаров и услуг. Это легко объяснить логически: если нет избытка, нет и конкуренции между продавцами, отсутствует *стремление* (*drive*), вызванное необходимостью реализовать избыток. Какой смысл внедрять инновации в автомобильной промышленности или сфере телекоммуникаций при социализме, если покупатели и так стоят в очереди за устаревшими моделями и телефонными линиями? В условиях экономики избытка от быстрой модернизации получают выгоду те, чья жизнь становится удобнее, интереснее и продуктивнее, благодаря достижениям техники, и те, кто может приобрести изначально дорогие товары по более низким ценам.

Ранее мы уже затрагивали эти темы, но я возвращаюсь к ним, рассматривая экономику избытка с оценочных позиций, поскольку в моей личной системе ценностей именно это составляет *первоочередное экономическое преимущество* экономики избытка перед экономикой дефицита.

С подобной оценкой согласятся не все. Для многих словосочетание «общество потребления» наполнено негативными смыслами. Одна из самых характерных черт

1. Самое большое влияние в этой области, безусловно, оказали работы Шумпетера (Schumpeter, 1980 [1912], 2010 [1942]), но и другие авторы внесли свой вклад в понимание инновационных процессов. Обзор самых важных трудов и ссылки на них приведены в части I.

общества потребления — постоянный приток новых товаров и услуг — раздражает их и кажется избыточной.

Я не утверждаю, будто инновационный процесс лишен теневых сторон. Идти с ним в ногу не просто. Надоедает все время изучать новые наборы инструкций, когда старые-то не успели выучить до конца. Пусть каждый решает сам: стоит ли удовольствие усилий, прилагаемых продавцами и покупателями.

Инновации и технический прогресс вообще таят в себе опасности. Никто не отрицает, что новаторские разработки могут быть употреблены во зло². Задним числом это можно сказать о любом изобретении, и наши оценочные суждения следует выносить не забывая об этом.

5.3. СУВЕРЕНИТЕТ ПОТРЕБИТЕЛЯ И МАНИПУЛЯЦИИ

Достаточные запасы и легко мобилизуемые резервные мощности позволяют потребителю выбирать из предлагаемого ассортимента и отвергать товары, которые ему не нравятся. Широкий выбор, обеспеченный экономической избытка, — не просто коммерческое явление, но составная часть *прав и свобод* человека. В условиях экономики дефицита выбор отсутствует, вынужденные замены сводят на нет удовольствие, которое человек получает от потребления. Сокращение возможностей выбора урезает права и свободы, не говоря о материальной стороне.

Производители и поставщики услуг стараются максимально использовать свои мощности, а продавцы — продать все запасы. Наличие избытка заставляет их приспособливаться к запросам потребителей. Чтобы приспособить товар к потребностям покупателя в среднесрочной и долгосрочной перспективе, требуется время, но преодолеть отставание можно с помощью запасов и легко мобилизуемых мощностей. Избыток — «смазка», позволяющая заглушить или прекратить скрипы в механизме адаптации.

2. Подробнее об оценках и восприятии инновационного процесса и технического прогресса см. часть I, где я привожу и собственную точку зрения.

Не хочу идеализировать отношения между покупателем и продавцом в условиях экономики избытка. Те, кто утверждает, будто при экономике избытка (или шире — при рыночной экономике) реализуется суверенитет потребителя, явно преувеличивают. Истинный вассал подчиняется суверену безоговорочно. Здесь же об этом и речи быть не может. Во-первых, потому что предложение пробуждает спрос, особенно на новые товары и услуги. Во-вторых (и это лишь дополняет картину), продавцы пытаются активно влиять на вкусы покупателей, не просто предоставляя информацию (пусть и полезную), но и манипулируя ими. Для экономики дефицита реклама — излишество, лишённое смысла, а для экономики избытка — неизбежный побочный эффект. Любой, кто предпочитает экономике дефицита экономику избытка (по другим причинам) вынужден примириться с присутствием потока рекламы, порой честной, но нередко и дезориентирующей и призванной заставить потребителей совершать покупки. В масштабе общества затраты на рекламу огромны, как показано в табл. II-8.

В США расходы на рекламу в первом десятилетии 2000-х годов превышают 2% от ВВП. Масштабы затрат становятся понятны, если сравнить их с отдельными статьями государственных расходов. Совокупные расходы федерального и местных бюджетов на высшее образование в 2007 году составляли те же 2%, а на программы помощи семьям и детям выделялось 0,6% ВВП, на полицию и пожарные службы — 1% (Chantrill, 2010).

Не стоит, однако, заходить слишком далеко и объявлять сувереном производителя. Как бы хитро он ни манипулировал покупателем, у последнего, при наличии избытка, всегда есть возможность отказаться от предложенного товара или услуги. Цитируя Альберта Хиршмана, есть выход (*exit*): покупателям ни к чему громко протестовать — достаточно перейти к другому продавцу. (Hirschman, 1995 [1970]). Если мы заимствуем термины из словаря политической власти, то потребителя в условиях экономики избытка уместнее называть не абсолютным суверенным правителем, но «сильным» президентом республики, который влияет на принятие решений

ТАБЛИЦА II – 8.

Расходы на рекламу в экономически развитых странах, 1975–2007
(расходы на рекламу в отношении к ВВП, %)

Год	Аргентина	США	Япония	Италия	Новая Зеландия
1975	н/д	1,70	0,83	н/д	н/д
1985	н/д	2,25	1,08	н/д	н/д
1995	н/д	2,20	1,10	н/д	н/д
2000	1,20	2,52	1,22	0,69	1,34
2005	1,79	2,18	1,36	0,60	1,41
2006	1,99	2,14	1,37	0,60	1,33
2007	2,10	2,03	1,36	0,61	1,33

ПРИМЕЧАНИЕ. Расходы на рекламу содержат затраты на рекламные материалы, размещенные в газетах, журналах, на радио, телевидении, путем адресной рассылки, на рекламных щитах и т.д. Нам не удалось установить, действительно ли предоставленные данные отражают все составляющие расходов на рекламу.

ИСТОЧНИКИ: данные по ВВП – бюллетень МВФ (IMF, 2010) и Федеральный резервный банк Сент-Луиса (2010); расходы на рекламу – WARC, 2007; CS Ad Dataset, 2007; Dentsu, 2009.

и обладает правом вето. В экономике дефицита, напротив, нет никакого выхода: вассалы-покупатели подчиняются находящемуся у власти суверену-производителю. Чем сильнее дефицит, тем больше зависимость.

Из пары противоположностей экономика избытка/экономика дефицита становится очевидно: в конечном счете речь идет о типах *соотношений сил* и подчинения/доминирования. Данная аргументация, как правило, отсутствует в традиционной экономической доктрине.

5.4. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ И КООРДИНАЦИЯ

Сказанное мною в отношении «смазывания» механизма взаимной адаптации производителя и потребителя относится и к связям внутри производства. При любой

системе возникают проблемы с поставкой сырья и запчастей: поставщик может несвоевременно доставить заказ, люди совершают ошибки и нарушают трудовую дисциплину. Однако в условиях экономики избытка задачи решаются проще благодаря наличию свободных запасов и резервных мощностей. Любой, кто работал на производстве (начальником или простым рабочим) и имел возможность сравнить повседневный процесс на социалистическом госпредприятии и в частной капиталистической фирме, сразу почувствует разницу (см. табл. II-3 и рис. II-5). Экономика избытка работает с меньшими перебоями, отличается большей гибкостью и надежностью по сравнению с экономикой дефицита, страдающей от постоянных ограничений.

Все это, безусловно, сказывается и на росте производительности капиталистической системы. Справедливости ради надо добавить: «смазка» требует существенных капитальных вложений в создание резервных мощностей и запасов. Многие на интуитивном уровне осуждают использование огромных капиталов в подобных целях и считают это «пустыми тратами».

С помощью операционных моделей можно произвести расчеты на уровне корпораций и сопоставить стоимость запасов и резервных мощностей с убытками из-за непредвиденных проблем с поставками и «уходом» неудовлетворенных покупателей. Насколько мне известно, для экономики в целом таких расчетов никто еще не производил.

Общие характеристики экономических систем выводятся не из точных расчетов в рамках исследования операций. Люди, выполняющие расчеты по издержкам прибыли для экономики избытка, ориентируясь на собственную систему ценностей, могут подумать, будто обширные запасы и резервные мощности окупают сами себя, или, наоборот, прийти к выводу, будто капиталистическая избыточная экономика по своей природе склонна накапливать запасы и держать значительную часть производственных мощностей в резерве.

5.5. АДАПТАЦИЯ

До сих пор я разделял рассуждения об отношениях между производителями и потребителями (под последними здесь подразумеваются индивидуумы или домашние хозяйства) и отношениями между производителями. Рассмотрим, как взаимодействуют все участники экономического процесса *в целом*. Координация худо-бедно возникает даже в условиях экономики дефицита – подтверждением тому служат сам факт продолжительности ее функционирования.

Одно из главных преимуществ экономики избытка состоит в том, что координация в ней (даже при наличии помех) будет более гибкой, гладкой и быстрой, нежели в неповоротливой и замедленной экономике дефицита. Приверженцы капитализма (например, авторы большинства учебников, написанных в русле традиционной теории) считают способность координировать и уравнивать главным преимуществом рыночной экономики; самые ревностные готовы объяснять все достоинства рынка именно этим свойством. В моей трактовке на первое место выходит не гибкость статической адаптации, а динамизм экономики избытка, непреодолимое стремление к инновациям; при этом положительные адаптивные свойства я тоже считаю ее важным достоинством.

5.6. РАВЕНСТВО

В условиях экономики избытка открыто дает о себе знать неравенство доходов и уровня благосостояния. За деньги любой может купить все, что захочет и сколько захочет. Ограничения задает толщина кошелька покупателя: кто может меньше себе позволить – меньше покупает.

Экономика дефицита, напротив, обладает уравнивающим эффектом, хотя и последовательно эгалитарной ее назвать нельзя. Против полного уравнивания работают несколько факторов.

Доходы распределяются неравномерно. На практике при социалистической экономике зарплаты подвергают-

ся дифференциации по разным причинам—это и стимул для увеличения производительности, и награда за лояльность и политические услуги. Таким образом, правило «у кого больше денег, тот может больше купить» действует и здесь.

К тому же, равенство не сводится к приобретению товаров за деньги. Система распределения (жилья, дефицитных продуктов и т. д.) открыто или завуалированно поддерживает тех, кто близок к правящей партии и располагает влиянием и связями.

Однако по сравнению с ситуацией в большинстве капиталистических стран, неравенство зарплат и доступа к благам при социализме куда меньше. Поэтому возникает впечатление (неточное, но и не совсем ошибочное), будто в условиях экономики дефицита «всего мало, но понемногу достается всем».

Уравнивание достигается за счет патерналистской ценовой политики социалистического государства и государственного финансирования бюджетных секторов, что в конечном итоге подразумевает перераспределение доходов. В экономике дефицита практически все имеют доступ к бесплатному образованию и медицине, включая беднейшие слои населения, которые не могли бы платить за эти услуги в рамках «чистой» рыночной экономики³. Значительные госдотации позволяют удерживать квартирную плату и цены на важнейшие продовольственные товары на низком уровне, что тоже облегчает жизнь низкооплачиваемых категорий граждан.

Последствия, естественно, сказываются на общем состоянии рынка: возникает дефицит товаров и услуг, распределяемых бесплатно или почти бесплатно. Обширный дефицит — плата за равенство. В конечном итоге у экономики дефицита больше оснований называться эгалитарной, чем у экономики избытка, но перераспределение доходов, нацеленное на уравнивание, стимулирует формирование дефицита.

3. О социальном государстве, возникшем в рамках современного капитализма, речь пойдет далее.

5.7. «МАТЕРИАЛИЗМ» И «ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ»

Экономику избытка (общество потребления) часто обвиняют в том, что она делает из людей «материалистов», заставляет их мыслить материалистически⁴. Рекламные кампании, набитые товарами торговые центры и эффектные новые товары формируют искаженную систему ценностей и отучают людей уважать духовность.

Изучение этого вопроса с позиций науки следует отдать на откуп социологам. Я же позволю себе лишь ряд замечаний, основанных на наблюдении за экономикой дефицита и экономикой избытка. В 1970-е годы я видел в московском универмаге, как женщины таскали друг друга за волосы из-за новой партии обуви. Были ли они меньшими материалистками, нежели современные москвички с их возможностью выбирать из широкого (слишком широкого?) ассортимента обуви в многочисленных конкурирующих магазинах?

Можно обратиться и к более радикальным примерам. Правда ли, что миллионы погибших от голода, спровоцированного экономикой дефицита на сталинской Украине и позднее — в маоистском Китае, меньше интересовались материальными благами — зерном, мукой, картофелем, хлебом — и придавали духовным ценностям большее значение, нежели их потомки, имеющие возможность приобрести все эти продукты?⁵

4. Историки экономической мысли, как правило, возводят данное разветвленное направление в критике капитализма к работам Торстейна Веблена и Гэлбрейта (Veblen, 1975 [1899]; Galbraith, 1958). Сюда можно отнести разнообразные эпитеты, которыми награждали капиталистическую систему, отсылая к ее идейной составляющей: консюмеризм, потребительский капитализм, экономический материализм, общество изобилия, *homo consumericus* — человек потребляющий, коммерциализм и т. д.

5. Протестуя против мессианских пророческих идей Толстого, Чехов писал: «...расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и воздержании от мяса» (Чехов, 1975 [1894]). Цит. по: Чехов А. П. Письмо Суворину А. С., 27 марта 1894 г. Ялта // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР.

Если и существуют причинно-следственные отношения между общим состоянием рынка (в паре — экономика избытка против экономики дефицита) и «материалистическими» устремлениями, то они, скорее всего, сводятся к следующему: экономика избытка, наряду с другими факторами, способствует распространению информации и современных средств образования (об этом уже говорилось выше). Те, кто стремится обрести духовные и интеллектуальные ценности или жаждет новостей, получают новые возможности выбора, недоступные прежде. Избыток — запасы и резервные мощности — распространяется на запасы книг в книжных магазинах и издательствах, многообразие радиостанций и телеканалов и практически бесконечное море информации в Интернете. В избытке все — и ценности, и мусор.

5.8. НАПРАВЛЕНИЕ КОРРУПЦИИ

Коррупция есть в любом обществе. Ее масштабы и формы зависят от нескольких факторов⁶. Даже не буду обращаться к вопросу, где коррупции больше — при социализме или при капитализме, все равно на него не ответить. Ограничусь лишь тем, что имеет непосредственное отношение к предмету исследования, а именно: влияет ли на коррупцию общее состояние рынка?

Конечно влияет. Кто кому дает взятки? Кто кого «стимулирует»? Зависит от того, в условиях какой экономики функционирует рынок — избытка или дефицита. С изрядной долей упрощения можно сказать, что в экономике дефицита потребители пытаются влиять на продавцов различными способами, включая незаконные. В эконо-

6. Коллегиум Будапешт в 2002–2003 годах создал междисциплинарную исследовательскую группу, которую возглавили Сьюзан Роуз-Акерман и автор работы. Заявленная тема: «Честность и доверие в свете постсоциалистического перехода». По результатам исследований было написано 40 работ, собранных в двух томах (Kornai, Rose-Ackerman szerk., 2005; Kornai, Rothstein, Rose-Ackerman, szerk., 2005), где также приводится подробная библиография по теме.

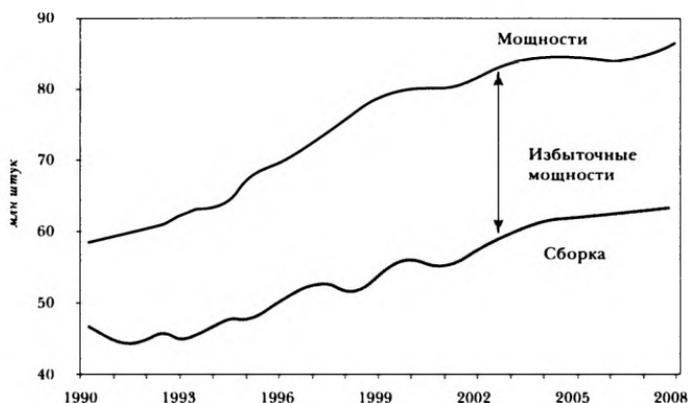
мике избытка все наоборот: продавцы всеми способами, включая незаконные, пытаются влиять на покупателей.

Типичные проявления коррупции в условиях дефицита носят незначительный характер. Домохозяйка сует деньги в карман мяснику, чтобы получить кусок полущше. Куда серьезнее ситуация, когда снабженец или завскладом подкупает представителя поставщика, чтобы тот обеспечил поставку дефицитных материалов или деталей именно для его предприятия. Мелкие акты коррупции превратились в серьезную аномалию вследствие широкого распространения.

В экономике избытка коррупционные соблазны очень сильны, особенно в тех случаях, когда продавец имеет частный интерес заполучить покупателя, а покупатель тратит общественные деньги. Речь идет о немалых суммах: на счета частных компаний переводятся миллиарды из средств налогоплательщиков. Есть смысл заплатить миллионы представителю закупочного комитета или иной государственной организации, чтобы контракт наверняка получила компания продавца, а не ее конкуренты. Для продавца эти миллионы могут составлять ничтожный процент от сделки, но для берущего взятку чиновника это огромная сумма. Подкупные люди есть везде, просто в этом случае сама ситуация таит в себе больше соблазнов. Ранее я отмечал благотворное влияние конкуренции между продавцами, но та же конкуренция порождает и коррупцию.

5.9. ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА ПРИМЕРЕ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Для иллюстрации рассуждений о достоинствах и недостатках экономики избытка возьмем пример из экономической истории и экономической политики: развитие автомобильной промышленности в ходе последних

ПРИМЕЧАНИЕ. Количественные данные приведены для мировой автомобильной промышленности, а именно так называемых легковых автомобилей. В Европе к этой категории относят автомобили весом до 3,5 тонн.

ИСТОЧНИК: Francas et al, 2009.

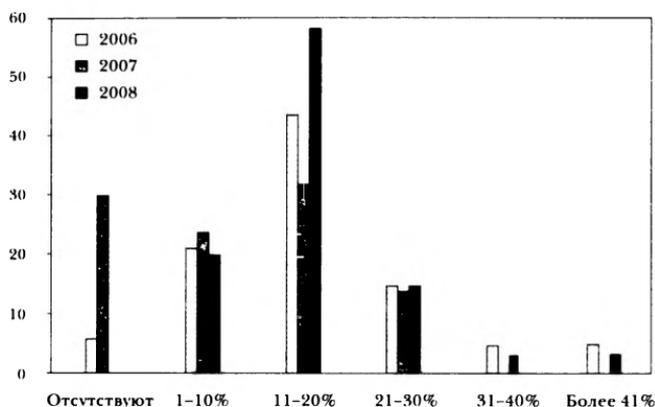
РИСУНОК II – 12.
Избыточные мощности в автомобильной промышленности, 1990–2008

десятилетий⁷. За длительный период во всех странах с развитым автопромом сформировались большие избыточные мощности. На рис. II–12 видно, что пропорция неиспользуемых мощностей варьировала от 12 до 27% и в 1990–2008 годах, демонстрируя тенденцию роста. Здесь правомерно говорить о хроническом избытке мощностей.

На заводах и у дилеров скопились гигантские запасы автомобилей⁸. Об объемах избыточных мощностей и не-

7. С общим обзором по теме можно ознакомиться в следующих работах: Haugh et al., 2010; OECD, 2009; Orsato, Wells, 2006.

8. Избыток – ключевая характеристика автомобильной промышленности, но на рынке автомобилей класса «люкс» ждать выполнения заказа на отдельные модели приходится по несколько месяцев. Данная ситуация – хороший пример сосуществования

ПРИМЕЧАНИЕ. На горизонтальной оси представлены шесть областей для определения объема избыточных мощностей для каждого из трех годов. Вертикальная ось показывает распределение числовых показателей. Так, например, в 2007 году, по словам 32% респондентов, избыточные мощности составляли от 11 до 20%.

ИСТОЧНИК: КPMG, 2009.

РИСУНОК II-13.

Данные, предоставленные руководителями предприятий автопрома об общих объемах избыточных мощностей, 2006-2008

проданных запасов знали все аналитики отрасли, они же регулярно били тревогу. Обратимся к рис. II-13.

Хотя все директора заводов осознавали наличие гигантских избыточных мощностей на мировом уровне, они были не в состоянии контролировать собственное стремление к расширению. В надежде отвоевать у конкурентов долю рынка, фирмы создавали все новые мощности. В результате с началом рецессии в 2008 году производство автомобилей превратилось в одну из кризисных отраслей, особенно в США.

избытка и дефицита, но первый доминирует, а второй является исключением.

Падение производства в автомобильной промышленности обладает мультипликативным (умножающим) эффектом, поскольку поставщики и поставщики поставщиков в цепочке продаж формируют существенную долю в экономике. Таким образом, возникло сильное давление, вынудившее к оказанию помощи автомобилестроительным корпорациям, пострадавшим от кризиса. Пришлось прибегнуть к антикризисным мерам, что с большой долей вероятности может привести к возникновению мягких бюджетных ограничений в будущем. Ранее уже говорилось о том, какие факторы препятствуют процессу созидательного разрушения. Все это отчетливо просматривается на примере замедленного сворачивания мощностей в автомобильной промышленности.

На одной чаше весов — чудовищное расточительство в виде гигантских неиспользуемых мощностей автопрома. Автомобили загрязняют воздух, растет число аварий. С другой стороны — вклад индустрии в обеспечение быстрых и удобных средств передвижения для растущей части населения Земли. Автомобильные заводы, поставщики сырья и деталей для автопрома создают миллионы рабочих мест. Конкуренция внутри отрасли стимулирует технический прогресс, делая современный автомобиль более удобным, скоростным и безопасным, нежели двадцать или пятьдесят лет назад. Рано или поздно случится прорыв, благодаря которому кардинально сократится использование топлива. Природа капитализма, его разнообразные сильные генетические свойства спонтанным образом запускают эти процессы, обладающие как благоприятным, так и неблагоприятным воздействием.

Здесь имеет смысл провести еще одно сравнение между капиталистической экономикой избытка и социалистической экономикой дефицита. Избыточные мощности и гигантские запасы автопрома действительно задействуют огромные ресурсы, однако покупатель приобретает автомобиль когда захочет и выбирает ту модель, которая ему нравится, при условии, что у него есть деньги. При необходимости финансовый сектор, а также автомобильная промышленность и торговля с готов-

ностью предоставляют ему кредит. В социалистических странах автомобили были в жутком дефиците. В конце 1980-х годов на автомобильном рынке Советского Союза и Восточной Европы дефицит составлял примерно 4 миллиона штук, что соответствует примерно одной трети избыточных мощностей, сформировавшихся в капиталистическом мире⁹. В некоторых восточноевропейских странах отдельных моделей надо было дожидаться по 14–16 лет (Kornai, 1993a). О кредите и речи не было — во многих странах покупатель должен был заранее заплатить полную или частичную стоимость машины, иными словами, покупатель предоставлял кредит продавцу.

В условиях экономики избытка развитие автопредприятий стимулирует инновации. Каждый год появляются новые приспособления: от усовершенствованных систем безопасности до более развитых механизмов обогрева и охлаждения; от радаров, предупреждающих об угрозе столкновения, до электронных «примочек»; от развлекательных устройств (радиоприемники, проигрыватели, телевизоры) до приборов, снижающих выбросы вредных веществ. В экономике дефицита, напротив, технический прогресс практически остановился: восточногерманские «Трабанты» или «Вартбурги», советские «Лады» и прочие марки не менялись десятилетиями. В лучшем случае их производители копировали парочку западных нововведений. Но что могло подстегнуть развитие отрасли, если покупатели проводили годы в очередях за устаревшими моделями?

5.10. В ЗАЩИТУ КАПИТАЛИЗМА И ЭКОНОМИКИ ИЗБЫТКА

Обзор последствий экономики избытка и сравнение ее с экономикой дефицита приводит нас к вопросу о том, какую оценку мы можем ей вынести. Вынужден повторить предупреждение, вынесенное в самом начале исследования: мы рассматриваем лишь один аспект функционирования капитализма, а именно общее состояние

9. Основой послужили расчеты Жужи Капитань (Kapitány, 2010).

рынка, режим рынка, экономику избытка. Это не частный вопрос, но анализ важного момента; речь идет о базовых достоинствах и проблемах капиталистической системы. Но чтобы оценить капиталистическую систему в целом, мы должны учесть, каким образом капитализм влияет на социальное и экономическое положение работников и на распределение доходов, что связывает капиталистическую экономику и альтернативные формы управления — демократию и диктатуру. Список проблем, не затронутых в работе можно продолжить и дальше.

И все же мне не хотелось бы совершенно уходить от проблемы. В своих работах, посвященных другим аспектам капиталистической системы, я уже высказывался *в пользу* капитализма с точки зрения рассматриваемых характеристик, но всегда подчеркивал нежелание замалчивать негативные черты системы. Сторонником капиталистической системы меня делают два ключевых аргумента.

Прежде всего, на первом месте в моей личной системе ценностей стоит приверженность демократии. Без капитализма демократии не бывает. Основы капиталистической экономики не обеспечивают *достаточных* условий для установления, поддержания и успешной защиты демократии. Однако преобладание капиталистической частной собственности и рыночной экономики является *необходимым* условием для сохранения демократии. Здесь я могу лишь вскользь упомянуть этот первоочередной довод в защиту капитализма, ознакомиться с моей позицией подробно можно в других работах (см. сборник «Социализм, капитализм, демократия и смена системы» — Kognai, 2007).

Второй аргумент в пользу капитализма заключается в том, что эта система (и никакая другая) способна поддерживать в постоянном движении и двигать вперед процесс модернизации, инноваций и стремительного развития технологий. Речь идет о выборе ценностей и о мировоззрении, придающем важное значение законам социальной подвижности и взаимовлиянию различных сил. Последний довод возвращает нас к предмету данного исследования. Для меня *прогрессивное* состоит в том, что все больше людей получают шанс выбраться из нужды и голода, получают доступ к техническим до-

стижениям, повышают свой уровень жизни. И этот прогресс становится возможен благодаря инновациям, обеспеченным экономикой избытка, которая, в свою очередь, является продуктом капиталистической системы.

Остальные доводы в защиту экономики избытка представляются мне третьестепенными. Я также со всей серьезностью отношусь к аргументам против. Но в моей личной системе ценностей эти первые два довода — демократия и технический прогресс — играют решающую роль: я выбираю капиталистическую систему.

Отвечая на основополагающий вопрос, что лучше — капитализм или социализм, многие ответили бы так же, как я. Тем не менее целый ряд вопросов остается открытым.

Несколько десятков лет тому назад я читал в Дублине лекцию в честь выдающегося ирландца — специалиста по статистике, профессора Роя Гири. Описывая явление дефицита в социалистической экономике, я указал на мучения, которые они приносят жителям социалистических стран, но подчеркнул, что безработица им не угрожает. В ходе последующей дискуссии профессор Гири поинтересовался, может ли Ирландия сохранить изобилие товаров, присущее капиталистической рыночной экономике, и одновременно «импортировать» из соцстран избавление от безработицы. «Нет, не может» — ответил я тогда и продолжаю настаивать на этом. Дефицит товаров и дефицит рабочей силы — совместные продукты (*joint products*) хронической экономики дефицита. И наоборот: в условиях экономики избытка одновременно возникают избыточные мощности, избыточные запасы и избыточные трудовые ресурсы. Выбирая то, что нравится, следует помнить, что в нагрузку получаешь и то, что сам же осуждаешь.

Я принадлежу к многочисленной группе экономистов, которые поддерживают капитализм с объективных, «реалистических» позиций. Эта группа неоднородна. Есть в ней «наивные реформаторы»¹⁰, убежденные,

10. Это выражение знакомо тем, кто читал мои предыдущие работы. «Наивными реформаторами» я называл тех, кто полагал, будто реформа социалистической системы излечит все болезни

будто все основные болезни капитализма излечимы. Большинство из них считают необходимым лекарством государственное вмешательство. Представители второй подгруппы — к ним я отношу и себя — не верят в возможность полного излечения. Капитализм — организм противоречивый, с сильными положительными и отрицательными свойствами. И те и другие тесно связаны с его природой. Преимущества капитализма проявляются отнюдь не по воле политиков и бюрократов или правильных советов со стороны интеллектуальной элиты, равно как и недостатки не являются результатом их злого умысла, эгоизма, глупости или заблуждений идеологов. Все эти характеристики — имманентные свойства системы, продукт прочно укорененных интересов, выработанных в ходе эволюции инстинктов и моделей поведения.

Люди вынуждены мириться с врожденными и неизлечимыми болезнями системы. Необходимо осознать: в условиях экономики избытка коммерческие запасы в ожидании покупателей будут разбухать, реклама — множиться, государственные закупки — сопровождаться фактами коррупции и т. д.

По моим наблюдениям, наивный оптимизм характерен, в первую очередь, для американского мышления: им кажется, что любую проблему можно решить. Европейцы (французы? венгры? евреи?) больше склонны к сомнениям и признают наличие *неразрешимых* проблем.

Последняя точка зрения не подразумевает пассивное смирение. Немало можно сделать для сокращения негативных последствий экономики избытка. Приведу лишь несколько рецептов.

- В рамках отдельного предприятия можно выработать политику закупок и управления запасами, что

социализма. По моему мнению, определенные негативные черты социализма носят генетический, имманентный, врожденный характер и не подлежат излечению. Равно как и некоторые негативные черты капитализма являются генетическими, имманентными, врожденными и неизлечимыми, что мной было подчеркнуто в данной работе.

позволит отладить товарные потоки между компаниями. Вспомним стратегию оперативной доставки (*just-on-time*) для пополнения запасов и сырья в японской промышленности. Чем шире распространяется подобный опыт, тем меньше излишков; при этом в экономике сохраняется привычный уровень безопасности и потребительской удовлетворенности.

- Государство может защищать честную конкуренцию посредством правового регулирования и контроля.
- Необходимо разрабатывать конституционные методы борьбы с коррупцией. Устрашающие меры могут сократить ее проявления.
- Каким бы анахронизмом это ни казалось, осмелюсь предложить методы среднесрочного и долгосрочного планирования – не провальную систему социалистического госплана, но более современные формы индикативного планирования по французскому образцу. После надлежащих проверок такое планирование может помочь успешнее скоординировать новые мощности и ожидаемый спрос и, возможно, удержит руководителей крупных предприятий от гигантских инвестиций, увеличивающих объемы неиспользуемых мощностей.

Предложения приведены здесь лишь в качестве примера, с целью показать, как можно сочетать врожденные дефекты капитализма с конструктивным переосмыслением глубоких государственных реформ и законодательных инициатив.

5.11. ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА

В данной работе множество ссылок на самые разные источники. Рядом оказались авторы, очень далекие друг от друга, представители всевозможных школ и направлений экономики – «ортодоксы» и «еретики», традиционалисты и новаторы. В предыдущих своих работах я в шутку называл себя «эkleктиком», оправдывая тем самым многообразие своих интеллектуальных пристра-

ствий. Не отказываясь от этой характеристики, при проведении данного исследования я поставил себе более честолюбивую задачу.

Убежден, что попытка *позитивно* описать и объяснить устройство капиталистической и социалистической экономики позволяет *синтезировать* положения, выдвигаемые различными направлениями. Исследователи, проводящие анализ с различных, порой диаметрально противоположных позиций, могут одинаково увидеть одну и ту же реальность. Не берусь утверждать, будто все интересные идеи, порожденные экономикой до сих пор, можно объединить в одну большую теорию. Возможности для синтеза куда скромнее. Тем не менее в рамках обсуждаемой темы возможен синтез идей, которые были выдвинуты школами, упомянутыми в данном исследовании. Сам по себе синтез здесь не проводится, однако я делаю попытку обрисовать возможные пути для его использования¹¹. Я бы назвал это *позитивным синтезом* — позитивным в том смысле, что люди с несхожими, даже противоположными установками могут достичь консенсуса в понимании реальности (в отношении политических шагов и желаемых целей).

Таблица II–9 не претендует на полноту и не может заменить собой именной или предметный указатель. Нет в ней и точных ссылок, где конкретно в работе упоминается тот или иной автор и школа. Далекое не все работы, теории и положения, которые могли бы стать частью нового позитивного синтеза рыночной теории, нашли в ней отражение. Но при всей своей недостаточности таблица дает определенное представление о возможностях подобного синтеза.

11. Я не первый, кто видит возможность подобного синтеза (см., например: Flaschel, 2009; Helburn, Bramhall, 1986). Авторы, пишущие о синтезе, обычно характеризуют его, соединяя два-три значимых имени (скажем, Маркс, Шумпетер и Кейнс); или же используют префикс «нео», следуя примеру Самуэльсона, когда формулируют концепцию «неоклассического синтеза». Определение «позитивный» носит более широкий характер. Позитивный анализ мог бы voltar в себя куда больше направлений и школ.

ТАБЛИЦА II – 9.
Элементы *позитивного синтеза* в области изучения
экономики дефицита / избытка

Тема	Автор или школа	Название раздела или подраздела в работе, где данный вопрос упоминается
Олигополистическая конкуренция	Чемберлин, Робинсон, теория ограниченной (несовершенной) конкуренции	Процессы, связанные с предложением
Избыточная мощность (<i>excess capacity</i>)	Теория ограниченной конкуренции, пост-кейнсианская школа	Процессы, связанные с предложением
Инновация	Шумпетер	Процессы, связанные с предложением
Креативное разрушение	Шумпетер	Процессы, связанные с предложением
Резервные запасы	Модели исследования операций	Процессы, связанные с предложением
Возрастающая отдача от масштаба (<i>increasing return to scale</i>)	Калдор, Брайен	Процессы, связанные с предложением
Процесс формирования спроса	Школа неравновесия	Процессы, связанные со спросом
Конфликт между работодателями и работниками	Маркс	Процессы, связанные со спросом
Неэластичные (<i>sticky</i>) цены и зарплаты	Кейнс, неокейнсианцы	Процесс ценообразования Кейнсианская безработица
Кейнсианская безработица	Кейнс, школа неравновесия	Кейнсианская безработица
Структурная безработица	Фелпс	Структурная безработица

Тема	Автор или школа	Название раздела или подраздела в работе, где данный вопрос упоминается
Поиск	Фелпс, теории поиска	Несогласованное регулирование, фрикционная безработица и поиск
Сдельная оплата труда	Стиглиц, Шапиро	Сдельная оплата труда
Рынок не находится в равновесии	Австрийская школа	«Равновесие» как понятие — можно ли его использовать
Эволюционные теории	Нельсон, Уинтер, эволюционная экономика	«Равновесие» как понятие — можно ли его использовать
Генетические склонности / предрасположенности	Кейнс, поведенческая экономика, Акерлоф, Шиллер	«Равновесие» как понятие — можно ли его использовать
Боязнь потери (<i>aversion to loss</i>)	Поведенческая экономика	«Равновесие» как понятие — можно ли его использовать

ПРИМЕЧАНИЕ. Темы, авторы, теории и школы, перечисленные в первом и втором столбцах, фигурируют не только в разделах, указанных в третьем столбце, но и в других частях исследования.

Составляя эту таблицу, я не ставил себе целью прояснить историю теории или определить чей-то рейтинг. В средней колонке не обязательно перечислены те, кому принадлежит первенство публикации или разработки новой идеи. Я вписал туда имена или другие указания, способные сразу направить читателя в нужном направлении исследований.

В таблице нет отдельной строчки для институциональной экономики¹², поскольку я не смог бы заполнить для нее графу в третьем столбце. Позиция исследования

12. У институциональной экономики богатое прошлое. В последние десятилетия она заняла ведущие позиции, в первую очередь благодаря работам Дугласа Норта (North, 1990, 1991).

в целом и теоретические рамки представленных явлений совпадают с подходом, принятым в институциональной экономике. Подобное интеллектуальное родство просматривается и в моих предыдущих работах.

С помощью этой таблицы мне бы хотелось подчеркнуть, как много элементов я смог позаимствовать у других авторов, выстраивая идейную структуру исследования. Сожалею, что даже набросок остался незаконченным, а в самой многоэтажной конструкции недостает целых этажей. Тем не менее могу с радостью утверждать, что не одинок в своих устремлениях: многие другие авторы ставят себе аналогичную цель и пытаются получить такой синтез.

Если взвесить все перспективы, может показаться, будто шансы на достижение позитивного синтеза будут выше при анализе рынка рабочей силы, нежели в рамках изучения других сфер рынка. Скорее всего, причина в том, что применительно к рынку труда не возникает сомнений, в условиях какой экономики он функционирует: если это экономика избытка, проигнорировать проблему безработицы невозможно. Явления избытка дают о себе знать и в других сферах, но они не настолько «кричащие», как избыток рабочей силы.

В ходе обсуждения возможностей синтеза не раз фигурировало определение «позитивный». Я не привык прятать голову в песок — согласование и синтез возможны только до тех пор, пока мы не выходим за пределы позитивного описания и не попадаем в сферу нормативного анализа, оценочных суждений и политических рекомендаций. Тут уже грохочут орудия и начинаются острые дебаты о политической идеологии, сталкиваются самые противоположные представления о «правильном обществе». Ни о какой объективности и речи не идет; тут не могут остаться равнодушными даже самые флегматичные исследователи.

Шумпетер, один из главных вдохновителей моих работ, по своим политическим убеждениям склонялся к консерватизму. В том, что касается анализа функционирования рынка, я многому научился у Майзеса, Хайека и других последователей австрийской школы, которые

в своих пристрастиях тяготели к правому крылу политического спектра. Кейнс был либералом. Николас (Миклош) Калдор, с идеями которого я ощущаю сильную связь, был активистом левого крыла британских лейбористов. Большинство представителей неокейнсианской школы симпатизировали американским либеральным демократам. Анализ проблемы избыточных мощностей демонстрирует немало точек соприкосновения с современными посткейнсианцами, например с работами Джеймса Кротти (Crotty, 2001, 2002). Последний наряду с многими выдающимися представителями данного направления придерживается подчеркнуто левых взглядов. По нескольким кардинальным вопросам я разделяю точку зрения Маркса.

Ситуация, в которой оказались экономисты, работающие с теорией рынка, напоминает консилиум разных по специализации врачей, обследующих пациента и ставящих один и тот же диагноз, но назначающих совершенно разные методы лечения. Одни рекомендуют длительную лекарственную терапию, другие выступают за хирургическое вмешательство, а третьи советуют не мучить больного напрасно, потому как он все равно умрет¹³.

Здесь я должен остановиться. Не стану давать рекомендаций о том, какую политику должно проводить правительство конкретной страны для преодоления рецессии, хотя это и связано с вопросами, поднятыми в работе. По моему убеждению, новый, широкомаштабный синтез теорий, научных объяснений и исследовательских методов в рамках четко определенной научной области не только целесообразен, но и вполне осуществим.

13. Примечательный аргумент в пользу разграничения позитивного и нормативного подходов можно найти у Хайлброннера (Heilbronner, 1986). Он считает, что радикально отличные друг от друга программы, предложенные Марксом, Шумпетером и Хайеком, являются следствием разницы их политических убеждений, а не позитивного описания ситуации.

5.12. ПОТРЕБНОСТЬ В МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ, ОБЛАДАЮЩИХ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ СИЛОЙ

В приведенном списке идей, рекомендуемых для включения в синтез, фигурируют теории, снабженные математическим аппаратом и лишенные его. Мне не хотелось бы отбирать элементы для построения позитивного синтеза исходя из каких-либо предпочтений. Данное исследование оперирует аргументами исключительно вербального характера, но чем больше высказанных в нем идей вдохновят специалистов в области теоретической математической экономики на создание моделей, тем лучше.

Не отношу себя к тем, кто возлагает *всю* вину за направление экономики в неправильное русло на математическое моделирование. Тем не менее я тоже нахожу немало изъянов в практике применения математических моделей и преподавании математической экономики, что наносит серьезный ущерб нашей дисциплине. Однако эта непростая проблема выходит за рамки данного исследования.

Применительно к явлениям, анализируемым в работе, я бы не стал возражать против их математического моделирования, напротив, был бы рад появлению таких моделей. Важные новые проблемы, которые прежде никто не ставил, нередко (если не всегда) облакаются сначала в словесную формулировку. Вербальная дискуссия позволяет дать тонкое и многостороннее описание явления, но оно служит лишь началом научного понимания. Затем должны последовать более четкие определения концепций и строгие выражения отношений между ними, чтобы условия достоверности того или иного положения обрели логическую однозначность. Тут-то и приходит на помощь математическая модель.

Мне не удалось найти в литературе модели, которые подошли бы для высказанных здесь идей; если бы они нашлись, я бы с радостью изучил их и постарался использовать для проверки и уточнения собственных положений. Если бы перенос в сферу математики обнаружил серьезные ошибки, я был бы готов коренным образом пересмотреть собственные идеи.

Не думаю, что все проблемы, затронутые в работе, можно проанализировать посредством одной-единственной модели. С меня хватило бы и отдельных моделей для каждого из аспектов. Приведу несколько примеров.

В разделе II, где речь идет о процессах предложения, спроса и ценообразования, представлена динамическая система, внутри которой все три процесса взаимодействуют. Все вместе они формируют избыток (то есть неиспользуемые мощности и запасы). По моим представлениям, это можно было бы представить в виде системы разностных или дифференциальных уравнений. Такие модели показали бы, какие наборы параметров ведут к уничтожению избытка или подталкивают систему к экономике дефицита, а какие параметры, в совокупности, направляют ее в противоположную сторону и доводят до ситуации, когда система «взрывается» от возрастающего избытка. Какие свойства смоделированной системы (по моим предположениям) нарушат баланс равновесия Вальраса и заставят устойчивое состояние рынка качнуться в сторону экономики дефицита либо экономики избытка? Возможно, имеет смысл двигаться в направлении использования математического аппарата теории катастроф и теории бифуркаций.

Вместе с Белой Мартошем, Андрашем Шимоновичем и Жужей Капитань мы разработали модели (см.: Kognai, Martos, 1971, 1981), в которых фигурирует избыток, а увеличение или сокращение запасов служит главным сигналом для контроля за процессом. Математическим аппаратом послужил анализ разностных и дифференциальных уравнений. Мы сумели доказать, что такая система является жизнеспособной и поддается контролю, но упростили себе работу, представив технологии и структуру производства в виде констант. Это помешало нам разглядеть идеи, ставшие центральными для данного исследования: постоянное изменение и обновление ассортимента и шумпетеровские проблемы.

Существуют интересные и важные модели, сконструированные в подчеркнuto шумпетерианском духе (особенно стоит отметить новаторскую работу Агиона и Хоуитта (Aghion, Howitt, 1998), но они не рассматривают

феномен инноваций подробно. Чего в них не хватает, так это демонстрации внутренних механизмов, стимулирующих инновации.

Я коротко упомянул о математических моделях, описывающих возрастающую отдачу от масштаба (*increasing return to scale*) (Arthur, 1994; Helpman, Krugman, 1985). Появление их было многообещающим, но пока что не удалось интегрировать их в анализ шумпетеровских процессов.

Справиться с этими проблемами математическими методами, похоже, непросто. На мой любительский взгляд, они сравнимы с физическими явлениями, вроде потока жидкостей или газов, метеорологических процессов или движения элементарных частиц. Очевидно их сходство с эволюционными биологическими процессами, о чем уже говорилось выше. Люди, склонные к математическому моделированию, могут, вероятно, позаимствовать методологию в математическом инструментарии данных дисциплин. Подходящие для этих целей математические методы можно взять и из теории случайных процессов.

Или же понадобится новый гений, вроде Яноша (Джона) Неймана, для создания нового математического инструментария, чтобы четко оформить конструкцию, вчерне обрисованную в данной работе?

Пока не явится новый гений, экономисты попроще могут выбирать из двух вариантов исследовательской стратегии. Первая – свести выбор темы к вопросам, на которые экономическая наука в состоянии ответить с применением существующих математических знаний. Но в этом случае придется отказаться от моделирования большинства проблем, затронутых в данной работе. Вторая – не уклоняться от трудных вопросов и попытаться дать на них словесный ответ, понимая, что ответ будет условным, неполным и неточным, но приблизит нас к пониманию. Я, со своей стороны, выбрал второй вариант.

II–6

Отклонения от общей схемы

До сих пор мы пытались обрисовать общую схему функционирования экономики избытка. Очевидно, что от страны к стране размеры, пропорции и распределение излишков будут меняться. В табл. II–2 видно, как показатели загрузки производственных мощностей группируются вокруг среднего значения 80%. Отклонения от этой цифры можно, наверное, объяснить разными причинами, в том числе и тем, что составляющие механизма, генерирующего избыток, различаются, в зависимости от страны, по целому ряду особенностей.

Мы не ставим целью проанализировать эти различия, какими бы важными они не были. Данный раздел посвящен временным изменениям, которым подвергаются состояние и механизм экономики избытка. Периоды определены исходя из разных критериев.

6.1. КОЛЕБАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЦИКЛА

Общеизвестно, что в капиталистической системе объем производства (на любом уровне) – величина не постоянная, а переменная. Традиционная микроэкономика подробно занимается взаимной корректировкой спроса, предложения и цен в краткосрочной перспективе, и познания в этой области становятся все обширнее. В задачи данной работы анализ этого аспекта не входит.

Среди экономических школ нет единого мнения относительно колебаний экономического цикла (*business*

cycle) – речь идет о среднесрочных колебаниях. Договориться удалось о том, как точно измерить колебания и какие определения следует дать важнейшим понятиям (например, что называть рецессией). Однако на протяжении полутора столетий продолжается полемика относительно причин подъемов и спадов, оценки последствий и государственной политики, связанной с колебаниями конъюнктуры. Сегодня, на исходе рецессии (или в преддверии новой рецессии), споры горячи как никогда. В среде политиков, экспертов по экономике, находящихся непосредственно на службе у политики, и ученых-экономистов сталкиваются самые противоположные точки зрения.

Каким бы важным и интеллектуально захватывающим ни был спор о колебаниях экономического цикла, предмет исследования в нашем случае – не среднесрочные изменения рынка, а *устойчивая*, системно обусловленная природа капиталистического рынка. Начиная решение этой непростой задачи, я осознавал опасность: внимание лучших экономистов обращено на проблемы среднесрочной перспективы, и они склонны давать политикам и политическим руководителям практические советы о том, как победить рецессию. Но я все же обратился к изучению *устойчивых* явлений. Среди экономистов тоже существует разделение труда – кто-то должен и этим заниматься. Я взялся за это дело, поскольку моя профессиональная специализация – сравнение социалистической и капиталистической систем – изначально подготовила меня к исследованию устойчивых различий между ними.

Оговорив условия, изложу несколько замечаний. Мне бы хотелось убедить читателя в том, что в момент, когда все внимание сосредоточено на проблемах рецессии, оживления экономики и циклических колебаний, мои рассуждения тоже могут оказаться полезными. Причины и последствия *среднесрочных* колебаний зависят и от *устойчивого* рыночного режима, в рамках которого эти колебания происходят.

Общее рыночное состояние капиталистической экономики – даже в разгар активных колебаний – остается

в пределах того, что отвечает критериям экономики избытка (относительно границ см.: «*Общая характеристика двух новых режимов рынка*»). Даже в ситуации сильнейшего бума, когда портфель заказов у производителей в ведущих отраслях разбухает, запасы сокращаются, режим эксплуатации производственных мощностей ужесточается, безработица опускается до нехарактерно низкого уровня и во многих местах наблюдается нехватка рабочей силы, экономика избытка не превращается в экономику дефицита.

Вернемся к рис. II-2, где показаны уровни эксплуатации промышленных мощностей в США с 1965 по 2010 годы. Серые столбцы указывают на периоды рецессии. Кривая сильно колеблется: во время рецессий уровень эксплуатации существенно снижается. Но нет ни одного года, когда бы этот показатель достиг уровня полной эксплуатации, лишь для нескольких лет он достигает 88–90%. На графике кривая эксплуатации демонстрирует постоянное присутствие избытка; для показателя использования промышленных мощностей это означает от 12 до 35%.

Говоря в общих чертах, колебания экономического цикла остаются в пространстве экономики избытка. Пространство это имеет границы. Если экономика развивается быстрыми темпами, она может достичь верхнего предела или, побив прежние рекорды, даже выйти за него¹. Однако на подступах к верхней границе и особенно после ее преодоления начинают работать различные защитные механизмы. Часть из них включается спонтанно: на каком-то из рынков «лопается пузырь», и резкое падение этого рынка увлекает за собой остальные. Или же под влиянием избыточного спроса быстрее растут цены и зарплаты, и это ведет к вмешательству методами валютной и денежно-кредитной политики.

1. Здесь я вновь сошлюсь на «коридор» Лейонхувуда (Leijonhufvud, 2009; см. примеч. 16 на с. 202). То, что я здесь называю «пределом экономики избытка», соотносится с коридором, в пределах которого развивается капиталистическая макроэкономика в нормальных условиях по Лейонхувуду.

Существует немало совпадений в описании явлений: экономисты-кейнсианцы, занимающиеся циклическими колебаниями, характеризуют движение вверх как *среднесрочное явление*, а экономика избытка описывается в данной работе как *устойчивое явление*.

Веками идут споры о том, отражается ли в экономике общее насыщение (*glut*). В попытке доказать правило, согласно которому любое предложение автоматически порождает соответствующий по объему спрос, доктринеры ссылаются на «закон» Сэя. Если бы это положение соответствовало действительности, оно бы явно не соотносилось с общим насыщением. С появлением кейнсианской макроэкономики старые споры вспыхнули вновь. Хотел бы подчеркнуть: на тот момент полемика разворачивалась вокруг вопроса, возможно ли перепроизводство в экономике в целом в рамках *конкретного короткого периода*. Кейнсианский подход давал положительный ответ. Мы, с нашим подходом ко времени, идем еще дальше, описывая капитализм как хроническую экономику избытка, носящую *устойчивый* характер.

Даже если игнорировать временной аспект, следует отметить еще одно отличие. Я старался не употреблять в работе термин «перепроизводство». Говорить об устойчивом перепроизводстве (если мы воспринимаем значение слова серьезно) можно в том случае, если: 1) совокупные производственные мощности в состоянии производить намного больше, чем могут приобрести все покупатели вместе взятые; 2) эти избыточные мощности будут полностью или почти полностью задействованы, то есть если потенциал мощностей будет реализован в продукции; 3) темп роста экономики обеспечит устойчивость данной диспропорции. Когда подобное случится, это приведет к непропорциональному разбуханию запасов и стабильному росту соотношения между запасами и объемами производства. Такие ситуации вызывают в памяти кошмары времен Великой депрессии: «Запасы кофе выбрасывают в море...»

В работе я стремился как можно точнее описать динамику процессов производства, потребления, предложения и спроса. Значительные объемы неиспользуемых

мощностей (в виде оборудования, станков, зданий или трудовых ресурсов) — явление постоянное, но это лишь *потенциальное* производство, а не реальное «перепроизводство». Система оперирует значительными запасами, достаточными, чтобы гарантировать покупателям возможность выбора, стимулировать конкуренцию и скорректировать механизм, вынужденный бороться с помехами. Однако все это не сопровождается дальнейшим увеличением запасов — не в последнюю очередь потому, что шумпетеровское созидательное разрушение то здесь, то там заставляет избавляться от старых запасов и производственных мощностей.

Вернемся к совпадениям в анализе причинно-следственных отношений.

Причинные факторы, с помощью которых мы объясняем *постоянные* проявления избытка, частично совпадают с используемыми в некоторых теориях кризиса факторами, объясняющими *временные* рецидивы. Положения, касающиеся устойчивого отставания процесса спроса от процесса предложения, демонстрируют явное сходство с тем, что Кейнс и его многочисленные последователи говорят о недостаточности спроса как о главной причине *временного* кризиса. Надеюсь, мне удалось показать, что, несмотря на сходство, упомянутые теории и идеи, высказанные в данной работе, отвечают на разные вопросы.

В свете теории, изложенной в работе, речь идет не о том, что «большое» макроэкономическое предложение упирается в «большие» макроэкономические ограничения спроса. Сами понятия и связанные с ними измерения уже заставляют меня ломать голову. Я старался опираться на микроэкономическую базу. В условиях монополистической конкуренции предложение производителей/продавцов растет на фоне постоянных качественных модификаций и технического совершенствования. Многие, особенно те, кто отстает от конкурентов на технологическом уровне или становится неинтересен покупателям по каким-то другим причинам, часто наталкиваются на ограничения спроса. Бывают случаи, когда возникает дефицит на рынке конкретных инноваций,

но в конечном итоге избыток дает о себе знать куда чаще и интенсивнее, нежели дефицит.

Экономисты, занимающиеся среднесрочными циклическими колебаниями, в своих работах тесно увязывают описательный/объяснительный позитивный анализ с рекомендациями экономического и политического характера. Последних я в своей работе стараюсь избегать и концентрируюсь на понимании экономики избытка как порождения капитализма. И все же, раз уж речь зашла о проблемах циклических колебаний, обращаю внимание на уроки, которые можно извлечь при разработке антициклической стратегии из теории, описывающей режим устойчивой избыточной экономики.

Стоит как следует проанализировать, что говорят нам о расширении производства, инвестиций и кредитов имманентные, генетические свойства капиталистической системы и что является результатом ошибок и упущений со стороны политиков, правительств, центробанков и государственных регулирующих органов. Даже если мы признаем, что ключевой движущей силой событий служит первая группа факторов (то есть «врожденные» характеристики системы), нельзя занимать пассивную позицию. Действовать надо с сознанием того, что подъем цикла обеспечивают гигантские силы, и потому сопротивление им требует богатого опыта и знаний.

Можно сделать заявление более общего характера: склонность к расширению и к сворачиванию (по мере неизбежного столкновения с ограничениями), то есть к циклическим колебаниям, — неотъемлемая черта капитализма.

Из всего этого отнюдь не следует, будто регулирование лишено смысла. Однако экономисты, пытающиеся оказать помощь политикам в выстраивании регулирующих механизмов, должны избавиться от иллюзий. В Венгрии в ходе дебатов о реформе в 1960-е и 1970-е годы родился удачный термин «иллюзия регулирования» (*szabályozási illúzió*)². Правительства полагают, будто могут кон-

2. Термин предложен Ласло Анталом (Antal, 1980).

тролировать ход событий с помощью законодательных норм и периодического непосредственного вмешательства. В то же время руководители на уровне предприятий знают, как найти лазейку в законе. Ситуация напоминает гонку вооружений, когда против каждого нового вида оружия изобретается нечто более совершенное.

Наверное, главный урок состоит в следующем: последствия расширения/сокращения экономики не всегда вредны и болезненны, они могут быть полезными и прогрессивными. Из новаторских исследований Кондратьева и других авторов нам известно, что в периоды экономического роста технический прогресс ускоряется; на это же обращает внимание и Шумпетер в своей выдающейся работе об экономических циклах (Shumpeter, 1939). Выражаясь языком современной экономики, в каждом периоде молниеносного ускорения следует видеть не просто последовательность событий, готовящих почву для все более наглых и безответственных предпринимателей спекулятивного толка, но и стремительный инновационный процесс. Именно так обстояли дела с так называемым пузырем доткомов, который сопровождался беспрецедентным ростом в информационно-коммуникационной сфере. Инновационный процесс подразумевает экспериментирование, а это в свою очередь означает десятки и сотни неудач на каждый успешный эксперимент. Задним числом легко заявлять, что не надо было давать деньги на провальные опыты. Жесткий, консервативный рынок капитала может быть благоприятен для поддержания краткосрочных макроэкономических пропорций, но при этом он душит инновации, которые сопровождаются рисками и, порой, немалыми.

Политика, направленная против цикличности экономики (ее роста и падения) — палка о двух концах. Во второй части работы мы рассмотрели, как созидательное разрушение влечет за собой ликвидацию производств и уничтожение большого числа рабочих мест. Чувство солидарности (и желание завоевать политическую популярность) требует сохранить рабочие места в период рецессии. Однако подобное стремление может затормозить модернизацию.

История экономической теории уделяет большое внимание соперничеству между Шумпетером и Кейнсом. Кейнсианская «долгосрочная перспектива» давно закончилась, оба экономиста уже умерли. Пришло время поискать точки соприкосновения, — то, в чем их идеи совпадают и продуктивно дополняют друг друга.

Здесь снова пора разграничить позитивный и нормативный подходы. На мой взгляд, если пытаться понять, каким образом работает капиталистический рынок, некоторые идеи Шумпетера и Кейнса вполне поддаются синтезу³. Однако из позитивного синтеза, предложенного в данном исследовании, нельзя пока вывести окончательный план действий.

Мне бы не хотелось сейчас выискивать в работах упомянутых выдающихся мыслителей те политические решения, которые они предлагали в свое время. Я, скорее, думаю о тех, кто размещает имена Кейнса и Шумпетера на своих знаменах. Хотя позиция данного исследования по многим вопросам совпадает с важными аналитическими выводами Кейнса, мы не поддерживаем «вульгарное кейнсианство» в сфере экономической политики («любой ценой расширять ограничения совокупного спроса, чтобы максимально задействовать мощности»). Точно так же обстоит дело и с аналитическим аппаратом Шумпетера; имея совпадения по ряду вопросов, мы не поддерживаем «вульгарную трактовку шумпетеровских идей» при выработке экономической политики («пусть кризис делает свое черное дело, ведь разрушение намного отстает от процесса созидания»).

Мы пришли к серьезным этическим, политическим и экономическим дилеммам. Не собираюсь давать советы политикам в Вашингтоне, Берлине или Будапеште — хочу лишь обратить внимание их экономических консультантов на рекомендацию, которая следует из данной работы: любое вмешательство влечет за собой последствия двоякого рода.

3. Синтез идей Кейнса и Шумпетера — модное поветрие среди экономистов; можно перечислить целый ряд работ, в названиях которых авторы обещают провести подобный синтез.

В работе содержится еще один актуальный урок из области экономической политики. Международные дебаты, связанные с кризисом, обращают основное внимание на финансовый сектор. Причиной бед объявляется недостаточная строгость правового регулирования финансовой деятельности, слабая структура регулирующих институтов, отклонения от выбранной валютной и денежно-кредитной политики. Подобная критика имеет под собой веские основания, но при этом мало кто следит за тем, какие механизмы действуют в реальном секторе, где создаются очевидно избыточные мощности, и мало кто думает, как оптимизировать пропорции между секторами экономики.

6.2. ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА

Если страна находится в состоянии войны, это может повлиять на все проявления жизни, включая функционирование экономики. Многое зависит от того, какую долю ресурсов страна выделяет на ведение войны. Измерить это можно с помощью различных показателей, например через соотношение ВВП и объема трудовых ресурсов, задействованных в выполнении прямых военных заказов. Если соотношение невелико, капиталистическая экономика останется экономикой избытка с отдельными проявлениями дефицита. Чем больше доступных ресурсов требуется для ведения военных действий или чем «тотальной» становятся войны, тем привычнее и значительней явления дефицита. Вводятся карточки для гражданского населения, люди выстраиваются в очереди за едой, бюрократические власти распределяют скудное сырье и полуфабрикаты. Перемены становятся еще ощутимее, если война затягивается, а причиняемые ею разрушения распространяются не только на зоны военных действий, но и на промышленный тыл⁴.

Вторая мировая война заставила пережить влияние

4. Из литературы по военной экономике особенно хочется отметить следующие работы: Galbraith, 1952; Milward, 1979; Olson, 1963.

экономики дефицита во многих странах, где и в годы войны сохранялся капитализм, основанный на частной собственности. Военная экономка доказывает: причинно-следственную связь капиталистическая система → экономика избытка нельзя воспринимать механически и без исключений. Война создает временные условия, которые ограничивают или совсем останавливают механизм воспроизводства экономики избытка, и запускает механизм экономики дефицита.

Исторический опыт показывает, что с наступлением мира экономика дефицита (сразу или через некоторое время) снова уступает место экономике избытка; последняя же быстро восстанавливает свои позиции, ведь капиталистические основы никуда не делись. Тоталитарная гитлеровская Германия зашла в бюрократической централизации своей экономики очень далеко, а разрушения, вызванные войной, резко сократили снабжение, и тем не менее за несколько лет из состояния дефицита страна вновь вернулась к образцовой экономике избытка.

Те же восточноевропейские государства, где власть перешла к коммунистической партии, частная собственность была конфискована, а рыночная экономика уничтожена, не успели встать на ноги, и от экономики дефицита, вызванной войной, сразу перешли к хронической дефицитной экономике в рамках социалистической системы.

6.3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕМЫ, УСТОЙЧИВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КАПИТАЛИЗМЕ

Мы говорили о краткосрочных колебаниях, затем — о военной экономике и явлениях дефицита во время войны, а также о том, что эта экономика годами может сохранять *переходный* характер. Перейдем к анализу *устойчивых тенденций* — изменений, которые происходят постоянно, постепенно и дают о себе знать очень нескоро, но при этом оказывают ключевое воздействие на функционирование общества и экономики. Их влияние сказывается и на процессах, послуживших предметом данного исследования.

1. Рост социального государства. Уже во второй половине XIX века во многих европейских государствах появились службы социального обеспечения, из которых потом, в XX веке во всех развитых странах выросло социальное государство. Степень и скорость распространения таких служб были разными, но во всех развитых странах система разрослась до внушительных размеров.

Не хотел бы пускаться в концептуальные и статистические споры относительно того, что же включает в себя понятие «социальное государство». Сюда, безусловно, относятся бесплатные или предоставляемые за минимальную плату услуги; в основном в сфере здравоохранения, образования, ухода за детьми, стариками и инвалидами. Подобная деятельность финансируется за счет государства, то есть в конечном итоге — за счет средств, полученных от налогов или условных налогов (пошлин и начислений, обязательных к уплате).

Явление дефицита при распределении и использовании бесплатных или почти бесплатных услуг наблюдается повсеместно. Экономическая среда может функционировать как экономика избытка, со всеми побочными эффектами, но в море избытка остается остров с признаками дефицитной экономики. Приемная врача оказывается переполненной, и вам приходится часами просиживать в очереди; отдельных операций или диагностических процедур надо ждать месяцами (табл. II-10). Свобода выбора (в какой больнице и у какого врача лечиться) у пациента жестко ограничена. Существуют системы здравоохранения, в которых пациент вообще лишен такой свободы и обязан обращаться к тому врачу и в то учреждение, которые ему определены. В здравоохранении может применяться концепция принудительного замещения, когда пациенты не могут получать лекарства, диагностические процедуры или врачей по выбору и вынуждены брать то, что им предписано.

Стоит отметить, что явления дефицита наблюдаются не только в сетях, непосредственно подконтрольных государству; их могут испытать на себе и клиенты крупных частных страховых компаний, чья деятельность деперсонифицирована и регулируется законом. Поучительным

ТАБЛИЦА II – 10.
 Время ожидания в системах здравоохранения
 Западной Европы, 2004 (количество недель)

Страна	Консультация специалиста	Амбулаторное хирургическое вмешательство	Неамбулаторное хирургическое вмешательство
Австрия	1,83	3,11	7,91
Дания	5,27	10,24	9,44
Франция	3,14	3,30	8,14
Нидерланды	3,47	5,63	11,48
Германия	1,84	3,08	6,49
Италия	2,93	12,00	9,40
Испания	4,94	17,60	24,10
Швеция	9,65	18,46	28,14

ПРИМЕЧАНИЕ. Данные, приведенные в таблице, получены из SHARE – Survey of Health, Aging and Retirement in Europe – Исследование здоровья, старения и выхода на пенсию в Европе – проведенного в девяти странах Европы на основе репрезентативной выборки. Цифры суммируют результаты первой фазы исследования и представляют среднее значение для ответов респондентов. Участники опроса отвечали на следующие вопросы: 1) сколько недель вам пришлось ждать консультации специалиста; 2) сколько месяцев пришлось прождать в очереди на последнее (на данный момент) амбулаторное хирургическое вмешательство; 3) сколько месяцев пришлось прождать в очереди на последнее хирургическое вмешательство в больнице? Для удобства сравнения мы пересчитали в последних двух столбцах месяцы на недели.

ИСТОЧНИКИ: Siciliani, Verzulli, 2009; SHARE, 2010.

примером здесь может послужить система здравоохранения США. В ней присутствуют все уровни. На одном конце находятся те немногие, кто может позволить себе из собственного кармана платить за услуги лучших специалистов и дорогих частных клиник по выбору. Здесь наличествуют все привычные черты экономики избытка: у поставщиков услуг есть серьезный финансовый стимул выполнять свою работу на высшем уровне, у клиен-

тов есть возможность выбора и т. д. На другом конце — те, у кого вообще нет страховки (и таких не мало). Большинство из них могут рассчитывать лишь на бесплатную экстренную помощь и пытаться воспользоваться ею, даже если заболевание такой помощи не требует (реформы кабинета Обамы, судя по всему, позволят резко сократить число незастрахованных граждан). В этой части спектра наблюдается типичная экономика дефицита: толпы клиентов, длинные очереди, во многих местах — недоброжелательное и халатное отношение персонала. Между двумя крайностями есть «смешанные» уровни, где явления избытка и дефицита переплетаются. Многие работодатели предлагают своим работникам настоящее меню из страховых пакетов на выбор. В дешевых вариантах пациент меньше платит сам, но тогда страховая компания не дает ему возможности свободно выбирать врача и больницу. Назначенный врач тоже ограничен в своих действиях: ему предписывается, в каких случаях можно рекомендовать более дорогостоящие лекарства, процедуры, операции и т. д. Чем дороже выбранный потенциальным пациентом пакет, тем больше шансов переместиться в мир избыточной экономики. Самые дорогие страховки позволяют выбирать врачей и клиники; страховщик готов оплачивать то лечение, на котором останутся и пациент, и врач.

Сфера здравоохранения в широком понимании включает в себя обширный частный сектор чисто коммерческого характера, даже там, где доля сектора, финансируемого государством очень высока. К таким учреждениям, естественно, относятся частные клиники, принимающие исключительно платных пациентов, санатории и кабинеты специалистов, практикующих частным образом, платные диагностические лаборатории. Сюда можно включить и фармацевтические предприятия и производителей медтехники, аптечную торговлю и т. д. Частный сектор в здравоохранении функционирует по правилам «стандартной» экономики избытка⁵. Особенно это броса-

5. Опираясь на американский опыт, гарвардский профессор Арнолд Релман, утверждает, что «коммерциализация» здравоохранения, нерегулируемая «тяга к предпринимательству» (выражение Рел-

ется в глаза в фармацевтической промышленности с ее сильной монополистической конкуренцией, динамичными инновациями, широкими возможностями для потребительского выбора и в то же время с потоками рекламы, манипулированием и частым подкупом практикующих врачей, чтобы те выписывали «нужные» лекарства.

В отличие от сферы здравоохранения, где спрос не может быть удовлетворен, потребности в отдельных образовательных услугах могут быть обеспечены. Количество классов для получения обязательного образовательного минимума может варьировать от страны к стране, но для возрастных групп, попадающих под действие закона, потребность в школах известна⁶. Проблема общего состояния рынка возникает острейшим образом в сфере высшего образования. В тех странах, где высшее образование совсем или почти совсем бесплатное, моментально возникают знакомые нам симптомы дефицита: слишком большой поток абитуриентов. Приходится строго ограничивать число принимаемых студентов, иначе в противном случае это заканчивается переполненными университетами и перегрузкой преподавателей. Вузы превращаются в фабрики по выдаче дипломов в ущерб качеству. В процентном отношении возрастает доля молодежи, получающей доступ к высшему образованию⁷.

В странах, где право на получение университетского образования не является универсальным, и студенты должны платить, наличие мест и услуг, а также количество претендентов куда больше напоминают привычное

мана) в этой сфере генерируют избыточное предложение и избыточные мощности (Relman, 2010).

6. Для менее привлекательных учебных заведений разброс между предложением и спросом может оказаться еще значительнее, из-за этого в сфере обязательного образования могут возникать параллельно явления избыточного предложения и избыточного спроса.
7. «Выход» от таких фабрик по выдаче дипломов во многих странах превышает спрос на квалифицированную рабочую силу. Нередко работники с избыточной квалификацией вынуждены занимать невысокие посты. Бесплатные услуги образования создают повышенный спрос, который приводит к росту «выхода», создающего переизбыток людей с высшим образованием.

состояние избыточной экономики. Наряду с избытком присутствует и дефицит, например, переизбыток заявок на прием в престижные университеты. Действует механизм, создающий избыточную экономику: монополистическая конкуренция, инновация, динамизм на стороне предложения. Тот, кто хочет получить высшее образование и может за него платить, обретет желаемое. Те же, кто не способен платить и не имеет шансов на стипендию, лишаются такой возможности.

На каких условиях должны распространяться бесплатные услуги социального государства? И о каких конкретно услугах должна идти речь? Отбор осложняют дилеммы этического и политического свойства. С одной стороны, нужно сохранять эффективность и совершенствовать качество, с другой — учитывать права личности и социальную справедливость.

В предыдущих работах я уже обращался к нормативным проблемам социального государства (см., в первую очередь: Kornai, Eggleston, 2001). Здесь же разбор этой важной исторической тенденции проводится исключительно с целью позитивного анализа. Чем глубже и шире распространяются в экономике страны бесплатные услуги социального государства, тем больше вероятность появления дефицита.

«Нам угрожает социализм!» — такими словами обычно пугают сограждан консервативные противники социального государства. Бесплатные государственные услуги действительно сопровождаются рядом типичных проявлений социалистической системы и влекут за собой серьезные последствия (дурные и положительные, полезные и пагубные), включая дефицит — именно это я и пытался показать. К счастью, подобные лозунги справедливы лишь наполовину. Организация бесплатной государственной службы здравоохранения или предоставление универсального права на получение высшего образования не ведут к краху парламентаризма и приходу спецслужб. Главные черты социалистической системы — тоталитарная политическая монополия и репрессивный аппарат. Социальное государство возникает в конституционных рамках политической демократии,

а его функционирование не противоречит демократическим институтам.

2. СМЯГЧЕНИЕ БЮДЖЕТНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ. Важная особенность социалистической экономики с опорой на государственную собственность — синдром *мягких бюджетных ограничений*⁸, который наряду с другими факторами способствует формированию экономики дефицита.

Мягкие бюджетные ограничения присущи не только социалистической системе. Как здесь уже неоднократно говорилось, данное явление в разных формах имеет место и при капитализме, когда государство делает попытки спасти компании, некоммерческие организации — больницы, университеты, мелких производителей, банки или муниципалитеты, которые вынуждены бороться с тяжелыми финансовыми проблемами, длительными убытками или когда они стоят на грани банкротства. Такие меры, как правило, сопровождаются широкой рекламой.

Результаты подобных мер распространяются не только на тех, кто получает от них выгоду, но и на других участников экономической жизни. Чем эти меры эффективнее и распространянее, тем сильнее ответственные за принятие экономических решений управленцы рассчитывают на помощь государства в случае беды.

Изучение истории капитализма вызывает у меня ощущение, что смягчение бюджетных ограничений можно рассматривать как долгосрочную тенденцию. На заре капитализма долги взимались с необратимой строгостью. С тех пор финансовая дисциплина ослабла, а случаи выкупа долгов государством, напротив, участились. Государство боится (и правильно делает!), что крах нескольких крупных корпораций и еще более крупных банков и других финансовых институтов может повлечь за собой лавину банкротств и заявлений о неплатежеспособности, и это вынуждает его идти на антикризисные меры по выкупу долгов.

8. Обзор теории мягких бюджетных ограничений и литературы по теме см. в статье: Kornai, Maskin, Roland, 2004.

Каким образом мягкость бюджетных ограничений влияет на избыточный характер экономики?

Можно определить два типа последствий, и оба стимулируют формирование избыточного предложения. Первое описано в части II (см.: «Процессы, связанные с предложением»), где среди прочих факторов возникновения и сокращения неиспользуемых мощностей рассматривается шумпетеровское созидательное разрушение. Даже при сохранении жестких бюджетных ограничений выбывшая из конкуренции и «отбракованная» инновационным процессом компания будет пытаться выжить до последнего. С распространением пластмасс и уменьшением размеров станков и оборудования произошло относительное снижение спроса на сталелитейную продукцию, но «ржавые зоны» еще долгое время продолжали свое существование. Владельцы были готовы пойти на снижение прибыли, а рабочие — на снижение зарплат, только бы не потерять свои рабочие места окончательно. Как отмечалось выше, стремление выжить само по себе генерирует неиспользуемые мощности. Сюда же добавляется и давление, которое оказывают на государство собственники, работники и местные жители, с тем чтобы оно спасло обреченные на уничтожение предприятия и искусственно их поддерживало. Часто именно это и случается. Иными словами, мягкость бюджетных ограничений продолжает тормозить разрушение и уничтожение ставших ненужными мощностей.

Во многих странах аналогичная ситуация складывается в сфере сельского хозяйства. Конкуренция вытесняет из производства многие хозяйства, маленькие фермы, использующие устаревшие технологии. Сельскохозяйственное лобби может долгие годы обеспечивать сохранение убыточных хозяйств с помощью государственных субсидий, смягчая бюджетные ограничения. Это ведет к образованию и поддержанию большого объема избыточных мощностей в аграрном секторе.

Таким образом, первое следствие мягких бюджетных ограничений модифицирует процесс предложения на выходе, замедляя уход с рынка. Второе следствие меняет

процесс предложения на *входе*, *ускоряя* приход компаний на рынок.

Позволю себе выйти за мною же установленные рамки исследования и сделать замечание в отношении кредитной практики финансового сектора. Смягчение бюджетных ограничений и постоянные подтверждения готовности государства оказывать помощь проблемным банкам посредством антикризисных мер, делает банки безответственными. С легкостью полученные кредиты слишком часто приводят к созданию таких мощностей, которые потом оказываются нежизнеспособными и в конечном итоге повышают объем неиспользуемых мощностей.

При наличии шансов на помощь со стороны государства, в случае банкротства и кредиторатель, и инвестор склонны вести себя легкомысленно. В условиях классического капитализма тормозом для стремления к расширению служит жесткость бюджетных ограничений. Когда, при нынешнем капитализме, эти ограничения смягчаются, капиталистические предприятия начинают участвовать в рискованных инвестиционных проектах с тем же энтузиазмом, с каким это делали руководители при социализме. Многие получают то, на что рассчитывали. В ходе текущей рецессии, когда оказалось, что гигантские неиспользуемые мощности и проблемы с продажами приближают крупнейшие корпорации автомобильного сектора и других секторов в США и ряде европейских стран к банкротству, правительства бросили им спасательный круг.

Мне не хотелось бы вставать на чью-либо сторону в обсуждении дилеммы экономической политики: «спасать или пусть пропадают». И тот и другой вариант решения проблемы влечет за собой непростые макроэкономические и социальные проблемы; в конечном счете мы имеем дело с дилеммами политического и экономического характера. Я всего лишь пытался установить существование описанной тенденции, используя позитивный подход.

В заключение рассуждений о смягчении бюджетных ограничений обобщим выводы в рамках позитивного подхода: несмотря на отчетливые признаки наличия

тенденции к смягчению, жесткость бюджетных ограничений остается доминирующей чертой современного капитализма.

3. Глобализация. Упрощения ради мы до сих пор не обращались к теме международной торговли. Однако, рассуждая о монополистической конкуренции, не следует забывать: компания-производитель вынуждена бороться за потребителя не только с внутренними конкурентами, но и с зарубежными (если речь идет о товарах, пригодных для транспортировки). Люди тысячелетиями экспортировали и импортировали различные товары. В наши дни роль международной торговли возросла благодаря такому сложному и многоуровневому процессу как глобализация.

Рассмотрим возможности импорта — к ним заведомо относится все, что было до сих пор сказано в отношении ликвидных избытков. Импортные товары не обязательно должны лежать на полках магазинов или на складах, чтобы внутренние производители стремились ублажить потребителя (хотя и это было бы неплохо). Достаточно одного сознания возможности импорта товаров аналогичного или более высокого качества либо по менее высокой цене, чтобы предприниматели начали себя вести как участники экономики избытка.

Одно из следствий глобализации — постоянное перераспределение неиспользуемых мощностей в международном масштабе. В Китае, Индии и других развивающихся странах растет производство разнообразной экспортной продукции. Европейские и североамериканские компании, производившие аналогичные товары ранее по более высоким ценам, сталкиваются с серьезными проблемами сбыта, но сворачивают свой бизнес не сразу. Одни меняют ассортимент и выживают, другие рано или поздно прекращают свою деятельность. Тем не менее в период потрясений все их мощности никуда не деваются — и большая их часть не используется.

Многие быстро растущие экономики (бывшие в прошлом отсталыми) создают новые мощности, рассчитанные в первую очередь на потребительский рынок раз-

витых стран. Однако расширение этих рынков может не поспевать за ожиданиями инвесторов, тогда и в этих экономиках возникают избыточные мощности⁹.

4. Развитие информационно-коммуникационных технологий. Прежде чем обратиться к проблеме отношений продавца и покупателя в условиях стремительного развития информационных и коммуникационных технологий, попробуем реконструировать ситуацию до начала эпохи Интернета. В этой связи следует напомнить читателю ряд тем, связанных с рынком рабочей силы (раздел II–3). Продавец и покупатель должны найти друг друга; литература по исследованию операций называет это задачей о составлении пар (*matching problem*). Чтобы встреча состоялась, производитель должен собрать информацию о пользователе, а продавец — о покупателе, и наоборот. Ранее я уже отмечал, что данная проблема не привязана к конкретной системе. В любой системе производитель и потребитель, продавец и покупатель должны друг друга найти. А для этого нужна информация. Но на эти процессы влияют системно обусловленные факторы. Два режима рынка — избыточная и дефицитная экономика — возлагают бремя сбора информации на разных участников рынка.

В экономике дефицита собирать информацию приходится, по большей части, покупателю. Люди, которым не удалось найти требуемый «дефицитный» товар в первом магазине, вынуждены обходить все магазины подряд в поисках этого товара и, если повезет, приобрести его. Похожим образом, закупщики на производстве вынуждены искать, где приобрести нужное сырье или полуфабрикаты (при условии, что они не хранятся на складе одного-единственного продавца-монополиста).

Сбором информации частично занимается бюрократический аппарат; в условиях командно-административной системы он сам распоряжается распределени-

9. Удачное название статьи по теме: «Китай: порочный круг избыточных мощностей» (Artus, 2009).

ем ключевых производственных ресурсов. С этой точки зрения, производитель/продавец оказывается в удобном положении: ему не нужно искать покупателей, ведь их ему «назначают» чиновники, или сами потребители находят тех, кто производит/продает товар.

В экономике избытка потоки информации, необходимой для движения товаров, распределяются иначе. Бюрократия в процессе не участвует. Основной груз ложится на продавца. Гигантский рекламный аппарат сотнями способов доносит до покупателя информацию (преимущественно достоверную, но, как отмечалось ранее, какая-то часть сведений не соответствует действительности и предназначена для манипуляции мнением потребителя).

В условиях экономики избытка покупатель не был полностью избавлен от необходимости искать информацию даже до появления Интернета. Цены не так единообразны, как в социалистической экономике, где власти назначают их централизованно. Соблюдая собственные интересы, покупатель старается найти, где бы приобрести товар подешевле. Да и продавцам приходится конкурировать не только посредством цен. Они пытаются предложить нечто дополнительное, особенное, товар, отличающийся от остальных по качеству, или совсем новый продукт. Товар отсутствует в одном магазине — можно найти его (или что-нибудь получше и подешевле) в другом. Именно возможность выбора — исключительно важное преимущество избыточной экономики — заставляет покупателя тоже заниматься сбором информации¹⁰.

Решающие изменения в привычное распределение нагрузок внес Интернет. Покупатель теперь может с легкостью получить максимум информации о предлагаемых

10. В 1970–1980-е годы, когда мы регулярно курсировали между Венгрией и Соединенными Штатами, моя жена всегда говорила, что в Будапеште из-за дефицита приходится бегать из магазина в магазин в поисках нужного товара, а в Америке на поиски уходит столько же времени, только ищешь распродажи, цены ниже или ассортимент поразнообразнее.

товарах: что можно купить, где и по какой цене. Не надо больше звонить и ходить по магазинам — достаточно вывести информацию на экран компьютера.

Возможности Интернета оценили и продавцы, которые используют Всемирную паутину не только для распространения информации и манипулирования потребителями, но и с целью переложить бремя поиска нужных товаров на покупателя. Делается это частично при помощи финансового стимулирования: продавец предлагает товар или услугу по более низкой цене, если покупатель заказывает их через Интернет. Однако наряду с корректными методами сокращения расходов присутствуют и не такие честные: продавцы пытаются заставить покупателей самих собирать для них информацию. Многие продавцы усложняют процесс приобретения товаров допотопным (читай: доинтернетовским) способом. Больше всего страдают от этого те, кто не имеет опыта работы с Интернетом.

Все перечисленное (с учетом состояния современного мира) дополняет картину соотношения сил между продавцом и покупателем (независимости потребителя и манипулирования им), описанную в разделе II–5.

6.4. РЫНОЧНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ РЕФОРМЫ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ И ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

Описанию и анализу рыночных реформ в социалистических системах (в первую очередь, применительно к Югославии, Венгрии, Польше и Китаю) посвящена масса работ. Еще большее количество книг и статей написано о постсоциалистическом переходе в странах, расположенных к востоку от бывшего железного занавеса. Мы рассмотрим эту историческую трансформацию с одной-единственной позиции: как это повлияло на то, что я называю общим состоянием рынка.

Возьмем в качестве отправной точки 1949 год, когда даже Югославия была еще участником социалистического блока. На тот момент во всех коммунистических странах, от ГДР до Китая, доминировала экономика дефицита

в ее классической форме. Затем некоторые страны — сначала Югославия, потом Венгрия — начали потихоньку отходить от абсолютно централизованной, планово-административной системы, формирующей и поддерживающей экономику дефицита. Тогда же в океане дефицита стали появляться островки избыточной экономики¹¹. Так, посетителя продуктового рынка в Будапеште в 1970-х годах могло поразить невероятное изобилие товаров, но при этом, в том же Будапеште люди годами стояли в очередь на телефон, машину или квартиру.

Политический поворот 1989–1990 годов повлек за собой радикальные изменения в экономике. Скорость и последовательность трансформаций различались от страны к стране. В одних государствах начали ускоренными темпами приватизировать государственные предприятия, в других этот процесс шел постепенно. И все это время явления избытка и дефицита соседствовали друг с другом. Где-то либерализация рынка произошла очень быстрыми темпами, а где-то растянулась на более длительный срок. Более-менее параллельно с трансформацией отношений собственности и координационного механизма изменилось и соотношение между двумя типами явлений: избыточным спросом и избыточным предложением, а также дефицитной и избыточной экономикой.

К моменту завершения экономических преобразований очевидную пальму первенства получила экономика избытка. Данная историческая трансформация — от классической сталинской экономики дефицита к зрелой экономике избытка — самая показательная иллюстрация идей, изложенных в данной работе¹². Для наглядности привожу

11. Я намеренно использовал то же сравнение, что и выше, при описании противоположной ситуации: островок дефицита в океане избыточной экономики.

12. Дьянков и Мюррел (Djankov, Murrell, 2002) представили общий обзор литературы, посвященной анализу результатов постсоциалистического перехода эмпирическим путем с использованием статистических данных. Согласно их изысканиям самые дотошные и добросовестные исследователи едины во мнении: формирование конкуренции среди продавцов — один из клю-

ТАБЛИЦА II – 11.
Очередь на подключение телефона в странах Центральной
и Восточной Европы, 1971–2007

Годы	Болгария	Чехия	Польша	Венгрия	Румыния	Словакия
1971–1975	н/д	25,10	33,60	36,60	н/д	н/д
1976–1980	н/д	30,20	45,70	47,20	н/д	н/д
1981–1985	н/д	11,30	57,10	55,50	н/д	н/д
1986–1990	23,50	18,69	73,20	58,99	77,84	н/д
1991–1995	20,36	25,49	51,20	41,72	98,38	8,82
1996–2000	11,09	7,19	10,39	2,89	56,75	3,77
2001–2005	3,21	0,77	3,75	0,51	23,13	0,44
2006	1,95	1,01	1,30	0,46	6,34	0,21
2007	0,20	0,81	н/д	0,52	4,87	0,15

ПРИМЕЧАНИЕ. Цифры показывают соотношение длины очереди на подключение к стационарному телефону к количеству абонентов стационарных телефонных линий в процентах. Данные во втором столбце до 1991 года относятся к Чехословакии. Для Болгарии и Словакии в строке 1986–1990 приводятся данные на 1990 год, так как данные до 1989 года отсутствуют.

ИСТОЧНИКИ: данные на период до смены систем для Чехословакии, Польши и Венгрии взяты из: Kognai, 1993a; остальные данные приведены по бюллетеню статистической службы ООН (United Nations Statistics Division, 2009) и Международного союза телекоммуникаций (International Telecommunications Union, 2006).

табл. II–11, которая возвращает нас к теме раздела II–1 (услуги телефонной связи). Из таблицы видно, каких масштабов достигал дефицит доступа к услугам телефонии до смены системы. Одно из самых болезненных проявлений экономики дефицита сошло на нет вскоре после 1989–1990 годов, когда резко возросло количество пользователей наземных линий (и, конечно, мобильной связи).

чевых факторов преобразования делового сектора и роста производительности.

В ходе сбора данных для написания работы пришлось с сожалением отметить: притом, что все жители бывших коммунистических стран ощутили описанные изменения на себе, почти невозможно найти временных рядов, способных показать это с достаточной убедительностью. В развитых странах регулярные колебания в сфере экономики, бизнеса и финансов отслеживаются с помощью сотен различных индикаторов — и следить за ними крайне полезно. Однако не следует забывать: в восточной части мира произошла уникальная историческая трансформация — переход рынка от состояния дефицитной экономики к экономике избытка. Увы, этот переход нашел отражение лишь в отдельных поверхностных статистических обзорах и наглядных динамических рядах¹³. Восполнить этот пробел уже не удастся.

13. Исключение составляют обзоры факторов, препятствующих производству, которые начали отслеживать в Венгрии в 1987 году и которые продолжаются до сих пор без изменения методики измерения, что позволяет проводить систематические сопоставления. Графически данные представлены на рис. II-5, а полные временные ряды — в табл. II-12.

ТАБЛИЦА 11-12.

Факторы, препятствующие росту производительности венгерской промышленности в период 1987-2010

1	2	3	4	5	6	Недостаточные поставки сырья и запчастей				11	12	13	14
						Отсутствие препятствий	Недостаточный спрос	Дефицит рабочей силы	Дефицит квалифицированной рабочей силы				
1987/1	Апрель 1987	13,0	26,0	22,2	41,2	42,6	41,8	42,6	42,6	7,2	31,2	0,0	42,8
1987//2	Июль	10,3	27,4	23,7	42,3	46,7	41,8	46,7	46,7	6,7	24,3	28,5	42,9
1987/3	октябрь	11,2	21,3	24,1	46,6	50,4	41,8	50,4	50,4	8,2	22,1	22,0	42,1
1987/4	Январь 1988	17,0	24,1	15,8	39,4	41,8	41,8	41,8	41,8	4,6	20,4	20,4	45,8
1988/1	Апрель	10,7	28,0	15,7	50,0	50,0	50,0	50,0	50,0	6,3	32,7	24,8	45,3
1988/2	Июль	10,8	28,3	24,7	44,1	44,1	44,1	44,1	44,1	7,9	36,4	27,1	42,2
1988/3	Октябрь	11,8	27,3	23,0	45,3	45,3	45,3	45,3	45,3	8,6	35,0	31,2	47,6
1988/4	Январь 1989	16,5	30,7	19,3	38,5	38,5	38,5	38,5	38,5	6,1	40,1	25,3	46,6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1989/1	Апрель	10,8	38,0	21,5		37,6		37,6	17,9	4,7	49,6	23,9	46,6
1989/2	Июль	14,7	40,1	22,0		28,7		28,7	11,8	7,1	46,1	22,0	41,5
1989/3	Октябрь	12,7	40,4	21,9		27,5		27,5	8,9	5,2	46,8	24,6	42,6
1989/4	Январь												
1990	1990	13,6	51,2	13,4		21,4		21,4	6,3	0,7	49,4	21,2	54,6
1990/1	Апрель	10,8	51,3	12,1		13,8		13,8	3,9	3,6	57,8	16,4	50,9
1990/2	Июль	8,7	56,1	13,9		13,0		13,0	2,2	3,3	45,2	1,6	47,3
1990/3	Октябрь	6,9	51,0	10,3		15,3		15,3	5,2	2,5	51,9	17,2	54,1
1990/4	Январь												
1991	1991	8,9	54,5	4,3		11,3		11,3	3,7	2,7	48,7	20,4	54,7
1991/1	Апрель	6,0	60,6	4,3		9,4		9,4	2,6	3,4	53,2	12,6	47,9
1991/2	Июль	5,5	70,1	4,0		7,1		7,1	2,4	1,3	54,1	9,9	43,0
1991/3	Октябрь	7,0	66,8	3,3		6,2		6,2	2,0	1,8	52,7	13,5	40,4
1991/4	Январь												
1992	1992	0,0	65,9	3,0		7,2		7,2	1,0	2,7	47,3	13,7	42,3
1992/1	Апрель	7,0	66,8	3,3		6,2		6,2	2,0	1,8	52,7	13,5	40,4
1992/2	Июль	6,9	62,2	7,4		5,9		5,9	1,5	3,7	45,9	15,0	43,0
1992/3	Октябрь	6,8	56,1	4,4		10,6		10,6	3,1	2,8	47,8	18,2	51,3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1992/4	Январь												
	1993	9,2	54,5	4,8		8,7		8,7	2,3	3,3	42,9	15,6	45,9
1993/1	Апрель	7,4	57,7	2,2		6,1	1,3			2,4	45,5	13,9	40,4
1993/2	Июль	6,4	68,8	3,0		8,0	3,2			3,2	47,3	11,0	44,0
1993/3	Октябрь	9,6	67,9	3,7		7,5	3,1			4,5	46,6	10,6	42,4
1993/4	Январь												
	1994	10,9	62,5	4,3		9,4	2,4			4,6	47,3	14,4	46,6
1994/1	Апрель	11,4	59,0	4,3		9,5	2,4			4,5	44,7	11,9	38,5
1994/2	Июль	11,7	59,5	6,7		7,1	2,9			6,5	42,4	10,7	39,8
1994/3	Октябрь	12,7	58,2	6,5		11,1	3,0			7,6	44,4	11,3	41,2
1994/4	Январь												
	1995	13,2	55,0	7,8		10,1	2,2			5,4	40,0	14,6	40,9
1995/1	Апрель	9,8	55,0	4,3		13,5	2,6			6,9	44,8	17,0	46,0
1995/2	Июль	8,1	60,2	7,4		10,2	5,1			7,1	42,4	16,8	43,1
1995/3	Октябрь	9,8	54,2	8,5		12,9	2,8			4,6	45,0	16,2	45,2
1995/4	Январь												
	1996	11,1	56,2	4,1		9,4	2,6			6,1	41,0	18,7	45,8
1996/1	Апрель	9,9	65,3	5,1	14,4	8,0	4,8			4,1	37,3	13,6	34,6
1996/2	Июль	11,5	65,7	4,6	12,1	5,5	3,2			4,6	36,9	11,8	32,6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1996/3	Октябрь	12,1	58,0	6,0	17,0	7,4	4,8			5,5	30,8	14,0	36,0
1996/4	Январь 1997	10,9	61,										
1997/1	Апрель	14,0	61,0	3,7	13,5	7,9	2,8			4,5	30,1	16,0	34,0
1997/2	Июль	15,2	63,0	4,4	15,0	5,3	1,5			4,1	27,9	16,1	30,2
1997/3	Октябрь	19,0	56,1	6,6	18,2	7,1	2,1			7,9	24,6	11,4	26,0
1997/4	Январь 1998	25,4	53,3	5,5	21,1	8,1	2,3			6,9	23,7	13,0	21,4
1998/1	Апрель	21,3	49,5	5,2	20,3	8,0	0,3			7,0	22,4	11,4	17,5
1998/2	Июль	22,5	58,9	5,1	16,1	4,0	1,4			6,5	22,3	11,5	20,3
1998/3	Октябрь	18,0	57,4	8,9	19,5	3,6	1,9			5,3	22,8	10,6	25,1
1998/4	Январь 1999	24,0	58,4	7,0	19,8	3,3	1,2			6,4	21,6	9,7	22,5
1999/1	Апрель	15,7	70,6	4,9	13,0	4,5	0,7			3,8	23,8	10,5	25,5
1999/2	Июль	13,2	71,4	5,0	11,0	3,8	0,6			3,5	23,3	11,0	31,1
1999/3	Октябрь	16,0	65,7	6,3	14,8	5,2	1,8			5,5	23,6	7,4	24,0
1999/4	Январь 2000	18,0	60,6	4,4	18,6	3,5	2,0			4,7	24,6	9,8	25,2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
2000/1	Апрель	18,4	63,1	6,1	15,2	3,7	2,0			5,3	22,1	8,6	26,6
2000/2	Июль	16,9	55,1	7,4	18,9	6,8	3,4			10,1	25,0	12,2	21,6
2000/3	Октябрь	14,8	49,6	9,4	22,2	8,6	3,0			10,2	25,2	10,9	22,6
2000/4	Январь												
2001/1	Апрель	23,0	53,6	7,9	23,0	7,1	4,4			8,7	23,0	13,9	23,4
2001/2	Июль	17,0	55,8	6,2	19,0	3,5	1,9			8,1	29,8	11,6	32,2
2001/3	Октябрь	12,1	61,7	6,6	19,1	3,9	2,3			5,5	26,6	13,7	31,6
2001/4	Январь	15,7	64,3	5,5	18,4	6,3	1,2			4,3	24,7	8,2	33,3
2002/1	Апрель	14,8	67,0	3,5	15,7	2,6	1,7			2,2	23,0	10,4	30,4
2002/2	Июль	16,1	64,8	3,0	16,6	4,0	1,5			2,5	21,1	8,0	26,1
2002/3	Октябрь	14,3	67,9	6,3	16,0	3,8	2,5			5,1	23,6	3,4	27,0
2002/4	Январь	16,3	66,1	4,0	20,3	4,0	2,6			5,7	18,5	7,9	25,0
2003/1	Апрель	12,2	68,3	3,6	14,5	3,6	1,8			3,6	14,5	9,0	29,9
2003/2	Июль	12,4	70,3	3,2	15,1	4,3	2,2			2,2	21,6	4,9	30,3
2003/3	Октябрь	8,7	66,9	4,9	12,5	4,2	1,0			7,0	24,0	11,5	37,6
2003/4	Январь	11,7	59,9	7,8	20,8	7,2	3,3			6,8	25,4	17,9	38,1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
2003/4	Январь												
	2004	9,3	64,0	5,4	17,8	5,0	3,9			3,7	23,6	15,9	43,8
2004/1	Апрель	16,0	58,0	6,1	16,7	7,9	3,9			5,3	26,8	13,6	37,7
2004/2	Июль	14,0	54,0	7,1	19,9	11,2	6,2			8,3	25,7	11,6	34,4
2004/3	Октябрь	13,0	59,8	7,0	24,0	9,2	4,4			6,3	28,4	9,2	33,9
2004/4	Январь												
	2005	9,1	59,6	7,7	19,7	7,2	4,3			5,3	26,4	15,4	34,6
2005/1	Апрель	8,8	65,4	3,2	19,3	4,6	1,8			7,8	27,2	12,9	36,4
2005/2	Июль	8,5	69,7	3,8	23,7	6,6	2,4			5,7	25,6	18,0	37,0
2005/3	Октябрь	10,9	61,7	7,1	22,4	6,6	3,3			8,2	29,0	16,4	37,2
2005/4	Январь												
	2006	10,3	60,9	3,3	26,6	4,3	3,8			7,6	28,3	14,7	33,7
2006/1	Апрель	12,6	56,5	6,8	26,2	4,7	4,2			8,9	24,1	12,0	34,0
2006/2	Июль	11,7	53,2	8,3	30,2	4,9	5,9			8,3	19,0	21,5	46,3
2006/3	Октябрь	10,4	52,0	10,4	30,2	9,4	6,9			8,4	23,8	21,3	48,5
2006/4	Январь												
	2007	9,6	47,8	10,1	30,3	8,4	5,1			9,0	25,3	19,7	44,9
2007/1	Апрель	13,9	50,3	11,9	29,1	6,0	6,0			11,3	21,9	15,6	36,4
2007/2	Июль	7,3	47,6	9,8	32,7	7,8	3,9			8,3	32,7	26,3	53,2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
2007/3	Октябрь	6,0	56,0	7,5	41,8	5,2	2,2			9,7	29,9	26,1	57,9
2007/4	Январь 2008	8,5	56,8	9,0	36,2	8,5	2,5			7,5	28,1	30,2	48,2
2008/1	Апрель	5,3	50,6	8,4	41,6	7,4	4,7			4,7	31,1	27,9	55,3
2008/2	Июль	10,3	43,7	10,8	38,5	5,1	4,6			9,2	27,7	27,2	54,4
2008/3	Октябрь	3,7	69,4	4,5	20,8	4,2	1,5			1,1	40,5	35,6	65,9
2008/4	Январь 2009	4,5	75,0	2,3	14,0	4,2	1,9			2,2	39,7		62,4
2009/1	Апрель	3,9	78,6	0,9	12,7	4,3	2,2			2,2	39,7		62,4
2009/2	Июль	4,7	76,3	1,4	13,0	4,7	1,4			1,9	39,1	30,7	58,6
2009/3	Октябрь	4,5	76,8	2,3	11,4	2,3	0,8			3,8	36,4	28,0	64,4
2009/4	Январь 2010	8,0	79,1	1,0	13,9	2,0	0,9			2,5	37,3	30,4	58,9
2010/1	Апрель	5,4	78,4	2,7	9,9	3,3	1,6			2,7	39,6	26,1	52,3

ПРИМЕЧАНИЕ. Респондентам задавали следующий вопрос: «Какие факторы более всего препятствуют производству в вашей компании?» Можно было давать несколько ответов – см. названия столбцов. Данные в таблице показывают относительную частоту ответов (общее число респондентов = 100).

ИСТОЧНИК: данные получены непосредственно от ЗАО «Копинт-Таки» (Институт экономических и рыночных исследований). На рис. П1–5 графически представлены определенные временные ряды, приведенные в данной таблице.

Заключение

Я начал это исследование с описания впечатлений — ими же и закончу.

Более пятидесяти лет тому назад, в 1956 году, в первой своей книге, представленной к защите в качестве кандидатской диссертации, я впервые обратился к проблеме дефицита (Kognai, 1957). С тех пор эта проблема не прекращала меня волновать и стала темой двух более поздних работ. За полвека мое представление о ней не изменилось. Я по-прежнему рассматриваю некую дихотомию, пару противоположностей. Надеюсь, аналитический аппарат, при помощи которого я описывал и объяснял данное явление, совершенствовался от работы к работе, позволяя более полно и сбалансированно оценить преимущества и недостатки обоих состояний. При этом я не собираюсь отступать от изначально сложившегося понимания проблемы.

Думаю, многие общественные деятели на постсоциалистическом пространстве точно так же ощутили изменения, произошедшие на рынке. Я отдаю себе отчет в том, что профессиональные экономисты в подавляющем большинстве мыслят иными категориями. Они видят равновесие в тех случаях, когда, по моему мнению, мы находимся отнюдь не в «середине», но в состоянии перехода от экономики дефицита к экономике избытка. Мое любимое сравнение — рисунок Эшера с летящими лебедями, где один увидит белых лебедей, устремленных слева направо, а другой — черных птиц, летящих справа налево.

Завершить этот раздел мне хотелось бы еще одной метафорой из статьи Домара (процитированной ранее).¹

1. Название работы Домара «Слепые и слон. Эссе об „измах“» (Domar, 1989) представляется мне очень удачным. Автор вспоминает, как

Согласно древней индийской сказке некий князь приказал нескольким слепцам ощупать слона и рассказать, какой он. Один ощупал ногу животного и сравнил слона с толстой колонной. Второй потрогал хобот и сказал, что слон — это мягкая, тонкая и гибкая трубка. В конечном итоге все слепцы перессорились, доказывая каждый свою правоту.

Я готов к спору, но прежде смиренно признаюсь в собственной слепоте. Слон велик, и я могу исследовать лишь часть его.

услышал эту сказку от знаменитого американского советолога индийского происхождения профессора Падмы Десаи.

Часть III
Liberté, Égalité, Fraternité

*Размышления о последствиях
крушения коммунизма*

Введение

Французская революция ставила целью свержение тирании. Сейчас мы празднуем двадцатую годовщину не менее значимого исторического события — краха коммунистической диктатуры. Мы собрались в Бухаресте, столице единственной страны, где этот радикальный процесс сопровождался насилием и кровопролитием. Но это лишь исключение, подтверждающее правило: в остальных странах региона коренной перелом свершился мирным путем. То, что случилось тогда, получило название бархатной революции. Но при всей бескровности, это все-таки была революция, поэтому правомерно задать вопрос — какой из трех классических революционных лозунгов воплотился в реальность?

Три знаковых лозунга французской революции, разумеется, не охватывают всех фундаментальных ценностей. Явно отсутствуют две, тесно связанные с ними: развитие и материальное благосостояние. Анализ достижений постсоциалистического переходного периода был дан

Настоящий текст является вариантом доклада «Будущее общественных изменений. Видение прошлого и прогнозы на будущее после двадцатилетнего переходного периода», прочитанного на международной конференции, состоявшейся в 2009 году в Бухаресте при поддержке Фонда Erste и Weiner Institut für Internationale Wirtschaftsvergleichsiche. Выражаю благодарность Палу Чегледи, Жуже Даниэл, Юдит Хюркец, Юдит Капаш, Зденеку Кудре, Балажу Муракези и Даниэлю Роне за ценные советы и помощь в сборе данных и редактуре. Я также благодарен Фонду Erste и Коллегиум Будапешт, а также Центрально-Европейскому университету (CEU) за поддержку моих исследований, послуживших основой для данной работы.

в ряде исследований (см., например: EBRD, 2008, 2009). Позволю себе сосредоточить внимание на трех основополагающих ценностях, отраженных в заглавии статьи.

Эти три проблемы стали темой многих значимых исследований. Рамки статьи не позволяют углубляться в детали, поэтому сформулирую свою задачу как выработку общей схемы для предстоящих дискуссий.

III-1

Liberté

Свобода есть совокупность прав. Разделим эту совокупность на три части и рассмотрим каждую в отдельности.

1.1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

В рамках коммунистического режима гражданин был лишен элементарных прав человека. Смена системы предоставила нам все основные политические права:

- свободу слова;
- свободу печати, отсутствие явной или скрытой цензуры;
- свободу собраний и объединений;
- свободу передвижений;
- право критиковать правительство, право политического протеста;
- прекращение действия однопартийной государственной системы и право выбирать между конкурирующими партиями и идеологиями.

Мы стали свидетелями великой новой волны *демократии* в регионе. Не собираюсь обсуждать определение понятия «демократии» — воспользуюсь простым, общепринятым определением. *Минимальное условие*, позволяющее определить страну как демократическую, — смена ее руководства без политического убийства, военного переворота, придворного заговора или вооруженного восстания. Вместо этого смена руководства осуществляется путем формализованной, мирной и цивилизованной процедуры выборов на конкурентной основе.

В табл. III–1 представлены десять стран Восточной Европы – новых членов Европейского Союза. Во всех этих странах руководство неоднократно менялось в результате выборов, и это свидетельствует о том, что в них установилась демократия. Пока что ни в одной из них не пришла к власти политическая сила, которая сумела бы надолго «зацементировать» себя. Иными словами, ни одной группировке не удалось надолго лишиться оппозиционные силы и соперничающие партии шансов на победу¹.

Для многих людей, особенно молодых, политические права – самоочевидные элементы нормальной жизни. Но они отнюдь не самоочевидны. Вспомним о Китае, где переход к работающей рыночной экономике произошел очень быстро, но не сопровождался параллельными изменениями в политической сфере. Празднование двадцатой годовщины краха политической тирании в Восточной Европе совпадает с двадцатой годовщиной кровавой расправы с демократически настроенными демонстран-

1. В книге приводится текст статьи 2009 года без изменений. Может возникнуть непростой для меня вопрос: прошло ли написанное мной тогда проверку временем? Я и сегодня готов подписаться под каждым словом этой работы. Тем не менее необходимо добавить небольшой комментарий к указанному абзацу и табл. III–1, в которой приведены результаты выборов в восточноевропейском регионе до 2008 года.

Нет никаких гарантий, что утверждение, согласно которому ни в одной стране Восточной Европы победившая политическая сила или правительство не «зацементировались» надолго, останется верным и в будущем. Предметом исследований для нас служила не только Венгрия, но весь регион в целом. В примечании мне хотелось бы обратить внимание читателя на события в Венгрии. Если следовать логике приведения данных в таблице, в ходе выборов 2010 года в Венгрии мирным путем, с соблюдением всех формальных правил, сменилось прежнее правительство, и потому можно говорить о наличии минимального критерия осуществления демократии. Однако начиная с этого момента мы наблюдаем тревожные явления: со стороны политических сил, формирующих нынешнее венгерское правительство, было предпринято немало шагов по «цементизации» власти.

Время для научного анализа данного вопроса еще не пришло; эта важнейшая тема требует основательного и объективного изучения. — *Прим. автора добавлено в мае 2011 года.*

ТАБЛИЦА III-1.
Смена правительств в результате выборов в десяти странах
Центральной и Восточной Европы – членах ЕС, 1989–2008

Страна	Выборы 1989–2008	Последую- щие смены правительств	Даты смены правительств
Болгария	6	5	1991, 1994, 1997, 2001, 2005
Чешская Республика	6	4	1990, 1992, 1998, 2006
Эстония	6	5	1990, 1995, 1999, 2003, 2007
Венгрия	5	4	1990, 1994, 1998, 2002
Латвия	6	4	1990, 1995, 1998, 2002
Литва	6	6	1990, 1993, 1996, 2000, 2004, 2008
Польша	7	6	1991, 1993, 1997, 2001, 2005, 2007
Румыния	6	5	1990, 1996, 2000, 2004, 2008
Словацкая Республика	6	5	1990, 1992, 1994, 1998, 2006
Словения	6	4	1990, 1992, 2004, 2008

ПРИМЕЧАНИЕ. Под «сменой правительства» понимается ситуация, когда имеет место: 1) следующая за выборами крупная реорганизация правящей коалиции, в том числе 2) изменения в руководстве правительством и 3) некоторые изменения политических приоритетов.

ИСТОЧНИК: таблицу составил Зденек Кудрна (Центрально-Европейский университет) по данным «Economist Intelligence Unit Country Reports» (1990–2008).

тами на площади Тяньаньмэнь. Даже в 2009 году жителям Китая не было позволено собираться на площади в память о тех событиях. Китай был и остается жестким полицейским государством. Мы, граждане стран Восточной Европы, можем быть благодарны за обретение экономической и политической свободы – это настоящий подарок. Ни разу в истории демократии и капитализма две столь масштабные трансформации не происходили одновременно и в такие короткие (если оценивать с позиций мировой истории) сроки.

1.2. ПРАВО СВОБОДЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА, СВОБОДНОГО ВХОЖДЕНИЯ НА РЫНОК, ЗАЩИТЫ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Эта область трансформации требует значительного числа новых законов, независимого судопроизводства для обеспечения правоприменения, а также ряда других институциональных изменений.

Существуют различные методы для оценки изменений в сфере экономической свободы. В данном случае я использую только один известный источник — «Индекс экономической свободы» (Index of Economic Freedom) (см. табл. III-2), чтобы продемонстрировать, какие грандиозные изменения произошли в указанном регионе.

В ряде исследований подтверждается: переход от господства общественной собственности к частной, возможность свободного входа на рынок и конкуренция способствовали экономическому росту, развитию инноваций и технологий, а также повышению эффективности. Таким образом, экономическая свобода обладает значительной *инструментальной* ценностью, способствуя реализации таких фундаментальных ценностей, как повышение материального благосостояния людей. Здесь я, однако, стремлюсь подчеркнуть *внутреннюю* ценность свободы предпринимательства. Право человека создать предприятие, выйти на рынок, бросить вызов конкурентам, экспериментировать с инновациями по собственной инициативе, не дожидаясь указаний и бюрократических разрешений, представляет великую ценность независимо от экономических последствий. Я делаю ударение на *этическом* аспекте, поскольку он не получил должного признания на фоне односторонней технократической оценки экономических трансформаций.

1.3. СВОБОДА ВЫБОРА ТОВАРОВ И УСЛУГ

Социалистическая система породила экономику дефицита. До момента обрушения коммунистического режима наряду с Советским Союзом и Польшей самым пла-

ТАБЛИЦА III – 2.

Уровень экономической свободы согласно мировому индексу экономической свободы (Economic Freedom of the World, EFW)

Страны	1990	1995	2006
Албания	4,12	4,49	6,99
Болгария	4,08	4,48	6,54
Чешская Республика	5,81	6,84	
Эстония		5,55	7,82
Польша	4,00	5,3	6,77
Латвия		4,91	7,20
Литва	4,89	7,23	
Венгрия	5,35	6,36	7,41
Румыния	4,73	3,98	6,58
Словацкая Республика		5,54	7,52
Словения		4,96	6,40
Украина		3,9	5,51
Показатель в среднем по миру	5,68	5,99	6,58

ПРИМЕЧАНИЕ. Индекс EFW составляется в Институте Фрезера (США). Экономическая свобода измеряется по 42 показателям в пяти областях: правительственные расходы, правовая структура и права собственности, доступ к капиталу, свобода внешней торговли, регулирование кредитной сферы, активность профсоюзов и союзов предпринимателей. Величина рассчитываемого на этой основе сводного индекса составляет от 0 до 10. В 2006 году высший показатель имел Гонконг (8,94), низший – Зимбабве (2,67). Более детальное описание методологии см.: Gwartney, Lawson, 2008.

ИСТОЧНИКИ: таблицу составили Юдит Капаш и Пал Чегледи (экономический факультет Университета Дебрецена); исходные данные: Gwartney, Lawson, 2008.

чевным примером такой экономики служила Румыния. Резкие, безо всякого предупреждения перебои в электро-снабжении наносили огромный ущерб предприятиям и домашним хозяйствам. В магазинах людей ждали длинные очереди и пустые полки – следствие тяжелой и ре-

гулярной нехватки основных видов продовольственных и других потребительских товаров². Приходилось годами ждать, чтобы купить автомобиль или получить квартиру.

Как и в отношении указанных выше компонентов свободы, я рассматриваю замену дефицитной экономики рынком покупателя не просто как смену экономической ситуации, а как сдвиг, имеющий этические последствия, поскольку он расширил границы *свободы личности*. Экономика хронического дефицита лишает нас элементарного права человека — права свободно выбирать то, что хочется приобрести. Каждый вправе самостоятельно решать, на что потратить заработанные деньги. В условиях хронического дефицита это право ограничено доступным ассортиментом. Покупатели были вынуждены искать замену: они не могли купить желаемое — только то, что было в наличии. Люди оказывались в униженной ситуации: приходилось смиряться, идти на уступки, а порой и давать взятки продавцам. Все это исчезло очень быстро.

Часто можно слышать следующее мнение: не имеет значения, где проявляется принудительное ограничение — на стороне предложения или на стороне спроса; и то и другое — ограничение наличия или ограничение доступности — в равной мере устанавливает пределы возможных действий. Я не согласен с подобными взглядами и считаю значимым различие между двумя видами ограничений. Свобода потребительского выбора не является привилегией богатых. Более состоятельные люди всегда найдут способ обойти систему административного распределения — достать товары на черном рынке или купить их за твердую валюту. Тем, кто победнее, экономика дефицита наносила (относительно) больший ущерб, ведь

2. Молодые люди, счастливо избавленные от непосредственного знакомства с экономикой дефицита, могут узнать о ней не только из специальной литературы. Им следует прочесть роман Дердя Драгомана «Белый король» (Fehér király, 2005; главы из романа в русском переводе см.: Иностранная литература. 2008. № 7), и тогда они, возможно, получат представление о Румынии времен Чаушеску с ее очередями, появлением бананов в магазинах в исключительных случаях или внезапными отключениями электричества.

ТАБЛИЦА III-3.
 Ценности: свобода/порядок (доля сторонников
 в общем числе респондентов, %)

Страны	Свобода	Порядок
Польша	19,8	66,3
Чешская Республика	21,4	72,4
Словацкая Республика	21,9	74,6
Болгария	26,3	64,0
Венгрия	27,2	63,4
Восточная Германия	27,5	68,3
Румыния	31,6	61,2
Западная Германия	45,7	45,8
Швеция	48,1	42,5
США	48,9	46,2
Испания	50,5	42,9
В среднем по всему миру	40,9	54,0

ПРИМЕЧАНИЕ. Опрос проводился в 1997–1998 годах; респондентам задавали следующий вопрос: «В чем, на ваш взгляд, состоит важнейшая задача правительства: 1) поддержание порядка в обществе или 2) уважение свободы личности?»

ИСТОЧНИК: World Values Survey, 1995.

они не могли потратить скромные доходы и еще более скромные сбережения по своему усмотрению.

Суммируя сказанное, можно утверждать, что в области свободы мы достигли значительных успехов. Увы, большинство людей не придают свободе особого значения, и это социально-психологический факт, как ни печально признавать. Куда более важными считаются другие ценности. Иерархия ценностей в человеческом менталитете послужила предметом целого ряда сравнительных исследований. Я приведу здесь (табл. III-3) данные лишь одного из них — World Values Survey.

Из табл. III-3 явственно следует, что в постсоциалистических странах к высшим ценностям свободу относят

куда меньше людей, нежели в странах, где и до 1989 года царил капитализм.

Подобный результат указывает на то, какую существенную роль в формировании представлений молодежи о свободе как о важнейшей ценности должна сыграть система образования — от начальной школы или даже детского сада и далее на всех уровнях среднего и высшего образования заканчивая всем тем влиянием, которое могут оказать печатная пресса, электронные средства информации и Интернет. Ответственность за выполнение этой задачи лежит на учителях и вузовских преподавателях, политиках, журналистах — всех, кто способен повлиять на образ мыслей людей.

В развитии демократии наблюдаются как обнадеживающие, так и пугающие тенденции. Побочными эффектами политического противоборства становятся коррупция, безответственность и демагогия. Избиратели начинают разочаровываться в парламентской демократии, которая сопровождается политическими столкновениями и межпартийной конкуренцией. Отдельные слои общества жаждут прихода сильного лидера, повышения общественной безопасности и ужесточения надзора за порядком. Беспокоит и расстраивает то, что крайне правое крыло получает поддержку и завоевывает голоса с помощью отвратительной расистской, антисемитской, антицыганской и антикапиталистической риторики. Правые экстремисты в постсоциалистических странах пользуются, точнее злоупотребляют, достижениями и правами свободы слова, свободы объединений для атаки на основы свобод и прав человека. К сожалению, невзгоды, причиненные текущим экономическим кризисом, создают для этих атак благоприятную почву и могут проложить путь к тирании. Не только те или иные постсоциалистические страны, но вся Европа должны быть бдительны. Не будем забывать о Веймаре!

III-2

Égalité

Социализм советского типа, безусловно, не был эгалитарной системой. Декларировался принцип распределения благ по труду, то есть принцип меритократического распределения, однако при его реализации в условиях социализма система определения заслуг находилась во власти партийно-государственной бюрократии. Герой социалистического труда получал значительно больше простого рабочего, секретарь райкома партии — больше университетского профессора. Члены номенклатуры обладали материальными привилегиями. Не то чтобы им платили существенно больше, зато они жили в лучших условиях, имели доступ к дефицитным товарам, могли лечиться в прекрасно оснащенных больницах и отдыхать в более комфортабельных пансионатах и домах отдыха.

Да, неравенство имело место, однако при взгляде на общую картину распределения доходов и имущества всего населения оказывалось, что отличительной чертой общества была унылая уравниловка — решительное подавление неравенства в доходах. Разница в заработной плате руководителя крупного предприятия и рядового занятого не была слишком заметной. Эффективный и неэффективный управленец, новатор и консервативный руководитель промышленного предприятия или колхоза получали более или менее одинаковое вознаграждение, а если и были незначительные отклонения от средней величины, то они, скорее, зависели от лояльности по отношению к политической партии, чем от результатов деятельности, знаний, усердия и стремления к новаторским решениям.

После смены системы положение с неравенством доходов изменилось очень быстро и решительно. Посмотрим, прежде всего, на новых членов ЕС, представленных в табл. III–4.

Между странами обнаруживаются существенные различия, но обсуждать причины этого я здесь не буду. Если поместить указанные страны в общий перечень, вместе с остальными, в том числе не прошедшими через социализм, и расположить их в соответствии с показателем неравенства, то мы увидим, что постсоциалистические страны окажутся разбросанными по самым разным местам списка. И такая картина, безусловно, складывается под воздействием факторов, не связанных с системными изменениями.

Но если не сравнивать страны, а посмотреть на временную динамику изменения показателей по каждой стране, сравнивая ситуацию до краха коммунизма с ситуацией, сложившейся через пятнадцать лет, то увидим значительный разброс данных, а для некоторых стран отличия будут разительными. И это показывает, насколько глубоко повлияла на общество смена системы.

Значительное возрастание неравенства объясняется действием целого ряда причин (см.: Kolosi, Tóth, 2008; Milanovic, 1999; Milanovic, Ersado, 2009; Mitra, Yemtsov, 2006).

Смена системы выдвинула вперед победителей: успешных предпринимателей, талантливых бизнесменов, новаторов, осваивающих новые продукты и технологии и открывающих новые рынки, лидеров промышленности и торговли, сумевших быстро адаптироваться к новым экономическим условиям на внутреннем и международном рынках. Некоторые успешно использовали знание иностранных языков и современных информационных технологий. Все эти особые таланты и усилия были щедро вознаграждены рыночной экономикой. В этом именно и состоит одно из достоинств рынка: высокая награда за высокие результаты, обеспечивающая необходимый стимул к инновациям, конкуренции и эффективности.

Однако помимо награды за подлинные достижения есть, конечно, и другие источники финансового успеха. Некоторые люди продемонстрировали чрезвычайную

ТАБЛИЦА III – 4.
Неравенство потребления: коэффициент
Джини по сопоставимому среднему
потреблению

Страна	1987–1990	2003
Болгария	0,245	0,351
Чешская Республика	0,197	0,234
Эстония	0,24	0,402
Венгрия	0,214	0,268
Латвия	0,24	0,379
Литва	0,248	0,318
Польша	0,255	0,356
Румыния	0,232	0,352
Словения	0,22	0,22
Словацкая Республика	0,816	0,299

ИСТОЧНИК: Mitra, Yemtsov, 2006.

ловкость в процессе приватизации, приобретая принадлежавшие государству активы дешево или вообще бесплатно, а то и приближаясь вплотную к воровству. Одни использовали личные связи внутри страны или в рамках советской империи, другие не побоялись давать взятки государственным чиновникам и политикам. Две стороны приватизации – благотворная светлая и тлетворная темная – не могут быть четко отделены одна от другой. Все чистые и грязные компоненты, все белое и черное смешалось в серую и вязкую мешанину. Так или иначе, в верхней части распределения доходов мы видим очень высокие доходы, во много раз превышающие максимумы периода социализма.

В нижней части распределения доходов под влиянием ряда факторов также произошли травматические изменения:

- наиболее важная трансформация случилась на рынке труда. В зрелых социалистических экономиках имела место не просто полная занятость, а хрониче-

ский дефицит рабочей силы. Безработица оказалась страшным ударом для общества, не привыкшего к такому мучительному явлению. Добровольно покинули рынок некоторые женщины, став домохозяйками, то есть ограничившись выполнением общественной функции жены и матери. Но помимо добровольного ухода небольшой группы занятых, возник недостаток рабочих мест, приведший к значительному снижению уровня занятости и резкому росту зарегистрированной безработицы;

- некоторые работники были так или иначе «понижены», потеряли прежнее высокое положение и были вынуждены перейти на менее оплачиваемые должности;
- реальная стоимость пенсий упала, главным образом из-за инфляции, и миллионы пожилых людей оказались в ситуации глубочайшей бедности.

В различных формах стала проявляться и дискриминация. Хотя в демократических странах все граждане формально имеют равные права, мы наблюдаем дискриминацию цыган. Крупные цыганские меньшинства есть в Венгрии, Румынии, Словакии и других постсоциалистических странах. Доля безработных среди цыган значительно выше, чем среди остального населения.

Над проблемой влияния постсоциалистической трансформации на распределение доходов трудились многочисленные исследователи, собравшие множество эмпирической информации. Ни в одной работе не подвергается сомнению общее положение: неравенство значительно возросло. Увеличение разрыва между богатыми и бедными отчасти является результатом переходного процесса, быстрых и радикальных перемещений вверх и вниз по социальной лестнице и поэтому представляет *временное* явление. Однако среди его причин есть и *постоянные* факторы, присущие капиталистической системе. Неотъемлемая черта капитализма – радикальное неравенство доходов, значительно большее по сравнению с социализмом.

Положение о неравенстве как системной особенности капитализма не означает, будто мы должны стоять и бес-

ТАБЛИЦА III – 5.

Общественное мнение в отношении деятельности правительства по смягчению имущественного неравенства (среднее арифметическое ответов)

Австрия	2,15	Венгрия	1,66
Бельгия	2,25	Германия	2,37
Болгария	1,55	Норвегия	2,43
Кипр	1,91	Россия	1,88
Дания	2,92	Португалия	1,78
Великобритания	2,54	Испания	1,89
Эстония	2,04	Швейцария	2,29
Финляндия	2,07	Швеция	2,27
Франция	1,91	Словакия	2,07
Нидерланды	2,52	Словения	1,95
Ирландия	2,28	Украина	1,71
Польша	2,00		
СРЕДНЕВЗВЕШЕННОЕ			
для Центральной и Восточной Европы	1,85	для всего мира	2,12

ПРИМЕЧАНИЕ. Опрос проводился в 2006 году; респондентам был задан вопрос: «Скажите, в какой степени вы согласны со следующим утверждением: правительство обязано принимать меры для сокращения различий между уровнями доходов: 1) безусловно согласен; 2) согласен; 3) не отрицаю, но и не согласен; 4) не согласен; 5) безусловно не согласен».

ИСТОЧНИК: European Social Survey, 2006–2007. Распространитель: Norwegian Social Science Data Services (NSD).

помощно за этим наблюдать. Такое неравенство нельзя устранить, не сменив систему, но повлиять на него мы в силах. Снизить уровень неравенства можно с помощью государственных мер. Во всем мире значительная часть населения требует от правительств своих стран проведения политики перераспределения. Табл. III–5 показыва-

ет, что требования государственных мер по сокращению неравенства явно сильнее в большинстве постсоциалистических стран по сравнению с большинством других стран, не имевших коммунистического прошлого. *Средний* показатель по Восточной Европе указывает на большую склонность к уравнительной экономической политике, чем средний показатель по всему миру (заметим, однако, что некоторые европейские страны, например Испания, Кипр, Франция и Финляндия, в стремлении к выравниванию доходов опережают некоторые постсоциалистические страны, где общественное мнение не так к этому склонно).

Периодически повторяется лозунг: «Пусть платят богатые!» Это не просто разумный призыв к правильному госфинансированию: налогообложение должно концентрироваться там, где обеспечивается эффективная собираемость налогов. Это эмоциональный лозунг: люди считают несправедливым, что богатые богаты. Чем больше дохода и богатства мы отбираем у богатых, тем лучше себя чувствуем. Это стало центральной идеей популистской политической риторики. Я подобные призывы не разделяю. Как и многие другие, считаю, что меры в духе Робин Гуда особой радости никому не принесут.

Самый важный инструмент оптимизации распределения доходов — создание большего равенства возможностей. Решающая роль принадлежит образованию. Это тривиальное и тем не менее важнейшее утверждение: неравенство начинается с неравного доступа к образованию. Данный факт подтверждается убедительными исследованиями. Худшие исходные условия у детей из бедных или даже неграмотных семей с самого начала создают препятствие, отсутствующее у детей тех родителей, которые имеют высшее образование. Возможности сужаются еще больше из-за низкой вероятности попасть в лучшие школы и университеты. Недостаточно лишь говорить о равных правах — необходимы активные меры.

Помимо различий в обычном образовании следует иметь в виду также неравенство знаний в более широком смысле. В информационном обществе шансы на получение высокого дохода будет определять то, как человек

владеет компьютером, Интернетом и другими средствами современных информационных технологий. Эти факторы могут влиять на распределение доходов куда сильнее, нежели, скажем, прогрессивное или регрессивное налогообложение.

Достижение каких-либо положительных результатов в борьбе с коррупцией способствовало бы смягчению неудовлетворенности, вызываемой неравенством¹. Если бы крупные состояния и огромные доходы, полученные мошенническим путем, стали исключением, это укрепило бы убеждение в наличии сильной связи между достижением высоких результатов и получением высоких доходов.

1. Разочарование и утрата доверия – реакция многих людей на растущую коррупцию, уход от налогов и массовое нарушение норм при попустительстве государства (см.: Tóth, 2009). Помимо всего прочего, подобные общественные настроения способствуют усилению протестов против неравенства.

III-3

Fraternité

Здесь также можно применить широко используемый сегодня синоним — «солидарность». Вытекающая из принципов этики обязанность проявления солидарности по отношению к согражданам представляет одну из наиболее сложных общественных проблем в целом и проблем постсоциалистического общества в особенности.

В наследство от коммунизма мы получили «преждевременное государство благосостояния». Этот термин я придумал в начале переходного периода, и он получил одобрение со стороны одних коллег и резкое возражение со стороны других. Мне приходилось наживать себе врагов после опубликования некоторых своих работ, но именно это предложение спровоцировало особенно много враждебно настроенных.

Социалистическое государство предусмотрело в законодательстве и признало на практике право граждан на получение различных форм социального обеспечения и обслуживания:

- каждый получил право на бесплатное медицинское обслуживание, но во многих клиниках и больницах качество обслуживания было неудовлетворительным, пациенты страдали от длинных очередей и переполненных больничных отделений, устаревшего оборудования, неудовлетворительных санитарных условий, дефицита лекарств;
- каждый получил право на бесплатное образование, но качество образования было очень неровным, учителя получали низкую зарплату и были перегруже-

ны работой. Неудивительно, что эту стезю выбрали совсем не те, кто обладал соответствующими способностями. Школы были переполнены и плохо оборудованы мебелью, не говоря уж о современных средствах информационных технологий;

- платить за квартиру в государственном жилом фонде мог позволить себе каждый, но молодые люди были вынуждены ждать годами, чтобы получить квартиру; качество жилищного строительства было вопиюще низким;
- предприятие или муниципалитет обеспечивали услугами детского сада нуждавшиеся в них семьи бесплатно или по номинальной цене;
- в государственном секторе (включая предприятия в государственной собственности) каждый работник, по достижении пенсионного возраста получал государственную пенсию, которая финансировалась либо из бюджета, либо из пенсионного фонда, подерживаемого государственной гарантией или предприятием.

Именно эту государственную систему, предоставляющую указанные (и аналогичные бесплатные или почти бесплатные) субсидируемые услуги, я назвал *преждевременным государством благосостояния*. Определение «преждевременное» я использовал, потому что вместе с другими экономистами пришел к выводу, что уровень развития социалистических экономик не позволял выполнить перечисленные обязательства. На практике государство либо оказывалось не способным выполнить обещания, либо выполняло их на низком, некачественном уровне. Резкое несоответствие между предоставленным правом и фактической реализацией, между обещаниями государства и наличием материальных ресурсов было характерной системной чертой социализма. И это наследие также было одной из самых тяжелых проблем для политики постсоциалистического переходного периода¹.

1. Хаггард и Кауфман (Haggard, Kaufman, 2008) предложили обширное и глубокое описание реформ социального государства в пост-

В каком направлении следует двигаться, если стартовой точкой служит преждевременное государство благосостояния? В данной работе не ставится задача защищать ту или иную программу, анализировать аргументы за и против. Это я уже сделал в других работах. Моя задача — представить в общем виде четыре варианта политических подходов к государству благосостояния, разграничив два «чистых» и два «смешанных» варианта.

Два «чистых» направления состоят в следующем.

Первое направление — отказ от принципа *универсальных* прав на социальное обеспечение и замена его принципом поддержки только тех, кто нуждается в государственной помощи. Ощущение *братства* важно для нас, мы все братья, но большинство братьев не нуждаются в нашей поддержке, они заботятся о себе сами. Мы помогаем, когда видим, что человек не может самостоятельно решить свои проблемы. Позвольте мне проиллюстрировать эту идею несколькими примерами:

- универсальное право на бесплатное университетское образование должно быть отменено, и вместо него введена плата за обучение. Те, кто не в состоянии платить, смогли бы получать студенческие займы, возмещаемые из будущих высоких доходов. Кроме того, могли бы предоставляться особые стипендии тем (и только тем), кто не сможет учиться и обеспечивать себя во время учебы без специальной финансовой поддержки;
- при универсальном праве на бесплатную заботу обо всех детях государственные средства должны отпускаться на каждую семью — и богатую, и бедную, в соответствии с количеством детей; все должны иметь бесплатный доступ в детские сады и т.д. При введении более строгого принципа ассигнований поддержку государства (и в конечном счете — налого-

социалистическом регионе, сравнив их с аналогичными изменениями в странах Латинской Америки и Восточной Азии.

плательщиков) получают только те семьи, которые не в состоянии покрыть издержки воспитания детей и оплатить услуги детского сада.

Этого направления придерживаются большинство экономистов и рыночно ориентированных реформаторов. Его принимают и консервативные политики, признающиеся в либеральных взглядах (если использовать термин «либеральные» в европейском, а не американском значении).

Следуя этому направлению, постсоциалистическое государство благосостояния сократилось бы до размеров более адекватных уровню развития экономики. В его пользу есть прагматические аргументы: устойчивость финансовой политики; более низкие налоговые ставки; стимулирующие инвестиции; занятость и предпринимательство. Кроме того, можно слышать аргументы, заимствованные из политической философии: уважение личной независимости и свободы выбора, отказ от патерналистского подхода со стороны государства и в конечном счете от вмешательства политиков в частную сферу и суверенитет личности.

ВТОРОЕ НАПРАВЛЕНИЕ – сохранение всех универсальных прав и твердое противодействие какому-либо их урезанию. Может быть рассмотрено даже расширение прав. Сторонники этого направления готовы покрывать увеличение расходов за счет повышения налогов.

Это направление поддерживают многие социологи, а также многие врачи, учителя, работники социальной сферы и других профессий, связанных с работой в различных секторах государства благосостояния. Что касается политических сил, то это направление однозначно превозносят и постоянно поддерживают «традиционные левые», то есть политики, по-прежнему верные идеологии скандинавской и германской социал-демократии 1950-х годов.

Обоснованием этого направления служат прагматические аргументы. Чтобы проверить, насколько та или иная группа нуждающихся может рассчитывать на под-

держку, требуется провести гигантскую бюрократическую работу. Раздача универсальной помощи значительно проще и требует меньших административных издержек. Есть мнение, что универсальные права зачастую легче проходят парламентскую процедуру одобрения, чем выборочные. Здесь можно услышать аргументы, основанные на идеях политической философии. Концепция, поддерживающая универсальную доступность услуг социального обеспечения, опирается на положение о более глубоком значении равенства, согласно которому все индивиды наделены одним и тем же набором прав. Государство имеет одинаковые обязательства по отношению ко всем гражданам.

Сторонники второго направления подчеркивают тесную связь между двумя революционными целями или ценностями — равенством и братством (солидарностью). Выше я обращался к измерению неравенства на основе статистики денежного дохода (коэффициент Джини как показатель распределения денежных доходов). Однако значительная часть потребляемых домашними хозяйствами благ предоставляется в натуральной форме. Выгоды пользования бесплатным медицинским обслуживанием, бесплатным образованием, различными субсидиями, снижающими определенные расходы, способствуют выравниванию уровней потребления домашних хозяйств. Чем шире универсальные права, тем больше относительные масштабы государства благосостояния и тем больше господство равенства. Чем больше братства, тем больше равенства.

Сторонники этого направления с полным правом ссылаются на то, что большинство населения постсоциалистических стран (в наибольшей степени это относится к Украине, Беларуси, России и Румынии) требуют патерналистского отношения со стороны государства².

2. Позволю себе процитировать слова Исайи Берлина: «Если суть человека состоит в том, что люди являются существами автономными <...> нет ничего хуже, чем относиться к ним как если бы они были не самостоятельными, а обыкновенными объектами причинно-следственных воздействий <...> выбором которых

ТАБЛИЦА III – 6.
Оценка значимости личной ответственности
по сравнению с патернализмом (среднее
арифметическое ответов)

Беларусь	2,96	Польша	2,4
Болгария	2,56	Румыния	2,85
Чешская Республика	2,55	Россия	2,67
Эстония	2,43	Словацкая Республ.	2,34
Венгрия	2,23	Словения	2,72
Латвия	2,30	Украина	2,98
Литва	2,19		
Центральная и Восточная Европа			
Среднее значение	2,55	Средневзвешенное по численности населения	2,67

ПРИМЕЧАНИЕ. Респондентам задавался следующий вопрос: Ответьте, пожалуйста, с каким из альтернативных утверждений вы согласны: «Индивиды должны сами заботиться о себе и средствах к жизни»: 1) безусловно согласен; 2) отчасти согласен; «Государство должно нести ответственность за материальное обеспечение каждого»: 3) отчасти согласен; 4) безусловно согласен.

ИСТОЧНИК: New Europe Barometer, 2009.

На это указывают данные исследования, представленные в табл. III–6. Таким образом, патерналистская риторика и экономическая политика пользуются популярностью и могут принести голоса тем, кто их пропагандирует и осуществляет³.

могут манипулировать их правители. Патернализм деспотичен не потому, что он более тягостен, нежели неприкрытая, жесткая, непросвещенная тирания <...> а потому, что он оскорбителен для моего собственного понимания как человеческого существа» (Berlin, 1990 [1969]).

3. Согласно замечательному исследованию, проведенному американским и немецким экономистами (Alesina, Fuchs-Schündeln, 2007),

Я сопоставил две четкие и прозрачные позиции, каждая из которых имеет обоснования в виде практических аргументов и философских положений. К сожалению, политические игры ведутся не на тех полях, где происходят откровенные, спокойные и прагматичные дебаты, и не в той чистой и живой атмосфере, где утверждаются этические принципы. Эти игры происходят на арене, где политические гладиаторы сражаются за политическую жизнь или смерть, за голоса, за победу на выборах и поражение оппонента. Группы, которые твердо и последовательно поддерживают эти два «чистых» направления, являются значительными игроками (в некоторых странах и в некоторые периоды та или иная группа могла даже доминировать). Есть, однако, и другие политические группы (партии или партийные фракции либо различные беспартийные движения), которые не вписываются ни в одно из этих двух «чистых» направлений. Политики, как в правительстве, так и в оппозиции, испытывают сильное противодействие сужению масштабов государства благосостояния. Стоит напомнить известную истину, что здесь мы имеем эффект храповика: изменение в одном направлении возможно, но возврат в прежнее положение невозможен. С политической точки зрения просто и выгодно увеличивать расходы на социальное обеспечение и расширять государство благосостояния, в то же время политически сложно и весьма непопулярно сокращать эти расходы. Неудивительно поэтому, что, кроме двух вышеуказанных «чистых» направлений, мы повсюду видим многочисленные примеры нечетких, расплывчатых политических позиций.

К третьему направлению принадлежат *популисты*; они обещают полное сохранение или даже расширение прав на социальное обеспечение и защиту сверхкруп-

население восточной части Германии (бывшей ГДР) испытывает значительно более сильное желание патерналистского государства благосостояния, чем население западной части, где люди иначе социализируются и исповедуют другие ценности.

ного государства благосостояния, но не раскрывают источники финансирования расходов. В лучшем случае такие политики дают безответственные и ложные обещания только во время избирательных кампаний или когда энергично нападают на либеральные реформы, сидя в рядах парламентской оппозиции. Хуже, если популистская партия победит на выборах и начнет выполнять безответственные обещания, ведя к катастрофическому бюджетному дефициту и прочим связанным с ним печальным макроэкономическим последствиям.

Основная черта четвертого направления — отсутствие верности принципам, *непоследовательность*, проявляющаяся со стороны политической партии или правительства как реакция на трудные решения. В январе — шаг в одном направлении (*сокращение* некоторых расходов на социальное обеспечение), а в феврале — шаг в противоположном направлении (*увеличение* некоторых других расходов в этой области). Политики, придерживающиеся четвертого направления, стремятся угодить избирателям правого крыла по четным дням и избирателям левого — по нечетным. Колебания, непостоянство, непредсказуемость слов и дел — вот характерные черты такой политической позиции. И это ведет к замешательству среди избирателей, которые не понимают, что происходит. На первых порах так можно приобрести временную популярность у введенных в заблуждение сторонников первого или второго «чистого» направления, еще не разобравшихся, куда ведет эта политика. Но рано или поздно последние поймут, что были обмануты и что их водили вокруг да около, лавируя между двумя противоположными целями.

В моем представлении, именно это и происходит в ряде государств с современной «новой социал-демократией» в стиле Тони Блэра, в том числе в некоторых постсоциалистических странах, включая Венгрию. Политика в отношении государства благосостояния во многих аспектах непоследовательна, поскольку ведется попытка следовать двум противоположным, взаимоисключающим ценностям и одновременно с этим заметно стремле-

ние угодить двум крупным частям электората, имеющим в корне различные предпочтения и испытывающим взаимную неприязнь.

Отправным моментом для моего доклада послужил лозунг Французской революции. В накаленной атмосфере 1789 года и последующих лет никто не думал о том, насколько согласованны три его компонента и не противоречат ли друг другу. Вспомним, какой это был исторический век: это было почти за 100 лет до того, как Бисмарк ввел социальное страхование в Германии, более века до того, как социал-демократы в Скандинавии и Англии начали создавать современное государство благосостояния. Нынешние политики в длительной борьбе за структурную трансформацию не могут обойти проблему согласованности изменений, а если пытаются сделать это, то вынуждены платить серьезную политическую цену.

III-4

Прогноз?

Рад был бы представить прогноз, собственное видение будущего, но боюсь, что в той области, которая выбрана предметом для данной статьи, не имею четкого представления о том, что может произойти.

При общем взгляде на регион постсоциалистической трансформации складывается весьма пестрая картина. Изменения, связанные с деятельностью государства благосостояния, направлены в самые разные стороны. В некоторых странах предпринимаются шаги по ликвидации универсального и широкого доступа к социальной помощи, в других длинные списки льгот, оставшиеся еще с социалистических времен, пополняются новыми социальными правами. За шагами в одном направлении следуют разворот и шаги в противоположном направлении.

Еще до 2006 года можно было заметить, насколько разнородны движения в обоих направлениях. Жители региона пережили непростые времена: им пришлось пройти через трудности перераспределения ресурсов, радикальные изменения прав собственности, временное отсутствие дееспособных институтов, усугубленное тяжестью трансформационной рецессии 1990-х годов. И все эти факторы вызвали падение производства – куда более значительное, чем в период самой глубокой депрессии после 1929 года. Одновременно миллионы людей, привыкших к гарантии полной занятости, оказались без работы. Последствия этого двойного удара – рецессии и потери гарантии занятости – были в некоторой степени смягчены услугами полученного в наследство государства благосостояния (см.: Kean, Prasad, 2002; Van

huysse, 2006). Людям, потерявшим работу, по крайней мере не пришлось тратить свои скудные средства на медицину, а их дети по-прежнему бесплатно ходили в сады и школы. Многие потенциальные безработные досрочно вышли на пенсию или получили пенсии по инвалидности, а государство закрыло глаза на то, что это не всегда делалось законными способами. К действовавшим правам по соцобеспечению были добавлены новые, например страхование и /или пособие по безработице, субсидирование энергопотребления с целью хотя бы частично сгладить последствия либерализации цен, жилищные субсидии и т.д. Если бы все эти старые и новые формы социальной поддержки со стороны государства благосостояния не были доступны, неудовлетворенность и раздражение людей были бы намного сильнее. В этом состоит существенная причина, объясняющая приверженность столь значительной части населения элементам государства благосостояния.

Начало первого десятилетия XXI века ознаменовалось экономическим подъемом. Стали проявляться положительные результаты перехода от неэффективной социалистической системы к капитализму, обещавшему повышение эффективности и ускорение роста. А затем внезапно обрушился новый удар – глобальный финансовый кризис и рецессия. До сих пор неясно, будет ли падение производства глубже, чем после 1929 года или даже в сравнении со спадом, произошедшим в постсоциалистическом регионе после смены режима, но оно уже принесло новые трудности и страдания миллионам людей.

Эта повторная травма, нанесенная внезапными переменами, экономическими трудностями, беспокойством и чувством неопределенности, безусловно, усилит спрос на защитные функции государства, сделает эти требования более громкими. Политики рискуют попасть под двойной пресс. С одной стороны, значительная часть общества готова отказаться от претензий на личную самостоятельность, пойти на уступки в отношении свободы и надеется на становление еще более патерналистского государства, берущего на себя ответственность за благо-

состояние и безопасность. Некоторые страны откажутся от реформы системы социального обеспечения, предполагающей сокращение ее масштабов и ликвидацию ряда универсальных прав на вспомоществование. С другой стороны, рано или поздно политики (по крайней мере те, кто пришел к власти в результате выборов и отвечает за государственные доходы и расходы) почувствуют сильное давление макроэкономической ситуации. Щедрые траты в духе равенства и братства чреваты пугающими инфляционными последствиями, бюджетным дефицитом, ростом отношения долга к ВВП, неконтролируемым дефицитом текущего счета платежного баланса, отказом инвесторов от покупки государственных облигаций и т. п. Финансовые рынки, банковский сектор, фондовая биржа, различные финансовые институты, инвестиционные банки, брокерские фирмы и легион занятых в них аналитиков не становятся добрее от благородного чувства сострадания к своим согражданам и требований милосердия и благотворительности. Но они и не столь жестоки и бессердечны, как грубо и тенденциозно изображает их в карикатурном виде популистская политическая риторика, — они просто делают свое дело. Как бы то ни было, реальные макроэкономические трудности плюс громкие голоса критиков и предупреждения со стороны финансового и делового сообщества толкают политиков в противоположном направлении. Расходы должны быть сокращены в такой пропорции, чтобы одновременно могли быть снижены налоги, открывая путь для роста частных инвестиций и последующего подъема производства.

Каким будет итог этих противоречивых воздействий? Единственным честным ответом будет признание: я не знаю. В разных странах результат, вероятно, будет различным в зависимости от глубины кризиса, соотношения выигравших и проигравших, от распределения голосов избирателей между партиями и движениями, представляющими различные направления — два «чистых» (направления первое и второе), популистское (направление третье) и непоследовательное (направление четвертое). Возможно, что среди этих стран будут более

удачливые, в них появятся выдающиеся государственные деятели, способные принимать краткосрочные решения, не теряя при этом видение широкого и долгосрочного исторического горизонта. Будут и неудачливые страны, ведомые запутанными и запутывающими политиками, которые могут потеряться в лабиринтах противоречивых давлений, увязнуть в болоте негибких, застывших бюрократических структур. Боюсь, что должен закончить обсуждение знаком вопроса: кто знает, что произойдет в нашем победоносном и подверженном напастям регионе с идеями свободы, равенства и братства?

Часть IV
Маркс глазами
восточноевропейского
интеллектуала

Введение

Боюсь, все, что можно написать о Карле Марксе, уже написано. В тысячах статей и исследований, сотнях книг легко обнаружить весь спектр мнений: от восхищенного признания и взвешенного анализа до возмущенной ненависти. Добавить к этому океану литературы я могу лишь *собственную точку зрения* на наследие Маркса. Я венгр, житель Восточной Европы, родился в 1928 году, начал взрослеть в конце Второй мировой войны. Мой образ мыслей формировался под влиянием грандиозных исторических впечатлений: опустошительная для моей родины война, Холокост, освобождение от нацистского господства, коммунистическая партия и приход социализма, венгерская революция 1956 года и ее разгром, реставрация социалистического режима, неудавшиеся эксперименты 1960-х годов по внедрению рыночного социализма, созданию социалистического общества «с человеческим лицом», падение социалистического режима и экспансия капитализма, демократия, пришедшая на смену диктатуре и финансово-экономический кризис последних лет. Лишь мы, обитатели восточно-европейской части мира, те, чей возраст приближается к семидесяти – восьмидесяти годам, можем заявить, что на собственном опыте испытали, что такое смены режима, глобальные трансформации или как минимум

Настоящий текст является докладом, прочитанным на конференции, посвященной Марксу в университете Канагава (г. Йокогама, Япония). Выражаю благодарность Жуже Даниэл, Аладару Мадарасу и Эстер Надь за ценную помощь, оказанную при работе над докладом. Также благодарю Коллегиум Будапешт, в рамках которого была выполнена исследовательская работа.

резкие повороты политических режимов — вперед и назад, туда и сюда, причем пережили все это не единожды, не дважды, а целых восемь раз. Противостояние капитализма и социализма, столкновение основополагающих характеристик двух систем, тектонические преобразования — изменения всемирно-исторического масштаба интересовали Маркса более всего, их-то он и пытался понять. Нас же подобные вопросы занимали не только в интеллектуальном плане — мы эти изменения *пережили*. Именно непосредственные впечатления, а не исключительные аналитические способности, видимо, дают нам возможность добавить что-то свое к обширному и ценному корпусу литературы о Карле Марксе¹.

Когда японские коллеги попросили меня прочесть доклад, то подчеркнули связь двух событий; это специальная конференция, посвященная Карлу Марксу, в рамках которой я должен был его прочесть, и восьмидесятая годовщина с момента основания университета Канагавы. Узнав, что венгерские экономисты в том же году поздравляют меня с восьмидесятилетием, то есть что я ровесник университета, организаторы конференции решили, что будет уместно, если я выступлю со своим докладом на праздновании юбилея. Поскольку приглашение само по себе носило личный характер, я решил, что выступление может прозвучать в *субъективном* ключе. Я излагаю не некую коллективную позицию восточноевропейской интеллигенции, но делюсь своей личной историей. Жизнь каждого индивида уникальна и отличается от других. Могу, однако, добавить, что моя собственная история во многих отношениях *типична*. Пусть не весь мой жизненный путь, но отдельные его фазы могут отражать

1. Из написанного недавно выделю следующие работы: Elster, 1991; Foley, 1986; Kolakovski, 1978; Mandel, 2008; Roemer, 1986; Tarrit, 2006. Венгерский читатель может ознакомиться с обзором современной литературы по исследованию Маркса в работах Марты Иванне Хилд (Ivanné Hild Márta, 1997, 1998). В пособиях по истории экономических теорий, которыми пользуются в западных университетах, признают значение Маркса, и углубленным анализом и оценкой, по большей части, никто не занимается (см., например: Blackhouse, 2002; Vaggi-Groenewegen, 2006).

схожие фазы в жизни других индивидов. После выхода в свет автобиографии «Силой мысли» многие сообщили мне, что, знакомясь с тем или иным отрезком моего жизненного пути, узнавали в нем свою историю². Вот и на этот раз, описывая связь с идеями Маркса в разные периоды своей жизни (и истории, определявшей мою жизнь в длительной перспективе), я надеюсь на эффект узнавания.

Из богатейшего творческого наследия Маркса я выделяю несколько идей. Даже простое изложение собственных соображений по любому из вопросов потребовало бы целого исследования, однако в рамках данной работы на каждый приходится хотя бы по несколько абзацев. Таким образом, я не могу заниматься подробными аналитическими изысканиями. Надеюсь, выбранный мною жанр — изложение субъективной истории моих отношений с Марксом — позволит кратко обрисовать масштабные темы.

2. Моя автобиография впервые вышла на венгерском языке в 2005 году (Kognai, 2005a), затем последовали издания на японском, английском, русском (Корнай Я. Силой мысли. Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии / пер. с венгер. О. Якименко. М.: Логос, 2008), польском и вьетнамском языках. На момент прочтения доклада велась работа над китайским изданием.

IV-1

Почему я увлекся Марксом...

Подростком я много читал, буквально проглатывал не только шедевры мировой литературы, но и труды по философии, истории. Однако до 1945 года не читал ни одной книги Маркса. Ни дома, в кругу приличной буржуазной семьи, ни в школе, где обучались дети представителей верхушки среднего класса, мне не встретился никто, кто дал бы мне марксистскую литературу. И все же пару лет спустя я сознательно объявил себя марксистом.

Что же послужило причиной столь быстрой перемены и сильного влечения к Марксу?

В самом чувствительном возрасте — в период полового созревания — я сначала столкнулся с дискриминационными законами в отношении евреев, а затем — с унижительным преследованием, я был вынужден прятаться, бежать, бояться. По окончании осады Будапешта я сразу осознал: отца депортировали в Освенцим и там убили, а старший брат не вернулся с принудительных работ. Исходя из собственных исторических изысканий и личных переживаний я понял: в войну и истребление народов нас ввергли гитлеровский режим и его венгерские приспешники. После войны создавалось множество партий, и я довольно быстро примкнул к коммунистам. Первая мысль, приведшая меня к ним, сводилась к следующему: коммунистическая партия — единственная на протяжении десятилетий последовательно, под страхом преследований боролась с режимом Хорти, режимом, который допустил впоследствии приход к власти нацистов и заключил союз с Гитлером. Именно коммунисты были самыми последовательными противниками фашизма. Мое место было среди

них. В партию я вступил именно *поэтому*, а не по причине поддержки программы по социалистическому преобразованию общества — о ней я тогда знал мало, да и сами коммунисты не очень-то ее обсуждали.

Когда же я начал ходить на собрания и лекции молодежного коммунистического движения, то принялся читать и брошюры, издаваемые партией. Коммунистическая идеология казалась мне симпатичной, а социалистические идеи — убедительными.

Так спустя меньше года после освобождения страны я добрался до Маркса. Мне было восемнадцать лет, когда я впервые взял в руки «Капитал» (на немецком языке, венгерского перевода тогда еще не было), и мы с моим самым близким другом разбирали каждую строчку текста, делая подробные выписки.

Здесь позволю себе сделать короткую паузу и обратить внимание на ход событий. Мое первое обращение к Марксу было продиктовано не *интеллектуальным* импульсом; первичным было *политическое* сближение, участие в деятельности коммунистической партии, а уж потом — влияние, оказанное самой книгой. Мое знакомство с Марксом не было результатом выбора из различных идейных течений, экономических или философских школ. Оно началось с того, что среди многообразия политических движений, партий и идеологий я выбрал коммунистическую партию, и она раскрыла передо мной том Маркса.

Я бы мог долго перечислять, какие аспекты «Капитала» оказали тогда на меня самое сильное воздействие, остановлюсь лишь на некоторых.

По мере чтения книги более всего меня покорила четкая логика, строгость мысли и аргументации, точность использования понятий. Во мне очень рано проснулась особенность, которую мои родственники и коллеги по работе иронически называют «манией порядка». Я плохо воспринимаю непоследовательность, перепрыгивание с темы на тему как в серьезных работах и лекциях, так и в обыденной речи. Маркс сразу привлек меня чистыми и прозрачными конструкциями своих разборов, меткостью определений. Много позже я ознакомил

ся с работами, в которых отдельные элементы мыслительных построений Маркса были переведены на язык математических моделей. Так, венгерский и японский экономисты — Андраш Броди и Митио Морисима — переработали теорию воспроизводства Маркса в модель затраты/выпуск (*input-output model*) (Bródy, 1969; Morishima, 1973), а американский экономист Джон Роймер использовал для переосмысления марксистской политэкономии инструментарий господствующего микроэкономического стандарта (Roemer, 1986). Свое идейное «сырье» (ту же теорию воспроизводства) Маркс изначально излагал в логическом порядке, стремясь к точным дефинициям, и это облегчает использование строгого языка математики при создании моделей.

Пусть не при первом прочтении, но в дальнейшем, когда я уже основательнее познакомился с трудами марксистских авторов, сильное впечатление на меня произвел еще один момент. У меня сложилось ощущение, будто, став марксистом, человек получает в руки ключ, способный отомкнуть любой замок. В его распоряжении оказывается аналитический и понятийный аппарат, обладающий *универсальной* объяснительной силой. Будь то историческое событие, экономическая проблема или разбор только что отсмотренного театрального представления — у марксиста есть все инструменты, позволяющие провести анализ. И это создает у него чувство превосходства. Какой-нибудь X или Y могут лучше разбираться в эпохе становления капитализма, поскольку годами ее изучали, но они не марксисты, а я — марксист и потому лучше понимаю этот исторический период. NN может обладать более совершенным литературным вкусом и быть специалистом по эстетике и драматургии, но он не марксист, а я — марксист и потому способен лучше постичь истинные достоинства и недостатки драмы.

Молодые интеллектуалы жаждут получить некое *универсальное объяснение мира*. Кто-то находит его в вере, определенной религии. В наши дни многие экономисты или представители других общественных наук, получившие современное образование, полагают, будто любое человеческое действие и общественное событие можно

объяснить при помощи теории принятия рациональных решений. Обрести универсальный инструмент для объяснения мира мне помог марксизм, точнее, тот вид марксизма, который считали своим и применяли марксисты в моем интеллектуальном окружении. И речь здесь не о безвестных дилетантах, а о мировых знаменитостях, таких как венгерский философ Дердь Лукач или экономист Йене Варга. Я чувствовал: чем основательнее познакомлюсь с Марксом и его выдающимися последователями, тем скорее у меня в руках окажется ключ, отмыкающий все замки.

Еще одна причина моего увлечения Марксом (на самом деле ее воздействие проявилось одновременно с первыми двумя причинами) — эмоциональная; я искренне разделял горячую преданность Маркса всем угнетенным и обиженным. Судьба распорядилась так, что 1944-й — последний военный год — лишил меня удобств буржуазной домашней жизни. В течение нескольких месяцев я выполнял тяжелую физическую работу на одном из кирпичных заводов. Рабочие приняли хилого, но старательного паренька дружелюбно. Я бывал у них в гостях и волей-неволей сравнивал просторную элегантную квартиру своей семьи с их тесными жилищами, обильные домашние обеды со скудным рабочим рационом. С тех пор во мне зародилось чувство солидарности. «Капитал» оказался поразительной книгой и с этой точки зрения: холодный экономический анализ и теплое человеческое чувство, ненависть к эксплуатации неотделимы в ней друг от друга.

IV-2

...и почему разочаровался в марксистских идеях

Забегу немного вперед. Выше я рассказал о первых послевоенных годах, попытался воссоздать собственный интеллектуальный портрет того времени. Время шло, я все глубже осваивал учение Маркса и его последователей — так продолжалось до 1953 года, до смерти Сталина и до наступления бурных годов, ставших поворотными в жизни коммунистических партий и стран, находившихся под их властью. Поворот случился и в моем сознании.

И на этот раз изменения начались для меня не в интеллектуальной сфере, не потому, скажем, что я вдруг прочел работы критиков марксизма. Я убедился, что Маркс заблуждался в фундаментальных вещах отнюдь не благодаря критическим публикациям. Совсем иные причины поколебали — даже не сложившуюся уже жесткую систему мышления, но веру. Я встретил бывшего коллегу, старого коммуниста; никакого преступления он не совершал, но его бросили в тюрьму и пытали. До того момента я не знал, что во имя коммунистических идей тайная политическая полиция под пытками вынуждает арестованных давать фальшивые признательные показания по прямому указанию высшего партийного руководства. Обрушилось моральное основание моих убеждений. Если такие вещи можно делать от имени коммунистической партии, следует ждать и большей беды!

Сейчас я понимаю, что до указанного поворота у меня уже сформировался своеобразный защитный механизм. Я верил в коммунистическую идею не только умом, но и сердцем, потому и возникли защитные преграды,

не «пропускавшие» в сознание идеи, чуждые марксизму и социалистическим доктринам. Если мне попадалась работа, автор которой спорил с Марксом, я пренебрежительно отгораживался от нее со словами: «Это предвзятое мнение врага». Мне казалось, будто я освобожден от необходимости давать отпор противоположному мнению, используя приемлемые для себя идеи. Подобный настрой присущ не только убежденным коммунистам, но, в большей или меньшей степени, характерен для любых фанатиков¹. Обвинитель или судья от инквизиции, функционер террористической организации, посылающий на смерть самоубийц, миссионер, проповедник-фундаменталист или одержимый харизматичный политик могут быть образованными и интеллигентными людьми, обладать выдающимися умственными способностями, но собственная фанатичная вера ставит жесткую и непроницаемую преграду между их образом мыслей и контраргументами. До тех пор пока в их душах сильны моральные опоры веры, любые рациональные доводы, продиктованные рассудком, бесполезны.

Как только рухнули этические основы, разом открылись все шлюзы и хлынул бурный поток критических мыслей. Здесь я вновь сделаю паузу, чтобы обратить внимание на уроки собственной истории. Интеллектуальному, в узком смысле, повороту в моем сознании вновь кое-что предшествовало. На этот раз предпосылки таились не в политической сфере, но в области морали. Когда открылись шлюзы, я уже был готов к аргументации. Я по очереди сравнивал все ранее усвоенные положения и методы марксистской теории с открывшейся мне критикой. Новые мысли повлияли на меня, простимулировав критическое восприятие и на интеллектуальном уровне. Я взглянул в лицо тем проблемам, от которых прежде всегда отмахивался — даже если они задевали периферию моих размышлений.

1. К похожему выводу приходит выдающийся израильский писатель Амос Оз в замечательной книге «Как вылечить фанатика» (Оз, 2007).

В тот период я был журналистом, писал об экономике. Мне часто приходилось сталкиваться с ложью: расточительством, отсутствием дисциплины, плохим качеством, самыми разнообразными проявлениями дефицита. Никакими инструментами для анализа всех этих проблем политэкономия Маркса меня не снабдила. Что же это за экономическая теория, если она не в состоянии сказать ничего по существу реальных экономических проблем? Проблема была не в том, что теория давала неверный ответ на вопросы, а в том, что она вообще эти вопросы не ставила. Я начал серьезно воспринимать и изучать концепции конкурентов Маркса, и передо мной вдруг открылся новый мир идей. Соперники Маркса, с большим или меньшим успехом, занимались именно теми вопросами, которые оставались открытыми в экономике, существовавшей непосредственно вокруг меня. И пусть часть исследуемых ими проблем возникала только в условиях капиталистической экономики, тем не менее их теории систематически обращались и к универсальным явлениям (вопросам эффективности, например, или к производству и потребности, связи спроса и предложения), ведь они сохраняют такую же важность при социализме, как и при капитализме.

Появились у меня сомнения и в отношении тех положений, которые Маркс и его последователи не игнорировали, а сами и выдвинули после длительного изучения. Приведу лишь один пример — часто цитируемые утверждения Маркса о накоплении нищеты. В первом томе «Капитала» — там, где речь идет о «всеобщем законе капиталистического накопления» — автор заявляет: «Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе...» (Marx, 1973 [1867]). Последователи Маркса — и это никак не противоречит предыдущему предположению — говорили об относительном и абсолютном обнищании. При этом не поверхностные впечатления, полученные на зарубежных улицах, а вся достоверная статистика однозначно подтверждала, что в развитых капиталистических странах средний уровень жизни лю-

дей, живущих собственным трудом, существенно возрос, если сравнивать с ситуацией столетней давности (никто, естественно, не может отрицать, что нищета не исчезла). Речь не о мелком недоразумении, не о легко исправимом заблуждении. Положения о грядущем обнищании пролетариата — краеугольный камень окончательных выводов, к которым приводит ход марксистской мысли. Если правда, что нищета непрерывно растет и приобретает все более массовый характер, гнев миллионов людей уже должен был уничтожить капитализм.

Я последовательно знакомился с критикой марксистской доктрины, и такое самообучение длилось много лет. Постепенно все большее количество положений, играющих важную роль в марксистской экономической теории, становились для меня неприемлемыми. Наконец, я дошел до того, что отверг и теорию трудовой стоимости — параллельно с признанием теорий, качественно объясняющих реальное изменение цен, зарплат, расходов, прибылей, причем по мере прогресса в исследованиях по данной теме разрыв с марксизмом происходил все быстрее².

2. Данную точку зрения, между прочим, принимают не только те, кто никогда не попадал под влияние марксистов, но и большинство представителей так называемого аналитического марксизма, несмотря на то что это течение считает своими почти все элементы общественной теории и философии Маркса (см.: Tarrit, 2006).

Интеллектуальная ответственность за социалистическую систему

И снова возвращаюсь назад, в прошлое – в годы непосредственно перед революцией 1956-го. С середины 1950-х годов из энтузиаста и наивного строителя социализма я уже начал превращаться (по нарастающей) в резкого критика режима.

Духовное перерождение среди моих современников шло неодинаковыми темпами и различилось по форме. Одни разом отказались от прежних взглядов, другие делали это шаг за шагом, защищая от уничтожения каждый отдельный фрагмент идеологии. Кто-то начал реформу собственного мышления рано, а кто-то, оттягивая до последнего, принялся за дело с опозданием в несколько десятков лет. Однако в конечном счете духовная трансформация всех представителей интеллигенции произошла под воздействием совместно пережитых исторических потрясений. Венгерская революция 1956 года и потопление ее в крови, а затем – пражская весна 1968 года и ее подавление, возникновение в Польше движения «Солидарность» и последовавшие за этим аресты и введение военного положения стали потрясением для тех, кто начинал как убежденный марксист и коммунист. Все сильнее начинали сомневаться даже те, кто пытался сохранить хотя бы какие-то обрывки прежнего мировоззрения. Мучивший нас вопрос был одним из главных вопросов XX века: что же это за система, которую называют «реальным социализмом»? Неужели она так *неизбежно* связана со всеми пережитыми мучениями: начиная с нищеты, технического отставания, хронического дефи-

цита в экономике и заканчивая подавлением свободомыслия, жестоким полицейским террором и ГУЛАГом? Или же весь этот горький опыт — всего лишь искажение, вызванное преступно неправильным воплощением, и на самом деле сложившаяся система не имеет ничего общего с Марксом, его теорией и заявленной в ней программой действий?

Сформулирую иначе: несет ли Маркс ответственность за то, что произошло в Советском Союзе под руководством Ленина, Сталина, Хрущева и Брежнева, в Китае — Мао Цзэдуна и в остальных странах, где власть оказалась в руках его учеников?

Многие проигрывали в воображении следующий сценарий: как бы повел себя Карл Маркс, окажись он — таким, каким был в свое время, — телом и душой в XX веке, где-нибудь в Будапеште, как бы он прожил жизнь? Предположим, он бы начал свой путь коммунистом, но мятежный дух быстро толкнул бы его в ряды противников коммунистического режима. В пятидесятые он, вероятно, попал бы в лагерь, а если бы избежал подобной участи, принял бы участие в неистовых идейных спорах, подготовивших почву для революции 1956-го. Маркс наверняка был бы среди революционеров, и, если бы очередная волна репрессий миновала его, безжалостно критиковал бы в самиздате экономику советского образца. Подобные фантазии оправдывают Маркса как человека с присутствующим ему критическим взглядом на мир и отдают должное его смелости и верности принципам, но при этом игнорируется поставленный выше и по-настоящему актуальный вопрос: какова связь между теоретическими идеями Маркса и историческими реалиями социалистической системы? Попробую дать лаконичный ответ, в первом приближении: социалистический режим (не прекрасная воображаемая утопия, а то, что было на самом деле, что я пережил лично) *воплотила собой* план Маркса.

Резкость этого утверждения многих неприятно поразит. И все же повторю: по моему убеждению, то, что сформировалось после 1917 года в коммунистической части мира и просуществовало до 1989 года, по сути стало воплощением социалистической системы, которая,

по представлению Маркса должна была возникнуть в противовес капитализму, и это можно подтвердить фактами исторического опыта.

Ход марксистской мысли отталкивается от центральной аксиомы, согласно которой отношения собственности при капитализме характеризует частная собственность. Для уничтожения капитализма необходимо передать средства производства в общественную собственность. До тех пор пока определяющим фактором остается частная собственность, кооперацию между людьми, обмен благами и распределение производственных сил координирует рынок. Рынок – плохой регулятор, он необозрим и анархичен. Благодаря общественной собственности, производственные силы и, в конечном счете, распределение человеческого труда станут прозрачными и плановыми.

Приведу несколько цитат, чтобы доказать: все вышесказанное – действительно идеи Маркса (а не просто марксистские мысли, разбавленные или неверно понятые учениками). Цитирую первый том «Капитала»: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней <...> Бьет [последний] час капиталистической собственности. Экспроприаторов экспроприируют» (Маркс, 1951–1981 [1867]). Еще одна важная цитата: «...постоянную анархию и периодические конвульсии, неизбежные при капиталистическом производстве...» – пишет Маркс в работе «Гражданская война во Франции» (Маркс, 1951–1981 [1871]). В том же абзаце можем прочесть столь часто упоминаемые слова об *общем плане*: «...объединенные кооперативные товарищества организуют национальное производство по общему плану».

Сравним теперь рассмотренные выше теоретические положения с реальностью социалистической системы, сложившейся в Советском Союзе и других коммунистических государствах. Две главнейшие черты реальной системы – как раз то, чего ждал и о чем писал Карл Маркс:

- 1) система очень близко подошла к полному уничтожению частной собственности на средства производ-

ства (хотя ее изуродованные, загнанные в тесные рамки обломки еще кое-где сохранились), сделав основной общественную собственность, главным образом в форме государственной собственности;

- 2) система также максимально приблизилась к полному отказу от рыночной координации (ее следы остались в черной и серой экономике), вместо этого на первый план вышли централизованное планирование, бюрократическая координация и принудительное хозяйствование.

Речь здесь идет не о выхваченных наугад второстепенных признаках социалистической системы, но о двух *фундаментальных чертах* экономического порядка¹.

Когда я дискутировал об этом с зашоренными марксистами, одним из привычных контраргументов с их стороны был следующий: режимы Сталина или Мао использовали имя Маркса лишь в качестве отвлекающего символа, почитали его как святого заступника, а на деле никакого отношения к нему не имели. Я же оппонировал подобной аргументации, прибегая к словам самих Маркса и Энгельса. Именно Маркс поставил грандиозную историческую задачу, воплощенную в жизнь обоими диктаторами.

(В скобках замечу, что данная характеристика подходит для нынешней компартии Китая — она действительно вешает портрет Маркса на стену в качестве святого заступника, прикрывая политическими церемониями свою реальную политику. Китайская компартия рассматривает марксизм как ложную идеологию. Система, над которой эта партия возвышается, по сути своей носит капиталистический характер, поскольку доминирующей формой собственности стала частная собственность, а главным механизмом координации — рынок. Таким образом, за последние двадцать — тридцать лет в Китае сформировалось нечто совершенно противоположное програм-

1. Здесь я попытался кратко охарактеризовать важнейшие черты социалистической экономики. Подробно я изложил свои мысли в книге «Социалистическая система» (Kornai, 1995a).

ме, заложенной Марксом, и произошло это раньше, чем в остальных социалистических странах.)

Упрямые защитники марксистского учения не любят, когда их ставят перед неоспоримым фактом: российская большевистская партия и ее преемницы в других странах занимались воплощением в жизнь марксистской программы преобразований. В ряде американских университетов мне не раз попадались неглупые, интересующиеся студенты, считавшие себя «радикальными экономистами». Они добросовестно изучали произведения, которые считали политически приемлемыми, и были готовы признать и даже как следует проработать теории и методики, относящиеся к так называемой мейнстримной экономической теории. При этом они всячески противились более глубокому ознакомлению с коммунистической экономикой СССР или стран Восточной Европы. Эта экономика казалась им неинтересным, не побоюсь даже слова «отталкивающим», явлением — далеким от них и никак не связанным с теми мыслями, которые эти студенты уважали и принимали. Я расцениваю такое поведение как страусиную политику.

С подобным феноменом я сталкивался не только среди молодых студентов. Готовясь к докладу, я перечитал работы ученых — авторов, отличающихся открытостью мышления и широтой знаний, — которые пытаются заново оценить марксистскую теорию, и мне бросилось в глаза, что самые выдающиеся из них вообще не сравнивают исторический опыт Советского Союза, дореформенного Китая и стран Восточной Европы. Такие имена, как Ленин и Сталин, в этих произведениях даже не фигурируют.

По моим представлениям, интеллектуальная и политическая порядочность требуют честного ответа на вопрос: какое отношение имеют идеи Маркса к воплощенным в реальности социалистическим режимам? Какое отношение имеет Маркс к Ленину и Сталину? Рискну предложить собственный прямой ответ. Относительно ответа можно спорить, однако правомерность вопроса вряд ли подлежит сомнению.

Экономика, исключая частную инициативу и рыночную координацию, обречена на административное

регулирование сверху. В рамках такого механизма дисциплину и выполнение распоряжений сверху приходится обеспечивать административным путем. Социалистическая система не может функционировать без репрессий. Если аппарат подавления ослабить, рано или поздно он рухнет. Так произошло с Советским Союзом, а после его распада — и с остальными коммунистическими государствами Восточной Европы.

Сюда же относится позиция Маркса по вопросу диктатуры и демократии. Если бы он собственными глазами увидел, что происходило в пыточных кабинетах ЧК или сибирских трудовых лагерях, то, вероятно, содрогнулся бы. Но до тех пор пока дело сводилось к написанию текстов, Маркс и Энгельс с пренебрежением рассуждали о пустой, формальной буржуазной конституционности, парламентаризме, демократии и отстаивали идею диктатуры пролетариата.

Недавно я перечел знаменитый спор Ленина с Каутским: книгу Каутского «Диктатура пролетариата» и ответ Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (Kautsky, 1919 [1918]; Lenin, 1977 [1918]). Карл Каутский пишет в объективной, спокойной манере; он твердо верит в социалистическую идею, однако остается преданным сторонником парламентской демократии. Каутский выражает беспокойство, опасаясь, что во имя интересов пролетариата могут подавить волю большинства, злоупотребить властью, а меньшинство будет лишено защиты. Ленин с едкой усмешкой, очерняя своего соперника, опровергает все доводы Каутского. Если читать с сегодняшних позиций, все опасения Каутского оказались оправданны. В отличие от Ленина, он оказался прав по всем пунктам, за исключением одного — в том, что касается анализа позиции Маркса и Энгельса. Именно Ленину, а не Каутскому удается подкрепить собственную точку зрения убедительными цитатами двух великих пророков идеи. Ленин воспроизводит известные слова Маркса: «...рабочие на место диктатуры ставят свою революционную диктатуру...» (Marx, 1969 [1873]. Т. 18); цитирует Энгельса: «Победившая партия <...> бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, ко-

торый внушает реакционерам ее оружие» (Engels, 1969 [1872]. Т. 18). Ленин утирает нос Каутскому еще одной цитатой из Энгельса: «Государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии» (Engels, 1970 [1891]. Т. 21).

Каутский не в состоянии подтвердить свои аргументы в этой части полемики подходящей цитатой из Маркса. Он тоже приводит слова Маркса о революционной диктатуре пролетариата и вынужден добавить к ним печальный комментарий: «К сожалению, Маркс недостаточно выяснил, что он понимал под диктатурой» (Kautsky, 1919 [1918]). Ни у Каутского, ни у сегодняшних исследователей Маркса — авторов, во многом ему симпатизирующих и вполне объективных, — я не наткнулся на цитаты, в которых бы Карл Маркс, блестящий политический аналитик, столь многосторонне описавший связь государства, угнетения и свободы, всерьез рассматривал бы связь между демократическими институтами и правами человека и опасности диктатуры. Маркс игнорировал саму *проблему*, трудноразрешимые вопросы институциональной защиты права человека на свободу. Это ироничное пренебрежение глубоко впитал Ленин и остальные верные марксисты.

Утверждение, согласно которому демократия — это всего лишь диктатура буржуазии, и, значит, вместо нее надо революционным путем установить другую диктатуру, размывает жесткое разграничение между демократией и диктатурой. После прихода к власти Гитлера, западные коммунисты начали с ужасом понимать, что «формальная», «буржуазная» демократия, парламентаризм, правовое государство, законность — не обман, а незаменимые ценности, еще и потому, что могут, на уровне институтов, обеспечить защиту тем, кто хочет говорить и писать, вечным критикам правительства, радикальным реформаторам общества и среди них таким интеллигентам — искателям духовной истины, к которым относился и сам Маркс.

Предположим, во времена Маркса оппозиции демократия — диктатура, диктатура буржуазии — диктатура пролетариата еще могли казаться предметом интеллек-

туального спора. Но сегодня, в глазах тех, кто пережил тиранию Сталина, Мао, Ракоши и прочих диктаторов, эти слова обрели иное значение. Сегодня мы уже видим, что пренебрежительное отношение к демократии в работах Маркса подготовило почву, на которой выросло здание тирании Ленина – Сталина – Мао, а сторонники марксистских идей утратили способность сопротивляться репрессиям.

Слово «ответственность» в заголовке я употребил явно не в уголовно-правовом смысле. Распространение ошибочной идеи само по себе – не преступление. Но и об «ответственности» речь идет не в рамках этики. Выступив за уничтожение частной собственности и рынка, отказавшись признавать значимость парламентской демократии и правового государства для защиты прав человека, Маркс не нарушил этические заповеди. Я говорю исключительно об интеллектуальной ответственности. Провозглашая некую мысль, способную подвигнуть на общественные действия, мы, наряду с непосредственными исполнителями, тоже несем ответственность за то, что произойдет, и за последствия происходящего. Чем большее воздействие оказывает наше слово, тем серьезней ответственность. И все же, никто и никогда не оказывал на людей большего влияния своими мыслями и заявленной программой действий, чем Карл Маркс.

*Что из учения Маркса
продолжает жить*

С момента распада социалистической системы среди интеллигенции в разных уголках планеты стало довольно популярным мнение, согласно которому идеям Маркса раз и навсегда пришел конец. История, однако, это опровергла. Я не раз сталкивался с дерзкими и высокомерными рассуждениями, мол, Маркс давно в прошлом, к чему заниматься немодными идеями.

На сегодняшнем этапе, в разгар кризиса, возникают совершенно противоположные настроения. Маркс снова в ходу. В политических и журналистских кругах стало модно ссылаться на пророческий дар Маркса при описании ужасов приближающегося краха капитализма. «Капитал» вдруг стал бестселлером¹.

Оба эти мнения неверны. Своей деятельностью Маркс не просто вписал свое имя в историю политики и духа — многие его мысли не утратили актуальности до сих пор и помогают понять мир. К этому я еще вернусь, но прежде обращусь к так называемому восточному ренессансу марксизма. У Маркса действительно повторяется пророчество, согласно которому в капитализме действуют силы саморазрушения, ведущие к окончательному кризису и краху системы. Но даже самые преданные идеям Маркса исследователи признают: ход его мыслей, объясняющих окончательно

1. О неожиданно вспыхнувшем интересе к Марксу см., например, статью в лондонской газете «Таймс» (Collins, 2008).

ный крах капитализма, труднопостижим, загадочен, а то и вовсе ошибочен².

Я пророчествами не занимаюсь, личный опыт подсказывает: значительные перемены в мировой истории часто происходят неожиданно. Не знаю, как будет устроено общество в будущем. Могу сказать лишь одно: на моем горизонте закат капитализма не наступит, и уж тем более не воплотится предсказание Маркса о повсеместной смене капитализма на социалистическую систему. Основы капитализма кажутся мне слишком крепкими для подобного сценария. Вопрос этот разрешит отнюдь не поединок между пророчествами, но грядущая история. *Сегодня* мы можем лишь с полной уверенностью утверждать, что в данный момент капиталистическая экономика переживает глубокий кризис, но при этом *продолжает жить*.

Ежедневно мы читаем в прессе заявления политиков и журналистов о начале «советизации» западного мира. Действительно, на что еще может указывать тот факт, что в отдельных странах правительство не раздаст спасительные субсидии даром, а требует взамен право собственности (отметим, что речь идет о такой государственной собственности, которую правительство потом сможет приватизировать, — если только в США и Великобритании к власти не придет коммунистическая партия, нацеленная любой ценой внедрить советскую модель). Болтающие о «советизации» и введении социализма демонстрируют не только незнание Маркса, но и отсутствие представления об истории СССР и реальных характерных чертах социалистической системы.

На самом же деле стоит подчеркнуть, что в первом и третьем томах «Капитала» можно обнаружить гениальные рассуждения о том, как периодически возника-

2. Мысли Маркса на эту тему принято интерпретировать следующим образом: тенденция к снижению нормы прибыли в нижней точке ведет к невозможности капиталистического способа производства. Большинство критиков подвергает сомнению саму тенденцию, ссылаясь как на теоретические рассуждения, так и на исторические факты. Я, со своей стороны, согласен с критиками.

ет чрезмерная кредитная экспансия и как ее влияние служит причиной кризисов. Маркс первым (или одним из первых) обратил внимание на то, как экспансия кредитования ведет к перепроизводству (если использовать его же терминологию), то есть к производству, превышающему реальный спрос, а также к созданию чрезмерных мощностей, необходимых для достижения завышенного уровня производства. Данная ускоренная экспансия продолжается до тех пор, пока цепочка кредитований не начнет неожиданно рваться³.

В ходе последних десяти—двадцати лет некоторые академические экономисты и эксперты—практики в области финансов стали замечать, какие опасности таятся в безответственном открытии кредитов, ошибочном расчете рисков, и даже высказывали предложения по предотвращению проблем, — но их никто не слушал. Искать этих трезвомыслящих аналитиков следует не в марксистских кругах, не среди радикальных противников капитализма, а в рядах верных последователей капитализма, критиков существующей кредитной практики.

Возвращаясь в рамки субъективного повествования, хотел бы остановиться на том, что лично для меня остается самым поучительным из той части марксистского наследия, которая сохранила свою ценность по сей день. Гениальный ум ученого обрушил на нас настоящий поток идей и аналитических инструментов. В своем коротком эссе я вступил в спор с отдельными довольно значимыми идеями Маркса и подчеркнул, что не принимаю их лично. Однако — и здесь я продолжаю выступать от собственного имени — существует масса важнейших марксистских подходов к научному мышлению, которые я по-прежнему поддерживаю и стараюсь применять сам. Приведу лишь несколько примеров.

3. Как известно, Маркс не суммировал идеи, связанные с повторяющимися кризисами. Возможно, самое важное место, на которое есть смысл здесь сослаться, это глава 30 третьего тома «Капитала» (Магх, 1974 [1863–1883]). Сжатый обзор представлений Маркса о кризисах см.: Mandel, 2008.

Когда речь заходит о созидательном разрушении, мы, как правило, ссылаемся на Шумпетера⁴. Мы думаем о предпринимателе, который внедряет новый продукт, новые технологии, новые формы организации и завоевывает новые рынки, и наряду с этим — об описанном у Шумпетера капиталистическом развитии, которое разрушает старый мир и вместо него выстраивает свой мир и способ производства, навязывая их обществу. Заметим, однако, что Маркс и Энгельс задолго до этого описали данный процесс, созидательную и разрушительную силу капитализма в памятных первых строках «Манифеста коммунистической партии». В трактовке марксистской политэкономии капиталист играет особую роль в организации процесса технического обновления (Marx, Engels, 1959 [1848]).

До и после Маркса внимание большинства экономистов было сосредоточено на состояниях равновесия, а в случае с рыночным равновесием, на том особом случае, когда спрос и предложение находятся в равновесии. Позднее экономическая наука назвала это особое состояние равновесием Вальраса. Наряду с Мальтусом, Маркс стал пионером в той области исследований, которая рассматривает состояния, отличающиеся от рыночного равновесия, причем не только случайные колебания рыночного (вальрасовского) равновесия, но и длительные отклонения. В этой связи Маркса особенно занимал рынок рабочей силы, где предложение превышает спрос не короткое, а *длительное* время. Исследуя явление, названное им относительным перенаселением, Маркс попытался дать ему не демографическое, а экономическое объяснение. Сегодня экономика, изучающая рынок рабочей силы, называет длительный избыток предложения на этом рынке равновесием безработицы (см., к примеру: Layard, Nickell, Jackman, 2005). Мало кто вспоминает, что первым об этом заговорил Маркс. Со своей стороны подчеркиваю, что именно Маркс научил меня тому, как важно следить за длительными отклонениями от рыночного равновесия⁵.

4. Подробнее об этом в части II настоящего издания.

5. Явление, находящееся в центре моих исследований, а именно — проявляющийся в социалистической экономике хронический дефи-

Детально я не знаком с историей возникновения и введения в научное мышление понятия «капитализм». Думаю, не ошибусь, если заявлю, что долгое время большая часть политиков, публицистов и исследователей общества связывала внедрение этого понятия и противопоставление реальной, исторически сложившейся капиталистической системы социалистическому порядку (приход которого, во времена Маркса, можно было лишь предугадать) с именем Карла Маркса и марксистским направлением мысли. Маркс считал этот новый мир не утопией, но исторической реальностью, а ее наступление — совершенно вероятным.

Такое формирование понятия тесно связано с теорией Маркса о сменяющих друг друга способах производства, несхожих между собой в самых существенных проявлениях.

Эта важная составляющая марксистской идейной конструкции и сегодня сильно влияет на мой ход мыслей. В одной из своих работ я назвал подход, направленный не на выделение одной *части*, одного-единственного сегмента экономики или политической, культурной, мыслительной сферы, но на охват состоящего из частей *целого*, «системной парадигмой». Он концентрирует внимание именно на том, как различные элементы зависят друг от друга, какие между ними возникают взаимные влияния. Системная парадигма описывает систему не как статичный моментальный снимок, а пытается постичь ее динамику, понять, как она реализуется в истории. Маркс — великий первопроходец и несравненный мастер системных парадигм. Он и экономист, и социолог, и политолог, и историк в одном лице. Тогда никто еще не употреблял слово «междисциплинарный», но он уже показал пример, как следует подняться над узкими гра-

цит товаров и рабочей силы — зеркальное отражение длительной *избыточности*, описанной Марксом и Кейнсом, симметричного, противоположного по знаку явления (Kognai, 1980). Более подробно данная проблема разбирается в части II настоящего издания, где я неоднократно указываю, какие мысли я позаимствовал у Маркса.

ницами одной дисциплины и вести исследование с позиции универсального обществоведения.

Меня часто спрашивают, марксист ли я. Ответ мой однозначен: нет⁶. Кто-то относит меня к австрийской школе или к кейнсианцам, неоклассикам, неолибералам и т. д. Я же на все определения отрицательно качаю головой. Я не являюсь безусловным последователем ни конкретной школы, ни какого-либо «изма». Пусть другие пытаются, а я на себя ярлыки вешать не дам. Скорее, признаюсь, что фрагменты моего сознания (говоря ироничными словами Энгельса) смешиваются в эклектичное варево. Если бы я хотел себе польстить, то, скорее, заявил бы, что стремлюсь к интеграции разных идейных течений. Когда мне нужно назвать тех, кто оказал на меня самое значительное влияние, я обычно упоминаю Шумпетера, Кейнса, Хайека, но на первом месте всегда стоит имя Карла Маркса.

6. Сегодня в Восточной Европе на этот вопрос отрицательно отвечают даже те, кто в 1989 году преспокойно преподавал диалектический материализм или политическую экономию. У меня иные личные предпосылки для данного заявления. Я начинал как марксист, однако в ноябре 1956 года, *после того* как советские танки уже вошли в Будапешт, я заявил секретарю местной парторганизации относительно своей политической позиции: «Учите, я не марксист». Впоследствии это заявление принесло мне немало проблем в жизни, в академическом мире, где быть марксистом считалось обязательным в прямом смысле слова.

Библиография

- Корнай, Янош (2008): *Силой мысли. Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии* / пер. с венгер. О. Якименко. М.: Логос.
- Aghion, Philippe and Peter Howitt (1998): *Endogenous Growth Theory*. MIT Press, Cambridge, MA.
- Akerlof, George A. and Robert J. Shiller (2009): *Animal Spirits. How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism*. Princeton University Press, Oxford.
- Alesina, Alberto and Nicola Fuchs-Schündeln (2007): Good Bye Lenin (or not?) – The Effect of Communism on People's Preferences. *American Economic Review*. Vol. 97. No. 4. P. 1507–1528.
- Allain, Olivier and Nicolas Canry (2008): Growth, Capital Scrapping, and the Rate of Capacity Utilisation. Working Paper. 12th Conference of the Research Network, Macroeconomics and Macroeconomic Policies, Berlin.
- Amann, Ronald and Julian Cooper (1982): *Industrial Innovation in the Soviet Union*. Yale University Press, New Haven-London.
- Amann, Ronald, Julian Cooper and Robert W. Davies (1977): *The Technological Level of Soviet Industry*. Yale University Press, New Haven-London.
- Antal, László (1980): Fejlődés kitérővel. A magyar gazdasági mechanizmus a 70-es években. *Gazdaság*, 14. évf. 2. sz. 28–56.
- Arthur, W. Brian (1994): *Increasing Returns and Path Dependence in the Economy*. University of Michigan Press, Ann Arbor.
- Artus, Patrick (2009): *China: The Vicious Circle of Excess Capacity*. Natixis, Economic Research.
- Atkin, David. J., Tuen-Yu Lau and Carolyn A. Lin (2006): Still on hold? A Retrospective Analysis of Competitive Implications of the Telecommunication Act of 1996, on its 10th Year Anniversary. *Telecommunications Policy*. Vol. 30. No. 2. P. 80–95.
- Backhouse, Roger E. (2002): *The Penguin History of Economics*. Penguin.
- Balcerowicz, Leszek (1995): *Socialism, Capitalism, Transformation*. CEU Press, Budapest.
- Ball, Laurence and Gregory N. Mankiw (1995): A Sticky-Price Manifesto. NBER Working Papers, 4677. National Bureau of Economic Research.

- Bartelsman, Eric J., John Haltiwanger and Stefano Scarpetta (2004): Micro-economic Evidence of Creative Destruction in Industrial and Developing Countries. Working Paper. World Bank, Washington DC.
- Bauer, Reinhold (1999): *Pkw-Bau in der DDR: Zur Innovationsschwäche von Zentralverwaltungswirtschaften*. Peter Lang, Frankfurt am Main.
- Baumol, William J. (2002): *The Free-Market Innovation Machine: Analyzing the Growth Miracle of Capitalism*. Princeton University Press, Princeton.
- Baumol, William J., Robert E. Litan, Carl J. Schramm (2007): *Good Capitalism, Bad Capitalism, and the Economics of Growth and Prosperity*. Yale University Press, New Haven-London.
- Baumol, William J. and Melissa A. Schilling (2008): Entrepreneurship. In: Durlauf, S. N. and L. E. Blume (eds.) *The New Palgrave Dictionary of Economics*. Palgrave Macmillan, London.
- Benassy, Jean-Pascal (1982): *The Economics of Market Disequilibrium*. Academic Press, New York.
- Berlin, Isaiah (1990) [1969]: A szabadság két fogalma. In: *Négy esszé a szabadságról*. Európa, Budapest.
- Berliner, Joseph (1976): *The Innovation Decision in Soviet Industry*. MIT Press, Cambridge, MA.
- Berners-Lee, Tim (1999): *Weaving the Web*. Harper, San Francisco.
- Bhaduri, Amit (2007): *Growth, Distribution and Innovations*. Routledge, London-New York.
- Bils, Mark, Peter J. Klenow (2004): Some Evidence on the Importance of Sticky Prices. *Journal of Political Economy*. Vol. 112. No. 5. P. 947–985.
- Blanchard, Olivier and Jordi Gali (2007): Real Wage Rigidities and the New Keynesian Model. *Journal of Money, Credit and Banking*. Supplement. Vol. 39. No. 1. P. 35–65.
- Blinder, Alan S., Elie R. Canetti, David E. Lebow and Jeremy B. Rudd (1998): *Asking about Prices: A New Approach to Understanding Price Stickiness*. Russell Sage Foundation, New York.
- Bojár, Gábor (2005): *Graphi-sztori*. HVG Könyvkiadó, Budapest.
- Brabant von, Jozef M. (1990): Socialist Economics: The Disequilibrium School and the Shortage Economy. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 4. No. 2. P. 157–175.
- Bródy, András (1969): *Érték és újratermelés. Kísérlet a marxai értékelmélet és újratermelési elmélet matematikai modelljének megfogalmazására*. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, Budapest.
- Bureau of Labor Statistics (2010): *Job Openings and Labor Turnover Survey (JOLT)*, www.bls.gov/jlt/#data (Retrieved on October 11, 2010).
- Bygrave, William and Jeffrey A. Timmons (1992): *Venture Capital at the Crossroads*. Harvard Business School Press, Boston.
- Castells, Manuel (1996–1998): *The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Vols. I–III. Blackwell, Oxford.

- Ceruzzi, Paul E. (2000): *A History of Modern Computing*. MIT Press, Cambridge, MA.
- Chamberlin, Edward H. (1962) [1933]: *The Theory of Monopolistic Competition*. Harvard University Press, Cambridge, MA.
- Chantrill, Christopher (2010): US Government Spending. <http://www.us-governmentspending.com/numbers#USgs302>, (Retrieved on November 30, 2010).
- Chao, Loretta (2009): China Squeezes PC Makers. *The Wall Street Journal*, June 8.
- Chikán, Attila (1984): *A vállalati készletezési politika*. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, Budapest.
- Chopra, Sunil and Peter Meindl (2003): *Supply Chain Management*. Prentice Hall, Upper Saddle River, NJ.
- Clavel, Laurent and Christelle Minodier (2009): A Monthly Indicator of the French Business Climate. INSEE, Párizs, http://www.insee.fr/fr/publications-et-services/docs_doc_travail/G2009-02.pdf (Retrieved on January 12, 2011)
- Clower, Robert W. (1965): The Keynesian Counter-Revolution: A Theoretical Appraisal. In: Hahn, Frank H. and P.R. Brechling, (eds.) *The Theory of Interest Rates*. Macmillan, London. P.103–125.
- Clower, Robert. W. (1967): A Reconsideration of the Microfoundations of Monetary Theory. *Western Economic Journal*. Vol. 6. No. 1. P.1–8.
- Colander, David, Richard P.F. Holt and J. Barkley Rosser Jr. (2004): *The Changing Face of Economics: Conversations with Cutting Edge Economists*. University of Michigan Press, Ann Arbor.
- Collins, Philip (2008): Karl Marx: Did he get it all right? *Times*, October 21.
- Cooper, Julian (2009): *Russia as a Populous Emerging Economy. A Comparative Perspective*. Working Paper.
- Corrado, Carol and Joe Matthey (1997): Capacity Utilization. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 11. No. 1. P.151–167.
- Coutts, David A. (2010): *Darwin's Views on Malthus*. http://members.optusnet.com.au/exponentialist/Darwin_Malthus.htm (Retrieved on December 3, 2010).
- Cowan, Robin and Mario J. Rizzo (1996): The Genetic-Causal Tradition and Modern Economic Theory. *Kyklos*. Vol. 49. No. 3. P.273–317.
- Crotty, James (2001): *Structural Contradictions of Current Capitalism: A Keynes-Marx-Schlumpeter Analysis*. <http://people.umass.edu/crotty/india-rev-May25.pdf> (Retrieved on December 1, 2010).
- Crotty, James (2002): Why There is Chronic Excess Capacity. *Challenge*. Vol. 45. No. 6. P.21–44.
- CS Ad Dataset (2007): US Internet (online) advertising expenditure in millions of U. S. dollars. <http://www.galbithink.org/cs-ad-dataset.xls> (Retrieved on December 1, 2010).

- Csehov, Anton Pavlovics (1975) [1894]: Levél A. Sz. Szuvorinhoz, Jalta, 1894. március 27. Megjelent: *Szahalín. Levelek, vallomások*. Magyar Helikon, Budapest.
- Davila, Tony, Marc J. Epstein and Robert Shelton (2006): *Making Innovation Work. How to Manage It, Measure It, and Profit from It*. Wharton School, Philadelphia.
- Davis, Christopher and Wojciech W. Charemza (eds.) (1989): *Models of Disequilibrium and Shortage in Centrally Planned Economies*. Chapman and Hall, London.
- Dentsu (2009): Advertising Expenditures in Japan 1999–2009. <http://www.dentsu.com/marketing/index.html> (Retrieved on December 1, 2010).
- Diamond, Peter A. (1982): Aggregate Demand Management in Search Equilibrium. *Journal of Political Economy*. Vol. 90. No. 5. P. 881–894.
- Djankov, Simeon and Peter Murrell (2002): Enterprise Restructuring in Transition: A Quantitative Survey. *Journal of Economic Literature*. Vol. 40. No. 3. P. 739–792.
- Domar, Evsey D. (1989): The Blind Man and the Elephant: An Essay on -isms. In: Evsey D. Domar (ed.) *Capitalism, Socialism and Serfdom*. Cambridge University Press. Cambridge. P. 29–46.
- Dragomán, György (2005): *A fehér király*. Magvető, Budapest.
- Drávucz, Péter (2004): Ez nagyobb dobás lesz a floppinál. *Magyar Hírlap*, március 20. EBRD (2008): *Transition Report, 2008: Growth in Transition*. EBRD, London. EBRD (2009): *Transition Report, 2009: Transition in Crisis*. EBRD, London.
- Economist Intelligence Unit 1990–2008. Country Reports www.eiu.com (Retrieved on December 14, 2010).
- Ehrlich, Eva (1985): *Economic Development Levels, Proportions and Structures*. Kézirat. Budapest: MTA Világgazdasági Kutatóintézet.
- Elster, Jon (1991): *Making Sense of Marx*. Cambridge University Press-Maison des Sciences de l'Homme, Cambridge-Paris.
- Engels, Friedrich (1969) [1872]: A tekintélyről. Megjelent: *Karl Marx és Friedrich Engels művei*. 18. kötet, Kossuth Könyvkiadó, Budapest. P. 290–293.
- Engels, Friedrich (1970) [1891]: Bevezetés Marx „A polgárháború Franciaországban” 1891-es kiadásához. Megjelent: *Karl Marx és Friedrich Engels művei*. 22. kötet, Kossuth Könyvkiadó, Budapest. P. 177–188.
- Erkel-Rousse, Helene and Christelle Minodier (2009): Do Business Tendency Surveys in Industry and Services Help in Forecasting GDP Growth? A Real-Time Analysis on French Data. INSEE, Paris, http://insee.fr/fr/publications-et-services/docs_doc_travail/G2009-03.pdf (Retrieved on January 12, 2011).
- Etter, Richard, Michael Graff and Jürg Müller (2008): Is 'Normal' Capacity Utilisation Constant Over Time? Analyses with Micro and Macro. Data from Business Tendency Surveys. ETH Zurich, KOF Swiss Econom-

- ic Institute, Zürich, http://www.cesifogroup.de/portal/page/portal/ifoContent/N/event/Conferences/conf_nd/2008-11-20-Third-Workshop-MacroeconomicsandBusinessCycle/work-makro3-graff-m.pdf (Retrieved on December 1, 2010).
- Eurobarometer (2005): Special survey on science and technology. (Terepmunka: 2005 január-február), http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb_special_240_220_en.htm (Retrieved on August 22, 2009).
- European Social Survey (2009): European Social Survey. Round 3. Norwegian Social Science Data Services, Oslo, <http://ess.nsd.uib.no/ess/round3/> Retrieved on December 12.
- Fallenbuchl, Zbigniew M. (1982): Employment Policies in Poland. In: Adam, Jan (ed.) *Employment Policies in the Soviet Union and Eastern Europe*. Macmillan, London. P.26–48.
- Farkas Katalin (1980): A vállalati készlekek szerepváltozása. Megjelent Tardos Márton (szerk.) *Vállalati magatartás, vállalati környezet*. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, Budapest. P.89–122.
- Federal Reserve (2009): Industrial Production and Capacity Utilization. <http://www.federalreserve.gov/releases/g17/Current/default.htm> (Retrieved on December 1, 2010).
- Federal Reserve Bank of St. Louis (2010): Federal Reserve Economic Data (Gross domestic product). <http://research.stlouisfed.org/fred2/series/GDPA?cid=106> (Retrieved on December 3, 2010).
- Federal Reserve Statistical Release (2010): Industrial Production and Capacity Utilization. <http://www.federalreserve.gov/releases/g17/current/table11.htm> és <http://www.federalreserve.gov/releases/g17/current/table12.htm> (Retrieved on December 1, 2010).
- Finanzi i Sztatizsziyka (1988): *SZSZSZR i zarubezniye sztrani 1987*. Moszkva.
- Flaschel, Peter (2009): *The Macrodynamics of Capitalism: Elements for a Synthesis of Marx, Keynes and Schumpeter*. Springer, Heidelberg.
- Foley, Duncan K. (1986): *Understanding Capital: Marx's Economic Theory*. Harvard University Press, Cambridge, MA.
- Francas, David, Mirko Kremer, Stefan Minner and Markus Frieze (2009): Strategic process flexibility under lifecycle demand. *International Journal of Production Economics*. Vol. 121. No. 2. P.427–440.
- Freedom House (2010): Freedom in the World: 2010 Survey Release. <http://www.freedomhouse.org> (Retrieved on December 3, 2010).
- Freeman, Christopher (1982): *The Economics of Industrial Innovation*. MIT Press, Cambridge, MA.
- Friedman, Milton (1968): The role of monetary policy. *American Economic Review*. Vol. 58. No. 1. P.1–17.
- Frisch, Walter (2003): Co-Evolution of Information Revolution and Spread of Democracy. *Journal of International and Comparative Economics*. Vol. 33.

- Fuchs, Christian (2008): *Internet and Society*. Routledge, New York-Abingdon.
- Galbraith, John K. (1952): *A Theory of Price Control*. Harvard University Press, Cambridge, MA.
- Galbraith, John K. (1958): *The Affluent Society*. Houghton Mifflin, Boston.
- Gomulka, Stanislaw (1983): The Incompatibility of Socialism and Rapid Innovation. *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 13. No. 1. P. 16–26.
- Google (2009): Google Milestones. Google Corporate Information. <http://www.google.com/corporate/history.html> (Retrieved on July 23, 2009).
- Grossman, Gene M. and Elhanan Helpman (1991): *Innovation and Growth in the Global Economy*. MIT Press, Cambridge, MA.
- Grover, Varun and Jon Lebeau (1996): US Telecommunications: Industries in Transition. *Telematics and Informatics*. Vol. 13. No. 4. P. 213–231.
- Gwartney, J. D. and R. Lawson (2008). *Economic Freedom of the World. Annual Report*. Fraser Institute, Vancouver.
- Haggard, Stephan and Robert R. Kaufman (2008). *Development, Democracy and Welfare States*. Princeton University Press, Princeton–Oxford.
- Hanson, Philip (1981): *Trade and Technology in Soviet-Western Relations*. Macmillan, London.
- Hanson, Philip (2003): *The Rise and Fall of the Soviet Economy. An Economic History of the USSR from 1946*. Longman, London.
- Hanson, Philip and Keith Pavitt (1987): *The Comparative Economics of Research Development and Innovation in East and West: A Survey*. Harwood, Chur-London-Paris-New York-Melbourne.
- Harrison, Ian (2003): *The Book of Firsts*. Cassell Illustrated, London.
- Harrison, Ian (2004): *Book of Inventions: The Stories behind the Creations and Inventions of the Modern World*. Cassel Guides, London.
- Haug, Wolfgang Fritz (2003): *High-Tech-Kapitalismus*. Argument, Hamburg.
- Haugh, David, Annabelle Mourougane and Olivier Chatal (2010): The Automobile Industry in and Beyond the Crisis. OECD Economics Department, *Working Paper*, 745.
- Hayek, Friedrich (1948): The Meaning of Competition. In: Hayek, Friedrich (ed.). *Individualism and Economic Order*. The University of Chicago Press, Chicago-London. P. 92–106.
- Heertje, Arnold (2006): *Schumpeter on the Economics of Innovation and the Development of Capitalism*. Edward Elgar, Cheltenham.
- Heilbroner, Robert L. (1986): Economics and Political Economy: Marx, Keynes and Schumpeter. In: Helburn, Susanne W.-Bramhall David F. (ed.) *Marx, Schumpeter, Keynes*. ME Sharpe, Armonk, NY. P. 13–25.
- Helburn, Suzanne W., David F. Bramhall (eds.) (1986): *Marx, Schumpeter, Keynes and a Centenary Celebration of Dissent*. ME Sharpe, Armonk, NY.

- Helpman, Elhanan and Paul R. Krugman (1985): *Market Structure and Foreign Trade*. MIT Press, Cambridge, MA.
- Hirschman, Albert O. (1995) [1970]: *Kivonulás, tiltakozás, hűség*. Osiris Kiadó, Budapest.
- Hodgson, Geoffrey M. (1993): *Economics and Evolution: Bringing Life Back Into Economics*. Polity Press-University of Michigan Press, Ann Arbor, MI-Cambridge.
- Holzmann, Robert (1990): *Unemployment Benefits during Economic Transition: Background, Concept and Implementation*. Kézirat. OECD Conference Paper. Ludwig Boltzmann Institut für Ökonomische Analyse, Bécs.
- Huang, Haizhou and Chenggang Xu (1998): Soft Budget Constraint and the Optimal Choices of Research and Development Projects Financing. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 26. P.62–79.
- ILO (2010): *Key Indicators of the Labor Market*. EAPEP Database. International Labour Organisation, Genf. IMF (2010); International Financial Statistics (Gross domestic product). International Monetary Fund, www.imfstatistics.org/imf/ (Retrieved on December 3, 2010).
- International Telecommunications Union (2006): *World Telecommunication/ICT Development Report: Measuring for Economic and Social Development*. Gent. P.104–112.
- International Telecommunications Union (2007): *Telecommunication Indicators. Telephones, Cellular Phones, and Computers by Country: 2006*. http://www.census.gov/compendia/statab/cats/international_statistics/telecommunications_computers.html (Retrieved on December 3, 2010).
- Ivánne, Hild Márta (1997): A marxi elmélet „újrafelfedezésének” története. *Eszmélet*, 9. évf. 34. sz. 123–145.
- Ivánne Hild Márta (1998): Az analitikus marxizmus néhány problémafelvetése. Megjelent: Temesi József (szerk.) *50 éves a Budapesti Közgazdaságtudományi Egyetem. Jubileumi tudományos ülészak IL kötet*, Budapesti Közgazdaságtudományi Egyetem, Budapest. P.741–753.
- Jones, Lamar B. (1989): Schumpeter versus Darwin: In re Malthus. *Southern Economic Journal*. Vol. 56. No. 2. P.410–422.
- Kahneman, Daniel and Amos Tversky (1979): Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*. Vol. 47. No 2. P.263–291.
- Kahneman, Daniel and Amos Tversky (1991): Loss Aversion in Riskless Choice: A Reference-Dependent Model. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 106. No. 4. P.1039–1061.
- Kaldor, Nicholas (1972): The Irrelevance of Equilibrium Economics. *Economic Journal*, Vol. 82. No. 328. P.1237–1255.
- Kaldor, Nicholas (1981): The Role of Increasing Returns, Technical Progress and Cumulative Causation. *Economie Appliquée*. Vol. 34. No. 6. P.593–617.
- Kapitány Zsuzsa (2010): Számítások a szocialista gazdaságok 1989 előtti autóhiányáról. Kézirat.
- Kautsky, Karl (1919) [1918]: *A proletárság diktatúrája*. Népszava, Budapest.

- Kean, Michael and Eswar Prasad (2002): Inequality, Transfers, and Growth: New evidence from the Economic Transition in Poland. *Review of Economics and Statistics*. Vol. 84. No. 2. P.324–341.
- Kedzie, Christopher R. (1997a): Democracy and Network Interconnectivity. In: Kiesler, S. (ed.) *Culture on the Internet*. Erlbaum, Mahwah, NJ.
- Kedzie, Christopher R. (1997b): The Case of the Soviet Union: The Dictator's Dilemma. Communications and Democracy: Coincident Revolutions and the Emergent Dictators. http://www.rand.org/pubs/rgs_dissertations/RGSD127/sec2.html (Retrieved on August 21, 2008).
- Keynes, John M. (1965) [1936]: *A foglalkoztatás, a kamat és a pénz általános elmélete*. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, Budapest.
- King, John L. and Joel West (2002): Ma Bell's Orphan: US Cellular Telephony, 1947–1996. *Telecommunications Policy*. Vol. 26. No. 3–4. P.189–203.
- Kirman, Alan (1992): Whom or What does the Representative Individual Represent? *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 6. No. 2. P.117–136.
- Kirzner, Israel M. (1973): *Competition and Entrepreneurship*. University of Chicago Press, Chicago-London.
- Kirzner, Israel M. (1985): *Discovery and the Capitalist Process*. University of Chicago Press, Chicago. P.119–149.
- Kolakowski, Leszek (1978): *Main Currents of Marxism*. Oxford University Press, Oxford.
- Kolosi, Tamás, István György Tóth (2008): Rendszerváltás: Nyertesek és vesztesek. Megjelent: Kolosi Tamás-Tóth István György (szerk.) *Újratervelés. Életutak és alkalmazkodás a rendszerváltás évtizedeiben*. Tárki. Budapest. Sz. 11–50.
- Kornai, János (1957): *A gazdasági vezetés túlzott központosítása*. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, Budapest.
- Kornai, János (1971): *Anti-equilibrium*. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, Budapest.
- Kornai, János (1980): *A hiány*. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, Budapest.
- Kornai, János (1982): *Növekedés, hiány és hatékonyság*. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, Budapest.
- Kornai, János (1983): *Ellentmondások és dilemmák*. Magvető, Budapest.
- Kornai, János (1986): *Contradictions and dilemmas*. *Studies on the Socialist Society*. MIT Press, Cambridge MA.
- Kornai, János (1992): Posztoszocialista átmenet és az állam. Gondolatok fiskális problémákról. *Közgazdasági Szemle*, 39. évf. 6. sz. 489–512.
- Kornai, János (1993a): *A szocialista rendszer: Kritikai politikai gazdaságtan*. HVG Kiadó. Budapest.
- Kornai, János (1993b): Transzformációs visszaesés. Egy általános jelenség vizsgálata a magyar fejlődés példáján. *Közgazdasági Szemle*. 40. évf. 7–8. sz. 569–599.
- Kornai, János (2000): *Tíz évvel a Rőpirat angol kiadásának megjelenése után. A szerző önértékelése*. *Közgazdasági Szemle*. 47. évf. 9. sz. 647–661.

- Kornai, János (2005a): *A gondolat erejével*. Osiris Kiadó, Budapest.
- Kornai, János (2005b): Közép-Kelet-Európa nagy átalakulása – siker és csalódás. *Közgazdasági Szemle*, 52. évf. 12. sz. 907–936.
- Kornai, János (2007): *Szocializmus, kapitalizmus, demokrácia és rendszerváltás*. Akadémiai Kiadó, Budapest.
- Kornai, János (2010a): Hiánygazdaság-többletgazdaság. *Közgazdasági Szemle*. 57 évf. 11–12. sz. 925–957, 1021–1044.
- Kornai, János (2010b): A puha költségvetési korlát szindróma és a globális pénzügyi válság. Egy kelet-európai közgazdász figyelmeztetései. Online publikáció, <http://www.kornai-janos.hu/KORNAI2010%20A%20puha%20koltsegvetesi%20korlat%20szindrroma%20es%20a%20globalis%20penzugyi%20valsag.pdf> (Retrieved on December 14, 2010).
- Kornai, János és Karen Eggleston (2004): *Egyéni választás és szolidaritás. Az egészségügy intézményi mechanizmusának reformja Kelet-Európában*. Nemzeti Tankönyvkiadó, Budapest.
- Kornai, János és Béla Martos (1971): Gazdasági rendszerek vegetatív működése. *Szigma*, I. évf. 1–2. sz. 35–50.
- Kornai, János és Béla Martos (szerk.) (1981): *Szabályozás árjelzések nélkül*. Akadémiai Kiadó, Budapest.
- Kornai, János, Eric Maskin és Gárard Roland (2004): A puha költségvetési korlát. *Közgazdasági Szemle*, I–II. rész. 51. évf. 7–8. és 9. sz. 608–624. és 777–809.
- Kornai, János, Rose-Ackerman, Susan (szerk.) (2005): *Tisztesség és bizalom a poszt szocialista átmenet fényében. A bizalmat érdemlő állam építése a poszt szocialista átmenet időszakában*. Nemzeti Tankönyvkiadó, Budapest.
- Kornai, János, Bo Rothstein and Susan Rose-Ackerman, (szerk.) (2005): *Tisztesség és bizalom a poszt szocialista átmenet fényében. A társadalmi bizalom megeremlése a poszt szocialista átmenet időszakában*. Nemzeti Tankönyvkiadó, Budapest.
- Kovács, Győző (1999): *Egy elpuszkázott találmány. Jánosi Marcell és a kazettás „floppy”*. Kiállítás plakátja. Budapest.
- KPMG (2009): Momentum: KPMG's Global Auto Executive Survey 2009. <http://www.kpmg.com/Global/en/IssuesAndInsights/ArticlesPublications/Momentum/Documents/MomentumAutoExec-2009.pdf> (Retrieved on December 1, 2010).
- KSH (2010): A KSH lakossági munkaerő-felmérése. Központi Statisztikai Hivatal, Budapest, http://portal.ksh.hu/portal/page?_pageid=37,638675&_dad=portal&_schema=PORTAL (Retrieved on November 12, 2010).
- Kürti, Sándor, Fabiányi, Gábor (2008): *20 éves a KÜRT, az Infostrázsa*. Kürt Információmenezsment, Budapest.
- Lachmann, Ludwig M. (1976): From Mises to Shackle: An Essay on Austrian Economics and the Laiic Society. *Journal of Economic Literature*. Vol. 14. No. 1. P. 54–62.

- Laki, Mihály (1984–1985): Kényszerített innováció. *Szociológia*, 1–2. sz. 45–53.
- Laki, Mihály (2009): *Interjú a Kürti-fivérekkel*. MTA Közgazdaságtudományi Intézet, Budapest.
- Lange, Oscar (1968) [1936–1937]: *On the Economic Theory of Socialism*. In: Lipincott, Benjamin E. (ed.) *On the Economic Theory of Socialism*. McGraw Hill, New York-Toronto-London. P. 57–143.
- Latvijas Statistika (2010): Population and Social Process Indicators. <http://www.csb.gov.lv/node/30604> (Retrieved on December 14, 2010).
- Lavoie, Don (1985): *Rivalry and Central Planning*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Layard, Richard, Stephen Nickell and Richard Jackman (1991): *Unemployment*. Oxford University Press, Oxford.
- Layard, Richard, Stephen Nickell and Richard Jackman (2005): *Unemployment. Macroeconomic Performance and the Labor Market*. Oxford University Press, Oxford.
- Lee, Frederic S. (1998): *Post Keynesian Price Theory*. Cambridge University Press, Cambridge MA.
- Leijonhufvud, Axel (1968): *On Keynesian Economics and the Economics of Keynes*. Oxford University Press, New York.
- Leijonhufvud, Axel (1973): Effective Demand Failures. *Swedish Journal of Economy*. Vol. 75. No. 1. P. 27–18.
- Leijonhufvud, Axel (2009): Out of the Corridor: Keynes and the Crisis. *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 33. No. 4. P. 741–757.
- Lenin, Vladimir I. (1977) [1918]: *A proletárforradalom és a renegát Kautsky*. Kossuth Könyvkiadó, Budapest.
- Malinvaud, Edmond (1977): *The Theory of Unemployment Reconsidered*. Blackwell, Oxford.
- Mandel, Ernest (2008): Marx, Karl Heinrich (1818–1883). In: S. N. Durlauf and L. E. Blume (eds.) *The New Palgrave Dictionary of Economics*. Palgrave-Macmillan, Basingstoke.
- Mankiw, Gregory N. (1985): Small Menu Costs and Large Business Cycles: A Macroeconomic Model of Monopoly. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 100. No. 2. P. 529–538.
- Mankiw, Gregory N. (2001): *Principles of Economics*. Harcourt College Publishers, New York.
- Marx, Karl (1968) [1871]: A polgárháború Franciaországban. Megjelent: *Karl Marx és Friedrich Engels művei*. 17. kötet. Kossuth Könyvkiadó, Budapest. Sz. 285–336.
- Marx, Karl (1969) [1873]: A politikai közömbösség. Megjelent: *Karl Marx és Friedrich Engels művei*. 18. kötet. Kossuth Könyvkiadó, Budapest. Sz. 284–289.
- Marx, Karl (1973) [1867]: *A tőke*. I. kötet. Kossuth Kiadó, Budapest.

- Marx, Karl (1974) [1863–1883]: *A tőke*. III. kötet. Kossuth Könyvkiadó, Budapest.
- Marx, Karl és Friedrich Engels, (1959) [1848]: A kommunista párt kiáltványa. Megjelent: *Karl Marx és Friedrich Engels művei*. 4. kötet. Kossuth Könyvkiadó, Budapest, sz. 437–470.
- McCloskey, Deirdre (1998): *The Rhetoric of Economics*. University of Wisconsin Press, Madison.
- McCloskey, Deirdre (2002): *The Secret Sins of Economics*. Prickly Paradigm Press, Chicago.
- McCraw, Thomas K. (2007): *Prophet of Innovation: Joseph Schumpeter and Creative Destruction*. Harvard University Press, Cambridge, MA-London.
- McGraw, A., Jeff T. Peter-Larsen, Daniel Kahneman and David Schkade (2010): Comparing gains and losses. *Psychological Science*. Vol. 21. No. 10. P. 1438–1445.
- Milanovic, Branko (1999): Explaining the Increase in Inequality during Transition. *Economics of Transition*. Vol. 7. No. 2. P. 299–341.
- Milanovic, Branko and Lire Ersado (2009): *Reform and Inequality during the Transition: An Analysis Using Panel Household Survey Data, 1990–2005*. World Bank, Washington D. C.
- Milgrom, Paul, Roberts, John (2005): *Közgazdaságtan, szervezetelmélet és vállalatirányítás*. Nemzeti Tankönyvkiadó, Budapest.
- Milward, Alan S. (1979): *War, Economy, and Society 1939–1945*. University of California Press. Berkeley.
- Mitra, Pradeep and Ruslan Yemtsov (2006): Increasing Inequality in Transition Economies: Is There More to Come? *World Bank Policy Research Working Paper*. 2007, September. World Bank. Washington D. C.
- Morishima, Michio (1973): *Marx's Economics: A Dual Theory of Value and Growth*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Nelson, Richard R. and Sidney G. Winter (1982): *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Harvard University Press, Cambridge MA.
- Neumann János, (1955) [1965]: A legújabb tudományos fejlődés hatása a gazdaságra és a közgazdaságtanra. Megjelent: Neumann János: *Válogatott előadások és tanulmányok*. Közgazdaság és Joga Könyvkiadó, Budapest. Sz. 100–102.
- New Europe Barometer (2009): Centre for the Study of Public Policy, University of Aberdeen, Scotland, http://www.abdn.ac.uk/cspp/view_item.php?id=404 (Retrieved on December 12, 2009).
- Nilsson, Ronny (2001): *Harmonization of Business and Consumer Tendency Surveys World-Wide*. OECD, Paris.
- North, Douglass C. (1990): *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press, Cambridge.

- North, Douglass C. (1991): Institutions. *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 5. No. 1. P. 97–112.
- Nyíri, J. Kristóf (2004): Review of Castells, The Information Age. In: Frank Webster and B. Dimitriou (2003) (eds.) *Manuel Castells*. Sage, London. P. 5–34.
- OECD (2003): *Business Tendency Surveys: A Handbook*. <http://www.oecd.org/dataoecd/29/61/31837055.pdf> (Retrieved on December 3, 2010).
- OECD (2009): Responding to the Economic Crisis: Fostering Industrial Restructuring and Renewal. OECD. <http://oecd.org/dataoecd/58/35/43387209.pdf>. (Retrieved on December 14, 2010).
- OECD (2010): Registered Unemployment and Job Vacancies. http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MEI_LAB_REG1 (Retrieved on December 14, 2010).
- Office for National Statistics (2010): Job vacancies. ONS Vacancy Survey. <http://www.statistics.gov.uk/STATBASE/Product.asp?vlnk=9390> (Retrieved on October 13, 2010).
- Olson, Mancur (1963): *The Economics of Wartime Shortage*. Duke University Press, Durham, NC.
- Orsato, Renato J. and Peter Wells (2006): U-turn: the rise and demise of the automobile industry. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 15. No. 11/12. P. 994–1006.
- Orwell, George (1989): *1984*. Európa Könyvkiadó, Budapest.
- Oz, Ámosz (2007): *Hogyan gyógyítsuk a fanatikust*. Európa, Budapest.
- Phelps, Edmund S. (1968): Money-Wage Dynamics and Labor-Market Equilibrium. *Journal of Political Economy*. Vol. 76. No. 4/2. P. 678–711.
- Phelps, Edmund S. (2008): Understanding the Great Changes in the World: Gaining Ground and Losing Ground since World War II. In: Kornai, János, László Mátyás and Gérard Roland (eds.) *Institutional Change and Economic Behavior*. Palgrave-Macmillan. P. 77–98.
- Phelps, Edmund S., George C. Archibald, Armen A. Alchian (1970): *Microeconomic Foundations of Employment and Inflation Theory*. Norton, New York.
- Pissarides, Christopher A. (2000): *Equilibrium Unemployment Theory*. MIT Press, Cambridge MA.
- Portes, Richard, Richard E. Quandt, David Winter and Stephen Yeo (1987): Macroeconomic Planning and Disequilibrium: Estimates for Poland, 1955–1980. *Econometrica*. Vol. 55. No. 1. P. 19–41.
- Portes, Richard and David Winter (1980): Disequilibrium Estimates for Consumption Goods Markets in Centrally Planned Economies. *Review of Economic Studies*. Vol. 47. No. 146. P. 137–159.
- Prékopa András (1995): *Stochastic Programming*. Kluwer, Budapest.
- Qian, Yingui and Chenggang Xu (1998): Innovation and Bureaucracy under Soft and Hard Budget Constraint. *The Review of Economic Studies*. Vol. 65. No. 1. P. 151–164.

- Ramey, Valerie A., West, Kenneth D. (1999): Inventories. In: John B. Taylor and Michael Woodford (eds.) *Handbook of Macroeconomics*, 1. Elsevier, Amsterdam. P. 863–923.
- Relman, Arnold (2010): Health Care: The Disquieting Truth. *New York Review of Books*. Vol. 57. No. 14. P. 15–18.
- Robinson, Joan V. (1969) [1933]: *The Economics of Imperfect Competition*. Macmillan, London.
- Roemer, John E. (ed.) (1986): *Analytical Marxism*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Roemer, John E. (ed.) (1994): *Foundations of Analytical Marxism*. Elgar, Brookfield.
- Rogers, Everett M. (1995): *Diffusion of Innovations*. The Free Press, New York.
- Rose, Richard (2004): *Insiders and Outsiders: New Europe Barometer 2004*. Centre for the Study of Public-Policy, University of Aberdeen, Scotland, Aberdeen. http://www.abdn.ac.uk/cspp/view_item.php?id=404 (Retrieved on July 27, 2009).
- Rosser, J. Barkley Jr., Richard P.F. Holt and David Colander (2010). *European Economics at a Crossroads*. Edward Elgar, Cheltenham.
- Samuelson, Paul A. (1976) [1948]: *Közgazdaságtan*. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, Budapest.
- Schumpeter, Joseph A. (1939): *Business Cycles*. McGraw Hill, New York–London.
- Schumpeter, Joseph A. (1954): *History of Economic Analysis*. Oxford University Press, New York.
- Schumpeter, Joseph A. (1980) [1912]: *A gazdasági fejlődés elmélete. Vizsgálódás a vállalkozói profitról, a tőkérről, a hitelről, a kamatról és a konjunktúraciklusokról*. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, Budapest.
- Schumpeter, Joseph. A (2010) [1942]: *Capitalism, Socialism, Democracy*. Routledge, Milton Park.
- Scitovsky, Tibor (1985): Pricetakers' Plenty: A Neglected Benefit of Capitalism. *Kyklos*. Vol. 38. No. 4. P. 517–536.
- Shane, Scott (1994): *Dismantling Utopia: How Information Ended the Soviet Union*. Ivan R. Dee, Chicago.
- Shapiro, Cari and Joseph E. Stiglitz (1984): Equilibrium Unemployment as a Worker Discipline Device. *American Economic Review*. Vol. 74. No. 3. P. 433–444.
- SHARE (2010): SHARE Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe. www.share-project.org (Retrieved on January 16, 2011).
- Siciliani, Luigi and Rossella Verzulli (2009): Waiting Times and Socioeconomic Status among Elderly Europeans: Evidence from SHARE. *Health Economics*. Vol. 18. No. 11. P. 1295–1306.
- Statistikos Departamentas (2010): Population and Social Statistics, <http://www.stat.gov.lt/en/pages/view/?id=2326> (Retrieved on December 14, 2010).
- Stiglitz, Joseph E., Amartya Sen and Jean-Paul Fitoussi (2009): Report by the Commission on the Measurement of economic Performance and

- Social Progress. http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/rapport_anglais.pdf (Retrieved on February 28, 2010).
- Stokes, Raymond G. (2000): *Constructing Socialism: Technology and Change in East Germany, 1945–1990*. Johns Hopkins University Press, Baltimore.
- Stolyarov, Gennady (2008): *Liberation by Internet*. Ludwig von Mises Institute. www.mises.org/story/3060 (Retrieved on August 31, 2009).
- Szabó, Katalin and Balázs Hámori (2006): *Információgazdaság. Digitális kapitalizmus vagy új gazdasági rendszer?* Akadémiai kiadó, Budapest. Tárki (2009): *World Value Survey. Technical Report*. Tárki, Budapest.
- Tarrit, Fabien (2006): A Brief History, Scope, and Peculiarities of „Analytical Marxism“. *Review of Radical Political Economics*. Vol. 38. No. 4. P. 595–618.
- Thomke, Stephan (2003): *Experimentation Matters: Unlocking the Potential of New Technologies for Innovation*. Harvard Business School Press, Boston.
- Tilly, Charles (1984): *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. Russel Sage Foundation, New York.
- Timmer, John (2009): China to Mandate Web Filtering Software on All New PCs. *Ars Technica*. <http://arstechnica.com/tech-policy/news/2009/06/china-to-mandate-web-filtering-software-on-all-new-pcs>. ars (Retrieved on July 27, 2009).
- Toomey, John W (2000): *Inventory Management: Principles, Concepts and Techniques*. Kluwer, Norwell, MA.
- Tóth, István György (2009): *Bizalomhiány, normazavarok, igazságtalanságérzet és paternalizmus a magyar társadalom értékstruktúrájában*. Tárki, Budapest.
- Transparency International (2010): The 2010 Corruption Perception Index. http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010 (Retrieved on December 3, 2010).
- U.S. Census Bureau (2010): Vacancy Rates for the United States: 1965 to 2010. www.census.gov/hhes/www/housing/hvs/qtr210/files/tables.xls (Retrieved on December 15, 2010).
- United Nations Statistics Division (2009a): Fixed telephone lines per 100 inhabitants. <http://data.un.org/Data.aspx?q=telephone&d=ITU&f=ind1Code%3aI91> (Retrieved on December 3, 2010).
- United Nations Statistics Division (2009b): Industrial Commodity Statistics Database (Radio, television and communication equipment and apparatus). <http://data.un.org/Data.aspx?d=ICS&f=cmID%3a47220-1> (Retrieved on July 16, 2009).
- Vaggi, Gianni and Peter Groenewegen (2006): *A Concise History of Economic Thought*. Palgrave Macmillan, Basingstone.
- Vanhuyse, Pieter (2006): *Divide and Pacify*. CEU Press, Budapest.
- Veblen, Thorstein B. (1898): Why is Economics not an Evolutionary Science. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 12. No. 4. 373–397. o

- Veblen, Thorstein B. (1975) [1899]: *A dologtalan osztály elmélete*. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, Budapest.
- Világbank (2008): World Development Indicators. World Bank, <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/DATASTATISTICS/0,contentMDK:21725423-hlPK:1365919-isCURL:Y-menuPK:64133159-pagePK:64133150-piPK:64133175-theSitePK:239419,00.html> (Retrieved on July 20, 2009).
- Világbank (2010): World Development Indicators and Global Development Finance (Gross Domestic Product per capita). http://databank.worldbank.org/ddp/home.do?Step=2&id=4&DisplayAggregation=N&SdmxSupported=Y&CNO=2&SET_BRANDING=YES (Retrieved on November 12, 2010).
- Világbank-Nemzetközi Pénzügyi Társaság (2009): *Doing Business 2009*. World Bank-International Finance Corporation, Palgrave Macmillan, Washington DC.
- WARC (2007): World Advertising Trends, Data: Adspend by Country (Advertising Expenditures) <http://www.warc.com/LandingPages/Data/Adspend/AdspendByCountry.asp> (Retrieved on July 21, 2010).
- Webster, Frank et al. (2004): *The Information Society Reader*. Routledge, London.
- Weitzman, Martin (2000): On Buyers' and Sellers' Markets under Capitalism and Socialism. In: Eric Maskin and András Simonovits (eds.) *Planning, Shortage, and Transformation*. MIT Press, Cambridge, MA. P.127-140.
- Wikipedia (2009a): <http://en.wikipedia.org/wiki/Google>. (Retrieved on July 23, 2009).
- Wikipedia (2009b): Internet censorship. http://en.wikipedia.org/wiki/Internet_censorship (Retrieved on August 19, 2009).
- Wikipedia (2010) Shortage Economy. http://en.wikimedia.org/wiki/Shortage_economy (Retrieved on March 15, 2009).
- World Values Survey (1995): Official data file v. 7. <http://www.worldvalues-survey.org/>, (Retrieved on December 12, 2010).
- Z. Karvalics, László (2009): *The Information (Society) Race*. Kézirat, BME, Budapest.

Указатель имен

- Агион, Филипп (*Aghion, Philippe*) 85, 233, 328
- Акерлоф, Джордж (*Akerlof, George*) 123, 205, 229, 328
- Ален, Оливье (*Allain, Olivier*) 138, 328
- Алесина, Альберто (*Alesina, Alberto*) 293, 328
- Алчиан, Армен (*Alchian, Armen*) 173, 339
- Аманн, Рональд (*Amann, Ronald*) 50, 58, 328
- Антал, Ласло (*Antal, László*) 240, 328
- Артур, Уильям Брайен (*Arthur, William Brian*) 122, 233, 328
- Артус, Патрик (*Artus, Patrick*) 254, 328
- Арчибальд, Джордж (*Archibald, George*) 173, 339
- Аткин, Дэвид (*Atkin, David*) 109, 328
- Байгрейв, Уильям (*Bygrave, William*) 54, 329
- Бакунин Михаил Александрович 179
- Бальцерович, Лешек (*Balcerowicz, Leszek*) 85, 328
- Бартельсман, Эрик (*Bartelsman, Eric*) 75, 76, 77, 114, 328
- Баумол, Уильям (*Baumol, Willian*) 50, 85, 329
- Бауэр, Рейнхольд (*Bauer, Reinold*) 63, 329
- Бенасси, Жан-Паскаль (*Benassy, Jean-Pascal*) 169, 190, 329
- Берлин, Исаяя (*Berlin, Isaiah*) 292, 329
- Берлинер, Джозеф (*Berliner, Joseph*) 47, 58, 329
- Бернерс-Ли, Тим (*Berners-Lee, Tim*) 56, 329
- Бехтольшайм, Энди (*Bechtolseim, Andy*) 53
- Билс, Марк (*Bils, Mark*) 127, 329
- Бисмарк фон, Отто (*Bismarck von, Otto*) 296
- Блайндер, Алан (*Blinder, Alan S.*) 127, 329
- Бланшар, Оливье (*Blanchard, Olivier*) 169, 329
- Блэр, Тони (*Blair, Tony*) 295
- Болл, Лоренс (*Ball, Laurence*) 89, 328
- Бояр, Габор (*Bojár, Gábor*) 68, 329
- Брабант фон, Йозеф (*Brabant von, Jozef*) 150, 329
- Брежнев, Леонид Ильич 315
- Брин, Сергей 51, 52,
- Броди, Андраш (*Bródy András*) 308, 329
- Бхадур, Амит (*Bhaduri, Amit*) 126, 329
- Бэкхаус, Роджер (*Backhouse, Roger*) 304, 328
- Ваджи, Джанни (*Vaggi, Gianni*) 304, 341
- Вальрас, Леон (*Walras, Léon*) 26, 150, 184, 186, 190, 192, 193, 202, 233, 325
- Ванхейссе, Питер (*Vanhuyse, Pieter*) 297, 341
- Варга, Йенё (*Varga, Jenő*) 309

- Веблен, Торстейн (*Veblen, Thorstein B.*) 188, 216, 341, 342
- Вебстер, Франк (*Webster, Frank*) 97, 339, 342
- Вейцман, Мартин (*Weitzman, Martin*) 116, 342
- Вердзулли (Верзулли), Росселла (*Verzulli, Rossella*) 246, 340
- Гали, Джорди (*Gali, Jordi*) 169, 329
- Гвартни, Джеймс (*Gwartney, James D.*) 277, 333
- Гири, Рой (*Geary, Roy C.*) 224
- Гитлер, Адольф (*Hitler, Adolf*) 306, 320
- Гомулка, Станислав (*Gomulka, Stanislaw*) 58, 333
- Горбачев, Михаил Сергеевич 64
- Графф, Майкл (*Graff, Michael*) 136, 331
- Гровер, Варун (*Grover, Varun*) 109, 333
- Гроссман, Джин (*Grossman, Gene*) 85, 333
- Груневеген, Петер (*Groenewegen, Peter*) 304, 341
- Гэлбрейт, Джон Кеннет (*Galbraith, John K.*) 216, 243, 332
- Давила, Тони (*Davila, Tony*) 62, 330
- Даймонд, Питер (*Diamond, Peter*) 173, 331
- Дебре, Жерар (*Debreu, Gerard*) 184
- Десаи, Падма (*Desai, Padma*) 268
- Джоунс, Ламар (*Jones, Lamar B.*) 187, 334
- Джэкман, Ричард (*Jackman, Richard*) 190, 325, 337
- Домар, Евсей (*Domar, Evsey*) 115, 267
- Дравуц, Петер (*Drávucz, Péter*) 58, 331
- Драгоман, Дёрдь (*Dragomán, György*) 278
- Дьянков, Симеон (*Djankov, Simeon*) 257, 331
- Дэвис, Роберт (*Davies, Robert W.*) 48, 50, 328
- Емцов, Руслан (*Yemtsou, Ruslan*) 282, 283, 338
- Ео (Йео), Стивен (*Yeo, Stephen*) 150, 339
- Иванне Хилд, Мария (*Ivänné Hild, Mária*) 304, 334
- Иоффе, Абрам (*Joffe, Abram*) 57
- Калдор, Николас (*Kaldor, Nicholas*) 122, 184, 188, 228, 334
- Канеман, Даниэль (*Kahneman, Daniel*) 206, 334, 338
- Канетти, Элиас (*Canetti, Elie*) 127, 329
- Капаш, Юдит (*Kapás Judit*) 271, 277
- Капитань, Жужа (*Kapitány Zsuzsa*) 222, 233, 334
- Карвалич, Ласло (*Z. Karvalics László*) 37, 74, 342
- Карпинский, Яцек (*Karpinski, Jacek*) 57
- Кастеллс, Мануэл (*Castells, Manuel*) 45, 97, 329, 339
- Каутский, Карл (*Kautsky, Karl*) 179, 319, 320
- Кауфман, Роберт (*Kaufman, Robert R.*) 289, 333
- Кедзи, Кристофер (*Kedzie, Christopher R.*) 91, 335
- Кейнс, Джон Мейнард (*Keynes, John Maynard*) 123, 169, 188, 205, 227, 228, 229, 230, 239, 242, 326, 333, 335, 337
- Кин, Майкл (*Kean, Michael*) 297, 334
- Кинг, Джон Л. (*King, John L.*) 109, 335
- Кирман, Алан (*Kirman, Alan*) 124, 335
- Кирицнер, Израэль (*Kirzner, Israel M.*) 85, 183, 335
- Клавель, Лоран (*Clavel, Laurent*) 154, 330
- Кленов, Питер (*Klenow, Peter J.*) 127, 329
- Кловер, Роберт (*Clower, Robert*) 141, 330

- Ковач, Дёзэ (*Kovács, Győző*) 58, 336
 Колоаковский, Лешек (*Kolakowski, Leszek*) 335
 Коландер, Дэвид (*Colander, David*) 27, 330
 Коллинз, Филип (*Collins, Philip*) 322, 330
 Колоши, Тамаш (*Kolosi, Tamás*) 282, 335
 Кондратьев, Николай 241
 Коррадо, Кэрол (*Corrado, Carol*) 137, 330
 Коуэн, Робин (*Cowan, Robin*) 183, 330
 Кремер, Мирко (*Kremer, Mirko*) 219, 332
 Кротти, Джеймс (*Crotty, James*) 231, 330
 Кругман, Пол Робин (*Krugman, Paul R.*) 122, 233, 333
 Куандт, Ричард (*Quandt, Richard*) 101, 339
 Кудрна, Зденек (*Kudrna, Zdenek*) 37, 275
 Купер, Джулиан (*Cooper, Julian*) 37, 47, 48, 71, 328, 330
 Куттс, Дэвид (*Coutts, David*) 187, 330
 Кэнри, Николас (*Canry, Nicolas*) 138, 328
 Кюрти, Шандор (*Kürti Sándor*) 69, 336
 Кюрти, Янош (*Kürti János*) 69, 336
 Лавуа, Дон (*Lavoie, Don*) 183, 337
 Лаки, Михай (*Laki, Mihály*) 37, 60, 69, 337
 Ланге, Оскар (*Lange, Oscar*) 150, 337
 Ларсен, Джефф (*Larsen, Jeff T.*) 206, 338
 Лау, Туен-Ю (*Lau, Tuen-Yu*) 109, 328
 Лахман, Людвиг (*Lachman, Ludwig*) 183, 336
 Лебо, Джон (*Lebeau, Jon*) 109, 333
 Лебоу, Дэвид (*Lebow, David E.*) 127, 329
 Лейонхувуд, Аксель (*Leijonhufvud, Axel*) 141, 202, 237, 337
 Ленин, Владимир Ильич 63, 93, 179, 315, 318, 319, 320, 321
 Ли, Фредерик (*Lee, Frederic S.*) 56, 337
 Лин, Кэролайн (*Lin, Carolyn A.*) 109, 328
 Литан, Роберт (*Litan, Robert E.*) 85, 329
 Лоусон, Роберт (*Lawson, Robert A.*) 277, 333
 Лукач, Дёрдь (*Lukács György*) 309
 Лэйард, Ричард (*Layard, Richard*) 190, 325, 337
 Ма, Юнь (*Ma, Yun*) 73
 Майндл, Питер (*Meindl, Peter*) 117, 330
 Макгро, Питер (*McGraw, A. Peter*) 206, 338, 340
 Маккლოსки, Дейдра (*McCloskey, Deirdre*) 26, 338
 Маккро, Томас (*McCraw, Thomas K.*) 50, 338
 Малинво, Эдмонд (*Malinvaud, Edmond*) 169, 190, 337
 Мальтус, Томас Роберт (*Malthus, Thomas R.*) 187, 325, 330, 334
 Мандель, Эрнест (*Mandel, Ernest*) 304, 324, 337
 Мэнкью, Грегори (*Mankiw, Gregory*) 85, 86, 127, 328
 Мао, Цзэдун (*Mao, Zedong*) 29, 204, 315, 317, 321
 Маркс, Карл (*Marx, Karl*) 12, 13, 15, 18, 26, 38, 64, 125, 178, 188, 227, 228, 231, 301, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 315, 316, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326
 Мартош, Бела (*Martos, Béla*) 233, 336
 Маршалл, Альфред (*Marshall, Alfred*) 186
 Маскин, Эрик (*Maskin, Eric*) 78, 250, 336, 342
 Месманн, Тибор (*Meszmán, Tibor*) 37, 88
 Мизес фон, Людвиг Генрих (*Mises van, Ludwig Heinrich*) 183, 336, 341
 Миланович, Бранко (*Milanovic, Branco*) 282, 338

- Милуорд, Алан (*Milward, Paul*) 243, 338
- Мильгром, Пол (*Milgrom, Paul*) 177, 338
- Миннер, Штефан (*Minner, Stefan*) 219, 332
- Минопье, Кристель (*Minodier, Christelle*) 154, 330, 331
- Митра, Прадип (*Mitra, Pradeep*) 282, 283, 338
- Морисима, Митио (*Morishima, Michio*) 308, 338
- Муруган, Анабель (*Mourougan, Annabelle*) 218, 333
- Мэттей, Джо (*Mattey, Joe*) 137, 330
- Мюллер, Юрг (*Müller, Jürg*) 136, 331
- Мюррел, Питер (*Murrell, Peter*) 257, 331
- Нейман, Джон (*Neumann, John (János)*) 25, 184, 185, 234, 338
- Нельсон, Ричард (*Nelson, Richard*) 188, 229, 338
- Никель, Стивен (*Nickel, Stephen*) 190, 325, 337
- Нильсон, Ронни (*Nilsson, Ronny*) 74, 172, 338
- Нири, Криштоф (*Nyiri J. Kirstóf*) 97, 339
- Норт, Дуглас (*North, Douglass*) 229, 338
- Обама, Барак (*Obama, Barack*) 247
- Оз, Амос (*Oz, Amos*) 311, 339
- Олсон, Манкур (*Olson, Mancur*) 243, 339
- Орсато, Ренато (*Orsato, Renato*) 218, 339
- Оруэлл, Джордж (*Orwell, George*) 94, 339
- Пейдж, Ларри (*Page, Larry*) 51, 52
- Писсаридес, Кристофер (*Pissarides, Christopher*) 173, 190, 339
- Портес, Ричард (*Portes, Richard*) 150, 190, 339
- Прасад, Эсвар (*Prasad, Eswar*) 297, 334
- Прекопа, Андраш (*Prékopa, András*) 101, 117, 339
- Пэвитт, Кит (*Pavitt, Keith*) 58, 333
- Ракоши, Матяш (*Rákosi, Mátyás*) 321
- Рамей, Валери (*Ramey, Valerie*) 117, 339
- Релман, Арнольд (*Relman, Arnold*) 248, 340
- Риццо, Марио (*Rizzo, Mario*) 183, 330
- Робертс, Джон (*Robertс, John*) 177, 338
- Ролан, Жерар (*Roland, Gérard*) 250, 336
- Рона, Даниел (*Róna, Daniel*) 37, 82, 271
- Россер, Баркли Джон (*Rosser, J. Barkley Jr.*) 27, 340
- Роуз, Ричард (*Rose, Richard*) 93, 340
- Роуз-Аккерман, Сьюзан (*Rose-Ackerman, Susan*) 217, 336
- Рубик, Эрнё (*Rubik, Ernő*) 43, 57
- Рудд, Джереми (*Rudd, Jeremy B.*) 127, 329
- Сабо, Каталин (*Szabó, Katalin*) 37, 97, 341
- Самуэльсон, Пол А. (*Samuelson, Paul A.*) 18, 104, 227, 340
- Сичилиани, Луиджи (*Siciliani, Luigi*) 246, 340
- Скарпетта, Стефано (*Scarpetta, Stefano*) 75, 76, 77, 328
- Скитовски, Тибор (*Scitovsky, Tibor*) 127, 340
- Сталин, Иосиф Виссарионович 29, 57, 94, 204, 310, 315, 317, 318, 321
- Стиглиц, Джозеф (*Stiglitz, Joseph E.*) 88, 177, 178, 229, 340
- Столяров, Геннадий (*Stolyarov, Gennady*) 64, 341
- Стоукс, Реймонд (*Stokes, Raymond*) 63, 341
- Сюй, Чен Гуан (*Xu, Chenggang*) 37, 59, 62, 334, 339

- Тарри, Фабьен (*Tarrit, Fabien*) 304, 341
- Тверски, Амос (*Tversky, Amos*) 206, 334
- Тилли, Чарльз (*Tilly, Charles*) 21, 341
- Тиммер, Джон (*Timmer, John*) 94, 341
- Тиммонс, Джеффри (*Timmons, Jeffrey A.*) 54, 329
- Толстой, Лев Николаевич 216
- Томке, Штефан (*Stefan*) (*Thomke, Stefan*) 54, 341
- Тот, Иштван Дёрдь (*Tóth István György*) 282, 287, 335
- Троцкий, Лев Давидович 64
- Туми, Джон (*Toomey, John W.*) 117, 341
- Уинтер, Дэвид (*Winter, David*) 150, 190, 338
- Уинтер, Сидни (*Winter, Sidney G.*) 189, 339
- Уэллс, Питер (*Wells, Peter*) 218, 339
- Уэст, Джоэл (*West, Joel*) 109, 335
- Уэст, Кеннет (*West, Kenneth D.*) 117, 339
- Фабьани, Габор (*Fabiányi, Gábor*) 69, 336
- Фалленбухль, Збигнев (*Fallenbuchl, Zbigniew M.*) 165, 332
- Фаркаш, Каталин (*Farkas, Katalin*) 148, 332
- Фелпс, Эдмунд (*Phelps, Edmund*) 85, 175, 178, 228, 229, 339
- Флэшел, Питер (*Flaschel, Peter*) 227, 332
- Фоли, Дункан (*Foley, Duncan*) 304, 332
- Франкас, Дэвид (*Francas, David*) 219, 332
- Фридман, Милтон (*Friedman, Milton*) 18, 178, 332
- Фризе, Маркус (*Friese, Markus*) 219, 332
- Фримэн (*Фриман*), Кристофер (*Freeman, Christopher*) 51, 62, 332
- Фриш, Вальтер (*Frisch, Walter*) 93, 332
- Фукс, Кристиан (*Fuchs, Christian*) 45, 332
- Фукс-Шундельн, Никола (*Fuchs-Schündeln, Nicola*) 293, 328
- Хаггард, Стивен (*Haggard, Stephan*) 289, 333
- Хайек, Фридрих (*Hayek, Friedrich*) 26, 183, 230, 324, 333
- Хальтивангер, Джон (*Haltiwanger, John*) 75, 76, 77, 328
- Хамори, Балаж (*Hámori, Balázs*) 97
- Харрисон, Иэн (*Harrison, Ian*) 44, 333
- Хауг, Вольфганг Фриц (*Haug, Wolfgang Fritz*) 97, 333
- Хауитт, Питер (*Howitt, Peter P.*) 85, 233, 328
- Хейлброннер, Роберт (*Heilbronner, Robert L.*) 231, 333
- Хелпман, Элханан (*Helpman, Elhanan*) 85, 122, 233, 333
- Хертье, Арнольд (*Heertje, Arnold*) 50, 333
- Хиршман, Альберт (*Hirschman, Albert O.*) 211, 333
- Хо, Дэвид (*Haugh, David*) 218, 333
- Ходжсон, Джеффри (*Hodgson, Geoffrey M.*) 188, 334
- Холт, Ричард (*Holt, Richard P.F.*) 27, 330, 340
- Хольцман, Роберт (*Holzmann, Robert*) 165, 334
- Хрушев, Никита Сергеевич 315
- Хуан, Хай Чжу (*Huang, Haizhou*) 62, 334
- Хэнсон, Филип (*Hanson, Philip*) 37, 47, 333
- Хюркец, Юдит (*Hürkecz, Judit*) 37, 271
- Цянь, Иньцзи (*Qian, Yingui*) 44, 339
- Чантрилл, Кристофер (*Chantrill, Christopher*) 211, 330
- Чао, Лоретта (*Chao, Lorette*) 94, 330

- Чаушеску, Николае (*Ceausescu, Nicolae*) 278,
Чегледи, Пал (*Cseglédi, Pál*) 271, 277
Чемберлин, Эдвард (*Chamberlin, Edward*) 115, 228, 329
Черуцци, Пол (*Ceruzzi, Paul*) 44, 329
Чехов, Антон Павлович 216
Чикан, Аттила (*Chikán, Attila*) 16, 101, 148, 149, 330
Чопра, Сунил (*Chopra, Sunil*) 117, 330
- Шапино, Карл (*Shapiro, Carl*) 177, 178, 229, 340
Шейн, Скотт (*Shane, Scott*) 64, 340
Шелтон, Роберт (*Shelton, Robert*) 62, 330
Шиллер, Роберт (*Shiller, Robert J.*) 123, 205, 229, 328
Шиллинг, Мелисса А. (*Schilling, Melissa A.*) 50, 329
Шимонович, Андраш (*Simonovits, András*) 37, 101, 187, 233, 342
Шкаде, Давид (*Schkade, David*) 206, 338
Шрамм, Карл (*Schramm, Carl J.*) 85, 329
- Шумпетер, Йозеф (*Schumpeter, Joseph A.*) 44, 45, 50, 51, 54, 56, 69, 74, 79, 85, 102, 119, 188, 209, 227, 228, 230, 231, 241, 242, 325, 327, 333, 334, 338, 340
- Эгглестон, Карен (*Eggleston, Karen*) 249, 336
Эльстер, Джон (*Elster, Jon*) 304, 331
Энгельбарт, Дуглас (*Engelbart, Douglas*) 52
Энгельс, Фридрих (*Engels, Friedrich*) 317, 319, 320, 331, 337, 338
Эпштейн, Марк (*Epstein, Marc J.*) 62, 330
Эркель-Русс, Элен (*Erkel-Rousse, Helene*) 154, 331
Эрлих, Ева (*Ehrlich, Éva*) 163, 331
Эрсато, Лире (*Ersado, Lire*) 282, 338
Этгер, Ричард (*Etter, Richard*) 136, 331
Эшер, Мауриц Корнелис (*Escher, Maurits Kornelis*) 267
- Яноши, Марцел (*Jánosi, Marcell*) 58, 68, 336

Научное издание

ЯНОШ КОРНАИ
РАЗМЫШЛЕНИЯ О КАПИТАЛИЗМЕ

Главный редактор издательства Валерий Анашвили
Научный редактор издательства Артем Смирнов
Выпускающий редактор Елена Попова
Художник серии Валерий Коршунов

Верстка Сергея Зиновьева
Корректор Ольга Герасенкова

Издательство Института Гайдара
125993, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Подписано в печать 04.06.12. Тираж 1000 экз.
Формат 60×90 1/8. Гарнитура ITC New Baskerville.
Заказ № 28. Отпечатано в типографии «Момент»
141406, Химки, ул. Библиотечная, д. 11